

май–июнь
3 (77) 2017 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРЫ**
- 10 ФЛИЕР А. Я.**
СИСТЕМНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ
- 19 ПУГАЧЕВА Л. Г.**
ЭВОЛЮЦИЯ РАЗУМА:
ВСТРЕЧА ЧЕЛОВЕКА С «АБСТРАКТНЫМ»
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ – ДЖОН СЁРЛЬ,
ГРЕГОРИ БЕЙТСОН И ЧОГЬЯМ ТРУНГПА
- 30 РЕМИЗОВ В. А.**
ЕСТЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫЙ МЕЙНСТРИМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ:
ОТ РАЗДЕЛЁННОСТИ К ЕДИНСТВУ
- 35 ЕСАКОВ В. А. ,
МИТРОПОЛЬСКАЯ-РОДИОНОВА Н. В.,
КОНОБЕЕВА А. Б.**
ЦИКЛИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

44 ЛЬВОВА Н. В.

ЗНАНИЕ КАК КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ТОВАР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

52 ШИЛЕХИНА М. С.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА
КАК ЕГО ИДЕНТИФИКАЦИОННОЕ ЛИЦО:
СУЩНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ

63 БОРОДИНА Е. А.

МИФЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

71 ХРУЩЕВА Т. С.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ФЕНОМЕНУ СИНТЕЗА ИСКУССТВ

79 ЕРМОЛОВА А. А.

ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ
КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ФОТОГРА-
ФИИ. ОТНОШЕНИЯ ФОТОГРАФИИ И ЖИВОПИСИ

86 ФУГИНА О. А.

ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ
КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

96 КРУГЛЫХ Д. Г., ПОКОТИЛО А. С.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ

103 МЯСНИКОВ А. Н.

ОСОБЕННОСТИ КАРНАВАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ
БЕЛЬГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

109 НАЗАРХУДОЕВА Д. Ш.

«ПАМИРСКАЯ» ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМА
ИНТЕГРАЦИИ ПАМИРСКИХ ЭТНОСОВ
В ТАДЖИКИСТАНЕ

- 116 РЫЖАНКОВА О. В.**
АКРАМ ХАН И ОБРЕТЕНИЕ НОВОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИНДИЙСКОГО
ТАНЦА
- 126 ЛОНДАДЖИМ Н. С.**
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ АФРИКАНЦЕВ
В РОССИИ
- СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
- 138 СЕКРЕТОВА Л. В.**
ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДУСТРИИ ДОСУГА
В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
- 147 АТЛАСОВА М. М.**
КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА
- 154 ШВОБ Л.**
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ВЫСТАВОЧНОГО
ПРОСТРАНСТВА И МЕСТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГАЛЕРЕИ СТУДЕНЧЕСКОГО ЦЕНТРА
(г. ЗАГРЕБ, ХОРВАТИЯ)
- БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
- 164 АЛТУХОВА Г. А.**
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ
БИБЛИОТЕКАРЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
- 172 ЛОПАТИНА Н. В., ИВИНА К. В.**
КУРСОВАЯ РАБОТА КАК ВИД УЧЕБНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ПОДГОТОВКИ
БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ
СПЕЦИАЛИСТОВ

**ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**

182 ПЕТРУШИН В. И.

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ
И РЕСУРСЫ ДЛЯ ЕЁ РАЗВИТИЯ

192 СТЕПАНОВ Н. И.

МОДЕЛЬ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО
МАСТЕРСТВА

198 КЛАБУКОВА А. В.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ВОКАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ
ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ

206 ЛОСАБЕРИДЗЕ К. Р.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ
ТЕАТРАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

214 ДУДКИНА Ю. И., МИРЗОЕВ О. М.

МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ
В РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ:
НА ПРИМЕРЕ МГИК

220 ГИНКЕВИЧ И. В.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ЗАНЯТИЙ
ПО МЕТОДИКЕ «ШКОЛА ДВИЖЕНИЙ» НА
НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ
В СЛОЖНОКООРДИНАЦИОННЫХ ВИДАХ
СПОРТА

НОВЫЕ КНИГИ 228 ИРХЕН И. И.

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК В. А. РЕМИЗОВА И
В. С. САДОВСКОЙ «КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

May–June
3 (77) 2017
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

THE PHILOSOPHY OF CULTURE

10 FLIER A. YA.

SYSTEMIC JUSTIFICATION OF THE THEORY
OF CULTURE

19 PUGACHEVA L. G.

EVOLUTION OF THE MIND:
MEETING WITH ABSTRACT LEVEL OF REALITY
IN MODERN CULTURE – JOHN SEARLE,
GREGORY BATESON, CHÖGYAM TRUNGPA

30 REMIZOV V. A.

NATURAL-HUMANITARIAN MAINSTREAM
AND CULTURAL KNOWLEDGE:
FROM SEPARATION TO UNITY

35 ESAKOV V. A.,

MITROPOLSKAYA-RODIONOVA N. V.,

KONOBEEVA A. B.

CYCLIC DEVELOPMENT OF SOCIAL
AND ECONOMIC SYSTEMS

CULTURAL STUDIES

44 LVOVA N. V.

KNOWLEDGE AS CULTURAL AND ECONOMICAL
COMMODITY OF SOCIAL LIFE

52 SHILEKHINA M. S.

CULTURAL SPACE OF THE CITY
AS ITS IDENTIFICATION PERSON:
ESSENCE AND FORMATION

63 BORODINA E. A.

MYTHS OF THE MODERN CITY: THE PROBLEM

71 KHRUSHCHEVA T. S.

CULTURAL APPROACHES TO THE PHENOMENON
OF SYNTHESIS OF ARTS

79 ERMOLOVA A. A.

THE ARTISTRY AS PROBLEM MARGIN
OF PHOTOGRAPHY. RELATIONSHIP
OF PHOTOGRAPHY AND PAINTING

86 FUGINA O. A.

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN NORTH AMERICA:
THE EMERGENCE OF RUSSIAN-AMERICAN
CULTURAL RELATIONS

96 KRUGLYKH D. G., POKOTILO A. S.

FEATURES OF UPBRINGING IN THE CONTEXT
OF CONTEMPORARY JAPANESE MEDIA CULTURE

103 MYASNIKOV A. N.

FEATURES CARNIVAL TRADITIONS
OF BELGIUM (CULTUROLOGICAL ASPECT)

109 NAZARKHUDOEVA D. SH.

“PAMIR” IDENTITY AND INTEGRATION ISSUE
OF THE PAMIR PEOPLES IN TAJIKISTAN

116 RYZHANKOVA O. V.

AKRAM KHAN AND THE ACQUISITION
OF A NEW IDENTITY THE GENRE OF
CONTEMPORARY INDIAN DANCE

126 LONDADJIM N. S.

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF AFRICANS
IN RUSSIA

**SOCIAL AND CULTURAL
ACTIVITIES****138 SEKRETOVA L. V.**

RESEARCH OF THE LEISURE INDUSTRY
IN RUSSIA: THE SOCIAL AND CULTURAL ASPECT

147 ATLASOVA M. M.

LOCAL HISTORY ACTIVITY AS FACTOR
PRESERVATIONS OF THE NATIVE LANGUAGE

154 SVOB L.

THE USE OF THE POTENTIAL OF ART AND
EXHIBITION SPACE, AND PLACE IN THE ACTIVITIES
OF THE GALLERY OF THE STUDENT CENTER
(ZAGREB, CROATIA)

**LIBRARY AND
INFORMATION
ACTIVITIES****164 ALTUKHOVA G. A.**

PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE LIBRARIAN
IN THE ERA OF GLOBALIZATION AND
INFORMATION SOCIETIES

172 LOPATINA N. V., IVINA K. V.

COURSE WORK AS A LEARNING ACTIVITY
IN THE STRUCTURE OF THE TRAINING LIBRARY
AND INFORMATION PROFESSIONALS

**EDUCATION
IN THE FIELD
OF CULTURE**

182 PETRUSHIN V. I.

HIERARCHICAL STRUCTURE OF PERSONALITY
AND THE RESOURCES FOR ITS DEVELOPMENT

192 STEPANOV N. I.

THE MODEL OF MUSICAL PERFORMANCE SKILLS

198 KLABUKOVA A. V.

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION
OF VOCAL ARTS IN THE MODERN
UNIVERSITY CULTURE

206 LOSABERIDZE K. R.

PEDAGOGICAL CONTRADICTIONS
OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS OF ART

214 DUDKINA Y. I., MIRZOEV O. M.

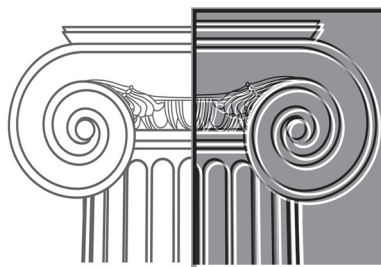
MONITORING OF THE STATE OF HEALTH
IN THE DEVELOPMENT OF PROGRAMS
FOR THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE
OF STUDENTS: THE EXAMPLE OF MSIC

220 GINKEVICH I. V.

ORGANIZING AND CONDUCTING TRAINING
BY THE METHOD "SCHOOL OF MOVEMENT"
AT THE INITIAL STAGE OF SPORT TRAINING
IN COMPLEX COORDINATION SPORTS

NEW BOOKS 228 IRKHEN I. I.

REVIEW OF THE BOOK BY V. A. REMIZOV AND
V. S. SADOVSKAYA "CULTURAL ANTHROPOLOGY"

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

СИСТЕМНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

А. Я. Флиер

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева

Статья является этапом работы автора над формулированием положений нормативной теории культуры как системной функциональной интерпретации ее свойств. Особое внимание уделяется построению этой теории как системы с взаимосвязанными и взаимообусловленными компонентами. Определяются главные социальные задачи, которые призвана решать культура.

Ключевые слова: культура, нормативная теория, социальная интеграция, специализация, культура-обычай, культура-идеология, культура-референция.

A. Ya. Flier

D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage,
Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Kosmonavtov str., 2, 129366, Moscow,
Russian Federation

SYSTEMIC JUSTIFICATION OF THE THEORY OF CULTURE

The article is the stage of the author's work on the formulation of the provisions of the normative theory of culture as a systemic functional interpretation of its properties. Particular attention is paid to the construction of this theory as a system with interrelated and interdependent components. The main social tasks that culture is called upon to solve are defined.

Keywords: culture, normative theory, social integration, specialization, culture-custom, culture-ideology, culture-reference.

Для цитирования: Флиер А. Я. Системное обоснование теории культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3 (77). С. 10–18.

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

FLIER ANDREY YAKOVLEVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of Expert and Analytical Center for the Development of Educational Systems in the Sphere of Culture, D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

e-mail:andrey.flier@yandex.ru

© Флиер А. Я., 2017

Нормативная теория культуры обдумывалась и разрабатывалась мною в течение многих лет, и она основывается на большом количестве работ моих предшественников. Среди них: философская деятельностная теория культуры М. С. Кагана [4], социологическая концепция возрастания специализации в деятельности Э. Дюркгейма [3], отраслевая модель морфологии культуры Э. А. Орловой [7, с. 8–73] и социально-психологическое структурирование культуры А. В. Костиной [5]. Я перечисляю тех авторов, которые повлияли на мои концептуальные построения непосредственно. Опосредованно же воздействовали на меня взгляды на культуру и на развитие науки академика В. С. Стёпина [10, с. 61–71; 11], смыслогенетическая теория культуры А. А. Пелипенко [8], закон техно-гуманитарного баланса А. П. Назаретяна [6], теория истории И. М. Дьяконова [2], этнологические разработки Ю. М. Плюснина и В. Р. Дольника [9; 1], концепция исторических эпистем культуры М. Фуко [14], разработки проблемы значений культурных артефактов корифеев британской школы Cultural Studies А. Гроссберга и С. Холла [16, р. 21–67; 17, р. 128–139] и другие. Разумеется, я согласен далеко не со всеми взглядами этих авторов, но в целом они своими суждениями в разное время способствовали сложению в моей голове новой теории культуры, названной по своей основной функции *нормативной* (создающей систему норм человеческого сознания и поведения), как моего авторского системного её понимания и толкования. Первый вариант этой теории был опубликован в 2012 году [см.: 13], и с тех пор я совершенствую формулировки основных её положений.

В сегодняшние дни эти положения выглядят следующим образом:

- Культура – это сформировавшаяся в процессе эволюции жизни на Земле поведенческая программа, обеспечивающая коллективный характер деятельности и образа жизни людей, их взаимодействие и коммуницирование.

- В процессе антропогенеза человеческая культура эволюционировала из социального поведения животных, развиваясь по линии: инстинкт – обычай – рациональное поведение.

- Культурная деятельность проявляет себя в двух основных формах:

- социально-поведенческой, непосредственно обеспечивающей коллективный характер жизнедеятельности людей (с помощью обычаев, нравов, этикета, гостеприимства, вежливости и пр.), сигнализирующих о добрых намерениях участников коммуникации;

- символической, обеспечивающей социальную интеграцию опосредованно (через посредство разговорного языка и системы художественных, религиозных, идеологических и иных образов), воздействующих на сознание человека, обучающих его и создающих благоприятную психологическую атмосферу для коллективного образа жизни.

- Историческое развитие форм деятельности шло по пути их нарастающей специализации, что вело к постепенному расслоению культуры на обыденную и специализированную, в основном дублирующих друг друга и преобладающих ситуативно.

- В ходе исторического развития культуры сначала преобладала обыденная деятельность (культура-обычай) с абсолютной доминантой коллективности и

традиционности в любой практике, ныне называемая народной культурой. Затем, по мере развития цивилизации и городов, от неё стала отпочковываться специализированная деятельность (культура-идеология), часто называемая элитарной культурой, в которой преобладали индивидуальные формы и техническое новаторство. И, наконец, в ходе урбанизации XIX–XX веков развилась массовая культура (культура-референция), которая мало влияет на продуктивную деятельность людей, но регулирует их потребление и досуг, как в коллективной, так и в индивидуальной формах.

• На определенной стадии развития культурной эрудиции у человека происходит становление мировоззрения, культурной картины мира, а также появляется потребность в самоидентификации на основании его солидарности с каким-то локальным коллективом людей, как правило принадлежащих к той же культуре, что и идентифицирующийся человек.

• Основные социальные функции всех типов культуры заключаются:

– в социальной интеграции человеческих сообществ;

– в нормировании и регулировании взаимодействия и коммуницирования людей, как в групповой, так и индивидуальной деятельности;

– в согласовании всякой деятельности с коллективным образом жизни людей;

– в символизации и манифестировании «правильных» образцов сознания и поведения на основе эталонных образов;

– в формировании общественного сознания (идеологии), определяющего коллективные интересы и ценности как более значимые, нежели индивидуальные;

– в поддержании баланса коллективной и индивидуальной культуры в обществе, что воплощается в наблюдаемом уровне социальной свободы личности.

Главное в этой модели культуры – это её системность, взаимосвязанность и взаимообусловленность её элементов, что подразумевает наличие какой-то доминантной социальной функции, детерминирующей все остальные культурные проявления. Такой главной функцией я полагаю обеспечение *социальной интеграции* человеческого общества, поддержание *коллективного образа жизни* людей.

Большинство видов животных ведёт групповое существование [12]. Так повышается биологическая устойчивость популяций, облегчается размножение, оборона, добывание пищи и пр. Все обезьяны (в том числе человекообразные) ведут групповой образ жизни с довольно сложной социальной организацией стаи и нормами социального поведения отдельной особи. Человек, биологически эволюционировавший из древних приматов (человекообразных обезьян), унаследовал эту склонность к групповому существованию, и его культура явилась эволюционным развитием социального устройства и поведения древних приматов.

Культура обеспечивает основные системообразующие аспекты коллективного существования людей и манифестирует его преимущества. Разумеется, разные сегменты культуры участвуют в этом по-разному. *Социально-поведенческий* сегмент обеспечивает социальную интеграцию непосредственно и осознанно. *Символический* сегмент участвует в решении этой задачи более разнообразно. Одни его части (например, идеология) работа-

ют на обеспечение социальной интеграции непосредственно и осмысленно, другие (язык, религия) – опосредованно, не задаваясь специально этой целью, третьи (искусство) – вообще не рефлексировать над проблемами социальной интеграции, хотя латентно очень ей способствуют. Но таким образом заполняется всё пространство социальной практики и сознания человека сентенциями о необходимости групповой формы жизнедеятельности.

М. С. Каган в своём исследовании обосновал понимание культуры как *деятельности* [4]. Этот взгляд представляется вполне релевантным, если понимать деятельность в максимально широком смысле, включающем и бытовое поведение человека, и его взаимоотношения с другими людьми, и интеллектуальную практику, и т.д., то есть всю физическую и умственную активность человека. Но если культура – деятельность, то её историческое развитие должно соответствовать развитию всех иных форм деятельности, то есть идти по пути углубления её специализированности. Фактологическая история культуры (например, искусства) свидетельствует именно об этом.

Тогда понятны причины ускоренного развития специализированной культуры, по сравнению с почти остановившейся в развитии обыденной (традиционной) культурой, бурного развития форм индивидуальной культуры, по сравнению с медленно прогрессирующей коллективной культурой, и, наконец, причины возрастания объёмов и значимости социальной свободы в ходе истории. Всё это соответствует историческому тренду развития деятельности и возрастания уровня её специализированности.

Основная *регулятивная функция* культуры состоит в *нормировании* представлений человека о том, что правильно, а что неправильно, что хорошо, а что плохо, что красиво, а что некрасиво, и соответствующего поведения. Конечно, эти представления очень условны и различаются у разных народов, в разные эпохи и даже у разных сословий. Они зависят преимущественно от актуальности форм социальной престижности, распространенных в данный момент в том или ином сословии. Для иллюстрации этого достаточно посмотреть портреты красавиц прошлого. И Клеопатру (сохранился её профиль на монете), и королеву Марго (сохранилось несколько её прижизненных изображений) по современным меркам трудно назвать привлекательными женщинами. А вот царица Нефертити – красавица и по сегодняшним понятиям. То же и в языке. Многие слова сегодняшнего разговорного языка 200 лет назад считались неприличными. Так что все эти оценки условны, всё меняется со временем, но культура нормирует временные представления о правильном, хорошем, красивом и т.п.

Особенность этих временных нормативов состоит в том, что длительность их циклов постепенно сокращается. Например, в XVII–XVIII веках длительность цикла моды на тип одежды, причёски, парика была равна примерно полувеку. На рубеже XIX–XX веков моды менялись через 15–20 лет. А на рубеже XX–XXI веков средняя длительность цикла моды составляла уже 2–4 года. Конечно, в разных областях культуры длительность доминирующих представлений бывает разной. Пример с модой на одежду – это только иллюстрация исторической тен-

денции сокращения этих циклов. Но, тем не менее, пусть кратковременная, но всё же достаточно чёткая нормированность основных доминантных представлений о ценностной неравнозначности форм и событий окружающего мира (правильном/неправильном, хорошем/нехорошем, красивом/некрасивом) очень важна для человека психологически. И культура удовлетворяет этот запрос.

Регулятивные функции культуры не ограничиваются только социально-поведенческим и символическим аспектами. Ещё одной важнейшей регулятивной сферой является *мировоззрение* человека, культурная *картина мира*, в рамках которой он определяет своё место и *идентифицирует* себя с определённым локальным коллективом, избираемом на том или ином основании, с которым он чувствует наибольшую солидарность. В научной литературе чаще всего обсуждается этническая идентичность людей. Но распространена ещё и конфессиональная идентичность, и государственно-политическая, и социально-сословная, и социально-классовая, и даже партийно-идеологическая.

Сейчас актуальна и такая составная идентичность, как национальная, объединяющая этническую и государственно-политическую, а также, как правило, и конфессиональную идентичности. В основании этого лежит всё та же установка культуры на приоритет коллективных форм существования, только коллективом, по отношению к которому происходит самоопределение, в данном случае является всё человечество.

Так или иначе, но чувство *социальной солидарности*, лежащее в основании всякой самоидентификации, является

важнейшей составляющей социального сознания человека.

Такой социальный тип, как *массовая культура*, играет важную социально-стабилизирующую роль в жизни современного горожанина, регулирует его досугово-потребительскую практику и подчиняет её коммерческим интересам производителя пользующегося спросом продукта. Она воздействует на сознание человека, делая его более рациональным и прагматичным. Хотя по универсальности своих социальных функций массовая культура не может сравниться с обыденной и специализированной культурами, но, как регулятор возросшего объема свободного времени современного человека, она очень значима.

Картина в целом выглядит следующим образом. В древности коллективная жизнь и обыденная деятельность людей, основанная на практическом опыте, отличались наибольшей эффективностью. Но логика развития форм деятельности, эволюционировавших по линии углубления специализации, привела к тому, что специализированная индивидуальная деятельность, основанная на фундаментальном рациональном знании, при должном инструментальном оснащении во многих сферах стала более эффективной, чем коллективная обыденная деятельность. Культура, как зеркало, отражала эти перемены. Но специализированная индивидуальная деятельность имеет более творческий характер, требует большей социальной свободы и чаще ведёт к перемене технологий и форм изготавливаемой продукции. В культуре это выразилось в более частой смене символики социальной престижности, иллюстрацией чему может служить история

моды. Это отразилось и на учащающейся перемене общественных вкусов и приоритетов, а с ними и доминирующих культурных норм, которые теперь определяет ещё и массовая культура. Возрастание значимости специализированной индивидуальной деятельности одновременно вело и к возрастанию уровня социальной свободы человека, нарастанию динамики культурной изменчивости. Такова логика роста *культурной изменчивости*.

Что же касается *культурной устойчивости* (которая не менее важна, чем изменчивость), то её основой является сохраняющаяся коллективная деятельность, которая никуда не исчезла, а только сократила площадку своего распространения. В ней сохраняются традиционные принципы технологического и формального повторения, привычные для консервативного сознания значительной части населения, всегда актуальна историческая память, развитое национальное самосознание и т.п. Понятно, что о полном исчезновении коллективных форм деятельности речь никогда не шла, тем более что образ жизни людей сохраняется и развивается именно как коллективный. Культурная устойчивость важна не только как основа сохранения локального своеобразия каждого конкретно-исторического общества, а в первую очередь тем, что позволяет от поколения к поколению воспроизводить каждое общество как устойчивую социальную целостность. Так что сохранение коллективной деятельности важно прежде всего культурно, как база для исторического воспроизводства общества.

Вместе с тем не стоит сводить всю обыденную культуру только к коллективным началам, а специализированную

– к индивидуальным. На деле и там, и там присутствуют оба начала. Но статистически, технологически и психологически в обыденной культуре преобладает коллективизм, а в специализированной – индивидуализм. А касательно массовой культуры говорить о каком-либо доминировании коллективного или индивидуального начала не приходится. Здесь всё ситуативно.

Социальные и культурные коллизии XX века создали впечатление, что традиционная культура заканчивает своё историческое существование, вытесняясь в продуктивной деятельности специализированной культурой, а в потреблении и досуге – массовой. Но сейчас уже ясно, что это не так. Традиционная коллективная культура не столько исчезает, сколько мимикрирует в современных условиях. Отчасти она заимствует формы массовой культуры, наполняя их собственным содержанием, а отчасти уходит в подполье. Например, многие люди на службе ведут себя как современные специалисты, а, возвращаясь домой, за закрытой дверью своей квартиры и в кругу своей семьи меняют свое «культурное лицо» и воспроизводят нормы, обычаи и нравы традиционной крестьянской культуры.

Дело тут не просто в приверженности каких-то людей к традициям, а в том, что традиционная культура является «психологическим щитом» для людей с низкой социальной конкурентоспособностью. Когда человек чувствует, что он не в состоянии конкурировать с коллегами по работе, он вспоминает, что принадлежит к великому народу и начинает воспроизводить историческую традиционную культуру, насколько он с нею знаком. Это защитная реакция. Но нужно пони-

мать, что пока в обществе сохраняется прослойка неконкурентоспособных людей (а она по естественным причинам будет всегда), традиционная коллективная культура будет находить своих адептов.

Вместе с тем культурная традиционность не означает абсолютной неизменности используемых культурных форм. По ходу времени их обновление происходит и здесь (например, в порядке адаптации к изменившимся внешним условиям), но медленно и по иной траектории, нежели при творческом развитии. Традиция – это прежде всего принцип предпочтения того, что проверено практическим опытом и доказало свою надежность. А устойчивость конкретных форм здесь регулируется обстоятельствами, хотя недооценивать значимость авторитета истории в традиционной культуре не следует [15].

Показательно, что чем больше в культуре общества доминирует традиционная коллективная культура и ниже темп его социального развития, тем более выражено в актуальной культуре локальное культурное своеобразие. И, наоборот, чем больше в культуре доминируют специализированное и массовое начала и выше темп социального развития, тем менее актуально локальное своеобразие, концентрирующееся в основном в культуре прошлого.

Всё это в большой мере регулируется господствующей *идеологией*, выступающей в роли стимулятора одних проявлений и взглядов общества и сдерживающей уздой для других. Идеология – это тоже культура, но представленная в наиболее формализованном виде. То, что символическая культура говорит нам языком образов, идеология декларирует

в виде чётких формальных императивов, регулирующих сознание и поведение человека. Большинство современных идеологий (национализм, консерватизм, социализм и другие) на тех или иных основаниях воспевают коллективизм, что соответствует изначальной установке культуры. И лишь либерализм прославляет индивидуальное начало в человеке. На деле и в одной, и в другой позиции есть свои плюсы и свои минусы. Коллективизм укрепляет социальное единство общества, но замедляет его интеллектуальную активность. А индивидуализм раскрепощает интеллектуальный потенциал общества, но ослабляет его социальное единство. История даёт нам множество примеров этому. Тоталитарные страны обычно превосходят демократические по своей мобилизационной готовности, но уступают в научном и культурном развитии. Говоря иначе, первые больше готовы к войне, а вторые – к миру.

Культура, в принципе, должна нивелировать эти крайности и выстраивать удовлетворительный баланс разных начал (ведь общество состоит из людей с разными идеологическими приоритетами). Но это получается не всегда; нередко этому препятствует позиция государственной власти, которая тоже придерживается той или иной идеологии. Я полагаю, что удовлетворяющий общество баланс между коллективной и индивидуальной культурами является *свободой*, на реально достигнутом ею уровне.

Таким образом, главные социальные задачи, решаемые культурой, можно свести в три кратких определения. Культура осуществляет: коммуникативное и психологическое обеспечение коллективного характера жизнедеятельности людей и

образную символизацию его основных системообразующих элементов; нормирование человеческого сознания и поведения, в целом ориентированного на символические образы (эталон), в целях поддержания конструктивности социального взаимодействия; снятие против-

речий между отдельными компонентами этой структуры, её выравнивание, поддержание баланса между коллективным и индивидуальными началами социальной жизни.

Такова, по моим представлениям, культура в её системном понимании.

Примечания

1. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы : беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. 5-е изд., доп. Санкт-Петербург : Петроглиф ; Москва : МЦНМО, 2009. 350 с.
2. Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. Москва : Наука, Восточная литература, 1994. 384 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии : [пер. с фр.] / изд. подгот. А. Б. Гофман ; [примеч. В. В. Сапова]. Москва : Наука, 1991. 574 с.
4. Каган М. С. Человеческая деятельность : (Опыт системного анализа). Москва : Политиздат, 1974. 328 с.
5. Костина А. В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура : «Баланс интересов» в современном обществе. Москва : УРСС, 2009. 216 с.
6. Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно-исторической психологии. Изд. 2-е, испр. Москва : URSS, 2008. 256 с.
7. Орлова Э. А. Динамика культуры и целенаправленная активность человека // Морфология культуры. Структура и динамика : учебное пособие для вузов / под ред. Э. А. Орловой. Москва : DrDoom, 1994. С. 8–73.
8. Пелипенко А. А. Постижение культуры : в 2 частях. Ч. 1. Культура и смысл. Москва : РОССПЭН, 2012. 607 с.
9. Плюснин Ю. М. Проблема биосоциальной эволюции : Теоретико-методологический анализ / отв. ред. В. П. Фофанов ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1990. 240 с.
10. Стёпин В. С. Культура // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 61–71.
11. Стёпин В. С. Теоретическое знание : структура, историческая эволюция. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
12. Тинберген Н. Социальное поведение животных / перевод с англ. Ю. Л. Амченкова ; под ред. П. В. Симонова. Москва : Мир, 1993. 149 с.
13. Флиер А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры. Москва : Согласие, 2012. 528 с.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук : пер. с фр. / [вступ. ст. Н. С. Автономовой, с. 7–27]. Санкт-Петербург : А-сэд : АОЗТ «Талисман», 1994. 406 с.
15. Alleau R. *De la nature des symboles*. Paris: Flammarion, 1958. 126 p.
16. Grossberg L. The Formations of Cultural Studies. *Relocating Cultural Studies*. London – New York: Routledge, 1993. Pp. 21–67.
17. Hall S. Encoding and Decoding. *Culture, Media, Language*. London: Hutchinson, 1980. Pp. 128–139.

References

1. Dolnik V. R. *Neposlušnoye ditya biosfery : besedy o povedenii cheloveka v kompanii ptits, zverey i detey* [Naughty child of the biosphere: talks about the behavior of a person in the company of birds, animals and children]. 5nd edition. St. Petersburg, Moscow, 2009. 350 p.
2. Dyakonov I. M. *Puti istorii. Ot drevneyshego cheloveka do nashikh dney* [Ways of History. From the oldest man to the present day]. Moscow, Russian Academy of Sciences “Vostochnaya literatura” (“Oriental Literature”) Publishers, 1994. 384 p.
3. Dyurkgeym E. [Durkheim E.] *O razdelenii obshchestvennogo truda; Metod sotsiologii* [On the division of social labor; Method of sociology]. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1991. 574 p.
4. Kagan M. S. *Chelovecheskaya deyatel'nost' : (Opyt sistemnogo analiza)* [Human activity: (Experience of system analysis)]. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1974. 328 p.
5. Kostina A. V. *Natsional'naya kul'tura – etnicheskaya kul'tura – massovaya kul'tura : “Balans interesov” v sovremennoy obshchestve* [National culture – ethnic culture – mass culture: “Balance of interests” in modern society]. Moscow, Editorial URSS, 2009. 216 p.
6. Nazaretyan A. P. *Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii : ocherki po evolyutsionno-istoricheskoy psikhologii* [Anthropology of Violence and the Culture of Self-Organization: Essays on Evolutionary-Historical Psychology]. 2nd edition. Moscow, Editorial URSS, 2008. 256 p.
7. Orlova E. A. *Dinamika kul'tury i tselenapravlennoy aktivnosti cheloveka* [Dynamics of culture and purposeful activity of a person]. In: Orlova E. A., ed. *Morfologiya kul'tury. Struktura i dinamika : uchebnoye posobiye dlya vuzov* [Morphology of culture. Structure and dynamics: a textbook for high schools]. Moscow, Publishing house “DrDoom”, 1994. Pp. 8–73.
8. Pelipenko A. A. *Postizheniye kul'tury, v 2 chastyakh. Chast' 1. Kul'tura i smysl* [Comprehension of culture, in 2 parts. Part 1. Culture and meaning]. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2012. 607 p.
9. Plyusnin Yu. M. *Problema biosotsial'noy evolyutsii : Teoretiko-metodologicheskii analiz* [The problem of biosocial evolution: Theoretical and methodological analysis]. Novosibirsk, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1990. 240 p.
10. Stepin V. S. *Kul'tura* [Culture]. *Voprosy Filosofii* [Problems of philosophy]. 1999, no. 8, pp. 61–71.
11. Stepin V. S. *Teoreticheskoye znaniye : struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge: structure, historical evolution]. Moscow, Publishing house “Progress-Tradition”, 2000. 743 p.
12. Tinbergen N. *Sotsial'noye povedeniye zhivotnykh* [Social behavior of animals]. Moscow, 1993. 149 p.
13. Flier A. Ya. *Ocherki teorii istoricheskoy dinamiki kul'tury* [Essays on the Theory of Historical Dynamics of Culture]. Moscow, Publishing House “Soglasie”, 2012. 528 p.
14. Fuko M. [Foucault P.-M.] *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities]. St. Petersburg, 1994. 406 p.
15. Alleau R. *De la nature des symboles*. Paris: Flammarion, 1958. 126 p.
16. Grossberg L. *The Formations of Cultural Studies. Relocating Cultural Studies*. London – New York: Routledge, 1993. Pp. 21–67.
17. Hall S. *Encoding and Decoding. Culture, Media, Language*. London: Hutchinson, 1980. Pp. 128–139.

*

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗУМА: ВСТРЕЧА ЧЕЛОВЕКА С «АБСТРАКТНЫМ» В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ – ДЖОН СЁРЛЬ, ГРЕГОРИ БЕЙТСОН И ЧОГЬЯМ ТРУНГПА

УДК 130.2

Л. Г. Пугачева

Московский государственный институт культуры

В современном информационно-сетевом обществе обмен знаниями и развитие индивидов имеют характер самоорганизующегося процесса. Таким же образом происходит становление новой культурной парадигмы и формирование новой эпистемологии – структуры знания, обеспечивающей определенную «настройку» восприятия и мировоззрения современного человека. Информационная среда массово порождает эпистемологически открытую личность. Поэтому сегодня развитие разума происходит вне элиты – не на университетских факультетах или в научных лабораториях, а в потоке социальной жизни, где неопределенность давит на индивида и не даёт ему застыть в пределах конкретной социальной роли или функции. В этой общекультурной ситуации поиска ответа на вопрос «кто я?» человек от текста обращается к телу как полю индивидуального осознания феноменов жизни и смерти. Осознанность внутренних телесных состояний и процессов способствует встрече человека с абстрактным уровнем реальности за пределами текста. И это одна из новых приоритетных тем развития современной культуры и современного мышления.

Ключевые слова: эпистемология, разум, дискурсивное мышление, текст, реальность за пределами текста, модельное мышление, тело, осознание, открытость ума, развитие индивида, массовый человек, буддизм, телесные практики, информационно-сетевое общество.

L. G. Pugacheva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

EVOLUTION OF THE MIND: MEETING WITH ABSTRACT LEVEL OF REALITY IN MODERN CULTURE – JOHN SEARLE, GREGORY BATESON, CHÖGYAM TRUNGPA

In modern information-net society exchange of knowledge and development of personality is a synergetic process. In the same way a new cultural paradigm is established and new epistemology

ПУГАЧЕВА ЛЮДМИЛА ГЕННАДИЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры социально-философских наук факультета медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств (МАИС) Московского государственного института культуры

PUGACHEVA LYUDMILA GENNADIEVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of Department of social and philosophical sciences, Faculty of Media and Audiovisual Arts (MAIS), Moscow State Institute of Culture

e-mail: lgpugacheva@yandex.ru
© Пугачева Л. Г., 2017

is formed. Epistemology is knowledge structure, which determines and adjusts how modern man perceives the world. Information field generates epistemologically open personality in large numbers. Thus, nowadays development of mind takes place not in universities or research laboratories but in the flow of social life, where indeterminacy puts pressure on personality and does not allow him to get stiff in any particular social role or function. In this global cultural situation of looking for an answer to the question “Who am I?” modern man rather turns to their body as a field of individual awareness of the phenomena of life and death than to texts. Conscious attitude to bodily states and processes helps man meet abstract level of reality out of text. It is one of the newest trends in development of modern culture and thinking.

Keywords: epistemology, mind, discursive thinking, text, reality not within text, pattern thinking, body, awareness, open mind, personality development, mass man, Buddhism, body techniques, information-net society.

Для цитирования: Пугачева А. Г. Эволюция разума: встреча человека с «абстрактным» в современной культуре – Джон Сёрль, Грегори Бейтсон и Чогьям Трунгпа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3 (77). С. 19–29.

Современная культура предоставляет человеку невероятный по своему охвату и глубине доступ к информации, такую информационную мобильность, которую современные учителя тибетского буддизма сравнивают с известным с древности феноменом всеведения просветленного разума, для которого в познании не существует никаких границ.

В этой ситуации обмен знаниями и развитие конкретных индивидуумов имеют характер самоорганизующегося процесса. Одновременно – это процесс становления новой культурной парадигмы и формирования новой эпистемологии – структуры знания, обеспечивающей определенную «настройку» восприятия и мировоззрения современного человека. Сама информационная среда имеет такую конфигурацию, которая порождает эпистемологически открытую личность, принимающую не только какой-то один – сциентистский либо религиозный, мифологический, национально-культурно-исторический, бытовой (на основе здравого смысла) или ещё какой-либо способ мироописания.

Новая личность одновременно использует различные, порой формально противоречащие друг другу модели мышления и реальности.

В настоящий момент каждый индивид, хотя бы немного склонный к рефлексии, задаваясь вопросом «кто я?», как минимум понимает условный характер любого ответа. Поскольку современная социальная реальность не даёт возможности гарантированно стать кем-то на достаточно продолжительный срок, сопоставимый с продолжительностью жизни. Изменения настолько прочно вошли в восприятие реальности и мировоззрение, что молодые люди, получающие профессиональное образование в течение 4–6 лет, после окончания вуза морально готовы рисковать: работать не по специальности, уехать в другой город, поменять страну, континент, если это приносит им ощущение полноценной жизни, развития, социального успеха. И эта готовность к текучей идентификации, осознание условности любой социальной роли – одна из существенных черт современного мышления.

Человек с открытым мышлением уже не заперт внутри одной системы мышления: он владеет многими контекстами, если осознаёт их общий смысл и пользу для себя. В противном случае разнообразные контексты овладевают человеком, если уровень его осознанности и внутреннего развития невысок: тогда он может чувствовать себя потерянным и не принадлежащим себе, своей стране, национальной культуре, истории, роду, семье. Такой человек зачастую принимает по отношению к настоящему критическую позицию и ищет опору в образах прошлого (например, «раньше – до революций 1917 года, в СССР или до кризиса – было лучше»). Но и в том, и в другом случае человек оказывается в ситуации свободы – осознанной и принятой или бессознательной и насильственной – от жесткого определённого и тем самым устойчивого мира прошлого. Мира – в котором образ реальности сливался с реальностью и служил надёжной опорой для повседневной жизни человека и даже успешно отвечал на экзистенциальные вопросы: о смысле жизни и смерти, предназначении человека, его месте в реальности и перспективах развития цивилизации...

Но современная жизнь не оставляет выбора. Поэтому попытаемся увидеть те преимущества, которые предлагаются человеку сегодня.

Современная поликонтекстуальность культуры и открытость человека, эти, если можно так сказать, технические характеристики, сугубо рабочие параметры функционирования информационно-сетевого общества, создают условия для встречи, ранее немислимой в рамках рационалистического, наукоцентристского

сознания. А именно – встречи человека и реальности за рамками любых её культурно-исторических описаний.

Сознание классической эпохи, запертое внутри одного мироописания, эпистемологически, то есть в силу устройства знания и процесса познания, не имеет возможности задаться вопросом о реальности за пределами принятой в обществе модели. Так происходит, поскольку познание (например, в рамках религиозной картины мира, когда разум «познаёт мир, созданный Богом») напрямую, непосредственно отождествляет реальность с результатами своей деятельности. В случае неуспеха применения того или иного фрагмента знания речь может идти только об ошибках познания, вызванных «греховностью», «нечистотой» самого познающего ума. Контекстом такой эпистемологической установки является представление о том, что истинная картина реальности гипотетически существует и её познание – вопрос качества инструмента: времени и религиозной чистоты, безгрешности разума. В классической науке поиск истины видится примерно так же.

Установка классической научной рациональности на поиск абсолютной истины формально и генетически вырастает из религиозного мировоззрения. Только здесь ошибки в познании реальности обусловлены не нарушениями в области аксиологии и этики, а искажениями логики и фундаментальными проблемами человеческого мышления и коммуникации, которые Ф. Бэкон уже в XVII веке называл идолами разума, то есть проблемами технического и технологического характера, которые, правда, соприродны уму человека. В случае религии гарантом

истинности знания о реальности выступает Бог, в случае науки – Разум. Но и в том, и в другом случае структура знания не позволяет возникнуть ситуации, когда мыслящий человек осознаёт инструментальный характер мышления, его сопряженность с целями познания и его социально-культурную обусловленность. По сути, человек не понимает прагматического характера картины мира, её природу модели или машины, сконструированной для того, чтобы доставить человека к какой-то запланированной цели, какому-то фундаментальному смыслу или переживанию. Однако это не значит, что таких целей не существует. Скорее, наоборот.

Приведем примеры таких фундаментальных задач: в случае религиозного сознания средневековой Европы этот смысл – единство с Богом; в случае классической науки XVII–XIX веков – власть над природой. А европейский рационализм в целом вдохновлялся такой целью, как тотальная формализация и максимальная математизация знания о реальности. Так или иначе, классическая рациональность во всех своих вариантах запирает человека внутри определённого контекста и делает сам этот трюк ненаблюдаемым... Проще говоря, человек внутри классической модели мышления не осознаёт условный и субъективный характер своего понимания реальности, не предполагает, что субъективное и интерсубъективное мышление конструируют модель реальности и предъявляют её сознанию в качестве самой реальности. (Хотя, строго говоря, осознание моделирующего по отношению к реальности характера познания периодически проявляется в истории философии. Примером может служить

проблеск конструктивизма в познании Дж. Вико (XVII–XVIII века)).

В современном мире ситуация кардинально меняется: во-первых, множество по-разному функционирующих моделей реальности, картин мира (политических, экономических, религиозных, национально-культурных, субкультурных и т.д.) создаёт условия для борьбы между различными социальными общностями. Эта ситуация в истории хорошо известна: например, христианизация Рима или военные переделы мира в XX веке... Во-вторых, и это преимущество современной культуры – помимо исторически наиболее известного, а, в сущности, всё-таки животного желания победы своей модели над «чужими», мыслящий разум современного человека наблюдает удивительную игру моделей в рамках общества в целом. Более того, он учится (в первую очередь, на уровне человека массы, обычного человека) путешествовать по реальности с помощью нескольких моделей, меняя их в зависимости от внутренних и внешних условий и задач собственной жизни. И, конечно, пытливый ум наших современников замечает полное отсутствие глобального руководства, метапрограммы, или метанарратива, который бы простым и ясным языком объяснял правила спонтанного путешествия по реальности.

Более того, именно очевидность служебного, прагматического характера идеологий и мировоззрений для современного человека создаёт возможность постановки вопроса о встрече человека и абстрактного уровня реальности вне моделей и интерпретаций, вне конкретных целей и задач. По сути, создаются условия для встречи человека с самим собой,

которая возможна исключительно во внутренней сфере – на уровне индивидуального сознания.

Тут необходимо пояснить два ключевых момента: что такое абстрактный уровень реальности и что такое внутреннее – индивидуальное – измерение сознания человека.

Начнем со второго – как более привычного для западного сознания феномена. В современной литературе достаточно авторитетной в его описании, очевидно, является концепция Дж. Сёрля [3], специалиста в области философии сознания и искусственного интеллекта, автора знаменитого мысленного эксперимента «Китайская комната». Он ввёл в научный оборот понятие об онтологии первого лица («я»), которая принципиально недоступна для наблюдателя (позиции третьего лица, «он»). Говоря простым языком, онтология первого лица, само это понятие, фиксирует внимание исследователей на том факте, что существует в действительности некая область сознания, которая принципиально доступна только самому человеку. Это – то пространство, которое, собственно, производит каждого из нас в качестве уникального воспринимающего и осознающего существа. Заслуга Дж. Сёрля состоит, конечно, не в открытии этого пространства, очевидного для философии со времён Августина Блаженного («Знаешь ли ты, что ты существуешь? Знаю... Знаешь ли ты, что ты мыслишь? Знаю... Итак, ты знаешь, что существуешь, знаешь, что живешь; знаешь, что познаешь [1]»), но в продвижении онтологического аспекта данной идеи в научном сообществе. Дж. Сёрль ввёл в научное мышление, сделал легитимной идею онтологической

равнозначности уникального внутреннего пространства и внешнего физического пространства, которое легко доступно для наблюдения и является опорой науки, – онтологию третьего лица. Другими словами, Дж. Сёрль утверждает, что внутреннее пространство реально настолько же, насколько и внешнее, хотя и принципиально недоступно для измерений с помощью приборов и наблюдению со стороны. Проще говоря, реальность не тождественна измеримости, то есть категория количества, онтологически связанная с переживанием физического пространства, не является её безусловным критерием. По сути, Дж. Сёрль поставил в рамках эпистемологии вопрос об онтологических полномочиях личности, индивида – его праве удостоверять реальность личностного измерения – внутреннего пространства. Не будет сильным преувеличением сказать, что впервые в истории Новейшего времени разум индивида воспринимается настолько устойчивым, что попытка Дж. Сёрля предоставить индивиду право решать, что реально, а что нет, встречает достаточное понимание со стороны научного сообщества.

Поэтому, несмотря на, казалось бы, частный характер данной проблемы, она является существенным признаком эволюционных изменений в парадигме современного знания. По сути, Дж. Сёрль настаивает на том, чтобы научное сообщество признало реальное существование коллективно ненаблюдаемых феноменов. Конечно, нельзя не отметить того, что каждый человек имеет непосредственный доступ к этим самоочевидным феноменам, не требующим санкции наблюдателя и составляющих основу всех переживаний тела и сознания индивида.

Сама идея самоочевидности для европейской мысли, конечно, не нова, поскольку составляет в определенном смысле базу картезианского рационализма.

Позиция Дж. Сёрля имеет большое методологическое и парадигмальное значение. Ибо благодаря ей создаётся ситуация, когда научное сообщество, условно говоря – сообщество людей, мыслящих как коллективный наблюдатель, почти готово изменить своё жёсткое представление о реальности как об исключительно коллективном интерсубъективном феномене. Если представить на минуту, что лучшие умы современного человечества обратятся к исследованию внутреннего пространства человеческого сознания, то, на наш взгляд, открывается новая перспектива развития разума человека, которой ещё не было в обозримой истории рационального мышления [7]. И это происходит не благодаря отходу от разума, а наоборот, благодаря расширению территории применения разума с его тренированным вниманием, аналитической работой с фактами (в данном случае внутренними: ощущениями, эмоциями, смыслами), эмпирическим и теоретическим инструментарием в целом. Только лабораторией теперь становится само уникальное сознание индивида.

Забегая вперёд, необходимо заметить, что и здесь тоже возможен классический критерий научности – воспроизводимость результатов и коллективная наблюдаемость – но уже в трансформированном виде. Очевидно, если таких исследователей внутреннего пространства становится много, они могут сравнивать результаты своих интроспективных исследований и, таким образом, их объективировать. Не то же ли самое происхо-

дит в случае, когда десять учёных смотрят на стрелку осциллографа и соглашаются в том, что она стоит на цифре пять? Ведь каждый член коллектива видит цифру пять своими глазами и не знает в точности, что видят другие... Им приходится просто доверять опыту друг друга, опыту видения, который, как и всякий перцептивный опыт, разворачивается во внутреннем пространстве сознания индивида, в рамках онтологии первого лица Дж. Сёрля! Таким образом, благодаря открытию Дж. Сёрля территория разума и науки расширяется.

Теперь обратимся ко второму ключевому моменту – новому опыту чистой реальности вне интерпретации, который может получить такой исследователь-индивид. Что скрывается за понятием «абстрактный уровень реальности»? Очевидно, что этот опыт может быть назван новым только в контексте научного интерсубъективного мышления, и его новизна заключается в двух моментах: принятии этого опыта в качестве задачи для рационального разума и признании ценности этого опыта для человека научным сообществом. Заметим, что этот опыт не нов, а наоборот, составляет базу классических буддистских, дзеновских, даосских и некоторых других исследований сознания человека на протяжении более чем двух последних тысячелетий. Поскольку современное наукоцентристское сознание до сих пор не выработало инструментария и технологии, дающей возможность выхода к реальности в её собственном целостном измерении – насколько она может быть доступна человеку с его эпистемологической, заданной телом спецификой, необходимо воспользоваться традиционным буддистским подходом.

В данном случае хороший вербальный инструментарий, указывающий на целостную территорию за пределами интерпретаций, предлагают буддистские учителя, работающие с западными учениками.

Чогьям Трунгпа Ринпоче так описывает изначальное состояние ума, служащее отправной точкой развития человека и позицией, к внутреннему воссоединению с которой человек идёт в своём индивидуальном развитии:

«Для всякой духовной практики необходимо глубинное понимание отправного пункта, материала, с которым мы работаем.

Если же мы не знаем материала, с которым работаем, наше исследование будет бесполезным, и рассуждения о цели становятся просто фантазией. Подобные спекуляции могут принять форму передовых идей и описаний духовных переживаний; но они только эксплуатируют слабые аспекты природы человека, наши желания увидеть и услышать нечто красочное, нечто необыкновенное ... Играть на человеческих слабостях, ожиданиях и мечтах вместо того, чтобы представить людям реальный отправной пункт – то, что они есть на самом деле, – будет по отношению к ним разрушительно и несправедливо.

Поэтому необходимо начинать с того, что мы такое, с того, почему мы ищем ... Нам не надо стыдиться того, что мы такие. Как живые существа, мы обладаем чудесной первоосновой. Эта первооснова, может быть, не является особенно просветленной, мирной или разумной; тем не менее мы обладаем почвой, достаточно пригодной для возделывания; мы можем выращивать на ней все что угодно ...

В самой глубокой основе существует просто **открытое пространство, глубинная почва, то, чем мы действительно являемся.** Наиболее фундаментальное состояние нашего ума, до создания эго, таково, что в нём налицо безусловная **открытость, основная свобода, качество обширности**; мы обладаем такой открытостью сейчас и всегда обладали ею. Если, например, взять нашу повседневную жизнь и её мыслительные стереотипы, то обнаруживается такой факт: когда мы видим какой-то предмет, в первое же мгновение имеет место восприятие, в котором отсутствует какая бы то ни было логика, в котором нет совершенно никакой концептуализации; мы просто воспринимаем вещь на открытой почве. Но тут же мы немедленно впадаем в панику, начинаем метаться по сторонам, стараемся что-то прибавить к этой вещи, найти для неё название, место локализации и категорию ... Вы просто должны видеть то, что вы есть. Зачастую мы склонны искать противоположную сторону, красоту духовности, – и игнорировать самих себя каковы мы есть. Это величайшая опасность ... Если мы хватаемся за идеи духовности, самоанализа или трансцендентности “я”, эго немедленно завладевает этими идеями и превращает их в самообман [11, с. 139–156]».

В приведенном отрывке из известной книги Чогьям Трунгпа Ринпоче особое внимание необходимо обратить на критику концептуализации (модельного мышления), восприятие вещей на открытой почве (вне концепций) и опасность поиска высшей реальности с полным игнорированием того, чем мы являемся.

Кроме того, необходимо сделать одно методологическое замечание: неис-

кушенному уму западного читателя может показаться, что буддистский автор предлагает некую концепцию, обладающую признаками классической модели в рамках классической рациональности: так как речь идет о вещах и человеке как они есть, по сути дела – о способности разума непосредственно выйти к бытию. Но ведь именно к этой цели направлено религиозное и научное сознание и познание. Однако в данном случае, речь идет не о тексте, не о своде правил или более-менее эффективной технологии, то есть о чём-то, имеющем социально-массовый характер. Автор пишет о специфической встрече индивида со своим собственным внутренним состоянием – измерением первого лица, о котором также пишет Дж. Сёрль. Это означает, что вся работа, которая ждет ученика, вознамерившегося серьёзно познакомиться с этой областью, может быть проделана только в одиночку. И оценивать полученный результат будет только он сам, как и пользоваться в полной мере плодами собственных усилий.

Можно заметить, что этот способ отношения к миру наиболее интимен, он сродни человеческой телесности – первому и последнему форпосту жизни перед лицом смерти. С точки зрения буддизма, о чём пишут многие современные авторы, человеку доступно предельное переживание – окончательный опыт реальности. В этом смысле человеческое познание обнаруживает свой предел – так как в полной мере распространяется и функционирует только «на» и «для» единственного участника данного процесса.

Не углубляясь в подробности этой непростой темы, заметим, что идея встречи человека и реальности, вне научных,

философских, бытовых моделей, языковых семантических игр, знаковых систем, культурных смыслов и прочих интерпретационных механизмов, видится науке и философии второй половины XX века в целом утопической.

Достаточно вспомнить авторитетную позицию философа, много сделавшего для развития кибернетических идей в психологии и психотерапии XX века, исследователя, искренне стремившегося вывести научное познание за существующие на тот момент пределы, – Грегори Бейтсона: «Ментальный мир – разум, мир обработки информации – не ограничивается кожей. Давайте вернёмся к тому положению, что трансформация различия, перемещающаяся по цепи, является элементарной идеей. Если это правильно, давайте спросим: что же такое разум? Мы говорим, что карта отличается от территории. Но что такое территория? Технически говоря, кто-то выходит, вооружившись измерителем или собственным глазом, и создаёт репрезентацию, которую затем наносит на бумагу. То, что оказывается на бумажной карте, является репрезентацией того, что было зрительной репрезентацией у некоторого человека, создавшего карту. Если вы пойдёте вспять, то обнаружите бесконечную регрессию – бесконечную последовательность карт. Территория – это “вещь в себе”, и с этим ничего не поделаешь. Процесс репрезентации всегда будет отфильтровывать её, поэтому ментальный мир – это только карты карт, и так до бесконечности. Все “феномены” – “видимость” в буквальном смысле слова [2]».

Однако современная философия не останавливается на идее отсутствия абсолютной реальности в опыте. В новом

проекте «Метамодерн» творчески развиваются идеи открытости и принципиальной неукорененности индивидуального взгляда на мир. Голландские авторы Тимотеус Вермюлен и Робин ван ден Аккер предложили эти идеи как альтернативу постмодернизму. А. Гусев и М. Серова в интервью журналу “Stenogramme” рассказывают о метамодерне как о новой эпистемологической парадигме так: «Речь идёт о радикальной открытости, о всепринятии. И здесь открывается ещё один тонкий момент. Практика осцилляции (раскачивания) производит ощутимый побочный эффект – она даёт понимание того, что ты стационарно не связан ни с одним явлением, не отождествлен ни с чем. Путь индивидуальности – наблюдать эти раскачивания, но не делать своим пространством траекторию их колебания [6]».

Метамодерн – это концепция, продолжающая развитие идеи разума в европейской эпистемологии. Но, позиционируя себя как антисистема, конечно, он близко подходит к переживанию реальности. От радикального конструктивизма и постмодернизма метамодерн отличает «дыхание реальности», которое ощущается лучше всего в трёх его моментах: в том, что он обходится без метанарратива, принимает всё происходящее в равной степени доброжелательно, хотя и не без иронии. Последнее избавляет метамодерн от тяжеловесной фиксированности на форме и поэтому, возможно, не противоречит встрече человека с абстрактным уровнем реальности за пределами текста и, следовательно, конкретных форм выражения реальности. Чисто методологически, о поиске реальности как таковой в метамодерне речь идти не может.

Фокус внимания смещен от фиксации на форме к многообразию и изменению форм, но не отрицает и фиксацию, что и делает возможной встречу человека с самим собой: текучим, изменчивым существом в подвижном потоке реальности. Однако метамодерн – новая парадигма, которая ещё не развернула всех своих возможностей.

В завершение вернёмся к преобладающей сегодня научной (и философской) парадигме. Важно понять, что означает присущее ей отрицание возможности контакта с Реальностью с большой буквы. В основном это значит, что наука и философия имеют коллективный характер. То есть работают со знанием на уровне человека как вида живых существ, использующих языки – естественные и искусственные – в качестве системообразующей характеристики реальности.

Язык реализуется через речь. Он проявляется как дискретное измерение сознания, выражает его дискретный аспект, его устремлённость к конкретному, ограниченному, единичному и одновременно типическому. Таким образом, язык создает модели и системы описания. Понятно, что на этом уровне, так сказать, уровне второй сигнальной системы Павлова, отличающей человека от всех других существ, вопрос о реальности за спиной у символической интерпретационной системы поставлен быть не может – в силу того, что символическая система ограничена своей собственной природой. Проще говоря, символ не есть предмет: сколько ни говори слово мёд, во рту сладко не станет – по крайней мере, у сциентистски настроенного современного человека.

Наука, являясь высшей формой моделирования, связанного с опытом, при-

звана обеспечить выживание рода – и вполне логично, что она использует количественные методы и работает для масс.

Но человек не только социален, он в той же мере и уникален. И как уникальное существо человек находится в ряду всех других живых и осознающих свою жизнь существ, стремящихся избежать страданий и желающих счастья. И в этом

своим качестве индивида, то есть как обладающий «онтологией первого лица», человек «сделан» из глубокой реальности настолько же, насколько все другие отдельные (как это описывает проводящий границы, математизированный разум) существа и предметы реальности. В этом смысле, Человек – не символ, он – не Слово и не Знак, он не сводим к ним.

Примечания

1. *Августин Аврелий* Творения. Том 1: Об истинной религии / сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева. Санкт-Петербург : Алетея ; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998. 742 с.
2. *Бейтсон Г.* Шаги в направлении экологии разума : избранные статьи по психиатрии / пер. с англ. и предисл. Д. Я. Федотова. Изд. 2-е, испр. Москва : URSS, 2005. 245 с.
3. *Васильев В. В.* Глава 2. Сёрл: проще простого! // Трудная проблема сознания. Москва : Прогресс-Традиция, 2009. С. 54–105.
4. *Конюхов Д. А.* Феномен молчания в философии и религии // Путь науки. Международный научный журнал. 2014. № 7 (7). С. 57–59.
5. *Лао Цзы.* Дао Дэ Цзин [Электронный ресурс] / перевод Ян Хин Шуна // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев) : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.psylib.org.ua/books/_laotz01.htm (дата обращения: 9.05.2017)
6. Метамодерн – новый способ смотреть на мир [Электронный ресурс] // Newtonew : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <https://newtonew.com/culture/wow-metamodern> (дата обращения: 9.05.2017).
7. *Пугачева Л. Г.* Разум индивида и идея ненасилия (ахимса) как ресурсы человека в нестабильном мире: интернет-версия развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (66). С. 42–48.
8. *Пугачева Л. Г.* Личность в сетевом обществе: диалог культур прошлого и настоящего // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (65). С. 38–45.
9. *Тихонова В. А.* Национально-культурные традиции и духовное развитие общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (58). С. 52–57.
10. *Тихонова В. А.* Университетское пространство в системе формирования гражданственности личности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 4 (48). С. 6–10.
11. *Трунгпа Чогьям.* Преодоление духовного материализма. Киев : София, 1993.
12. *Трунгпа Чогьям.* Проблески Абхидхармы [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/139615-probleski-abidharmy.html> (дата обращения: 9.05.2017).
13. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории : [пер. с нем.] / [вступ. ст. П. П. Гайденко, с. 5–26]. Москва : Политиздат, 1991. 528 с.

References

1. Sanctus Aurelius Augustinus *Tvoreniya. Tom 1: Ob istinnoy religii [Works. Volume 1: On True Religion]*. Compilation and preparation of the text for publication by S. I. Eremeev. St. Petersburg, Aletheia Publishing House, Kiev, 1998. 742 p.

2. Bateson G. *Steps to an ecology of mind*. San Francisco, Chandler Pub. Co, 1972. (In Rus. ed.: Beytson G. *Shagi v napravlenii ekologii razuma: izbrannyye stat'i po psikiatrii* [*Steps towards the ecology of the mind: selected articles on psychiatry*]. 2nd edition. Moscow, Editorial URSS, 2005. 245 p.)
3. Vasilyev V. V. *Trudnaya problema soznaniya. Glava 2. Serl: proshche prostogo!* [*The Difficult Problem of Consciousness. Chapter 2. Searle: it's easy!*]. Moscow, Publishing house "Progress-Tradition", 2009. Pp. 54–105.
4. Konyukhov D. A. Phenomenon of Silence in Philosophy and Religion. *The Way of Science International scientific journal*, 2014, № 7 (7), pp. 57–59. (In Russian)
5. Lao Tzu. *Tao Te Ching*. Available at: http://www.psylib.org.ua/books/_laotz01.htm (accessed: 9.05.2017)
6. *Metamodern – novyy sposob smotret' na mir* [*Metamodern – a new way to look at the world*]. Available at: <https://newtonew.com/culture/wow-metamodern> (accessed: 9.05.2017).
7. Pugacheva L. G. The individual's mind and nonviolence (ahimsa) as resources of the person in an unsteady world: internet version of development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [*Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*]. 2015, no. 4 (66), pp. 42–48. (In Russian)
8. Pugacheva L. G. Individuals in the network society. The cross cultural dialogue of the past and the present. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [*Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*]. 2015, no. 3 (65), pp. 38–45.
9. Tikhonova V. A. National cultural traditions and spiritual development of society. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [*Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*]. 2014. № 2 (58). С. 52–57. (In Russian)
10. Tikhonova V. A. Universitetskoye prostranstvo v sisteme formirovaniya grazhdanstvennosti lichnosti [University space in the system of citizenship formation of personality]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [*Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*]. 2012, no. 4 (48), pp. 6–10.
11. Trungpa Chog'yam [Trungpa Chögyam] *Preodoleniye dukhovnogo materializma* [*Overcoming spiritual materialism*]. Kiev, Publishing house "Sofia", 1993.
12. Trungpa Chog'yam [Chögyam Trungpa] *Probleski Abkhidkharmy* [*Glimpses of Abhidharma*]. Available at: <http://e-libra.ru/read/139615-probleski-abidxarmy.html> (accessed: 9.05.2017).
13. Yaspers K. [Jaspers K.] *Smysl i naznachenkiye istorii* [*The meaning and purpose of history*]. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1991. 528 p.

*

ЕСТЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫЙ МЕЙНСТРИМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: ОТ РАЗДЕЛЁННОСТИ К ЕДИНСТВУ

УДК 008

В. А. Ремизов

Московский государственный институт культуры

В статье на основе осмысления процессов развития человеческого знания о мире и месте человека в нём отмечается тенденция пересекаемости гуманитарного и естественно-научного поиска. Утверждается, что гуманитарное знание всё более и более обретает тенденцию переориентации естественно-научного дискурса на сферу гуманитарного мейнстрима. Автор предпринимает фрагментарную попытку демонстрации такой формы переосмысления на примере «теории возмущения» систем и перенормируемости порядка. В статье утверждается необходимость акцентуации рассмотрения гуманитарных процессов с наибольшей долей опоры на естественно-научную картину мира и его процессов. Здесь подвергаются анализу две позиции: отрицание введения в культурологический анализ материала естественных наук и активное использование такого массива.

Ключевые слова: культурология, культурологическое знание, естественно-научный процесс, естественно-гуманитарное знание.

V. A. Remizov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

NATURAL-HUMANITARIAN MAINSTREAM AND CULTURAL KNOWLEDGE: FROM SEPARATION TO UNITY

In this article, on the basis of understanding the processes of the development of human knowledge about the world and the place of man, there is a tendency in the intersection of humanitarian and natural-scientific search. It is alleged that humanitarian knowledge is increasingly gaining the ten-

РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и международного культурного сотрудничества социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

REMIZOV VYACHESLAV ALEKSANDROVICH – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of Department of cultural studies and international cultural cooperation, Faculty of humanities and social sciences, Moscow State Institute of Culture, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

e-mail: shupik49@mail.ru
© Ремизов В. А., 2017

dency to reorient the natural-science discourse to the sphere of the humanitarian mainstream. The author undertakes a fragmentary attempt to demonstrate this form of rethinking by the example of “perturbation theory” of systems and the renormalizability of order. The article affirms the necessity of accentuation of consideration of humanitarian processes with the greatest share of reliance on the natural scientific picture of the world and its processes. Two positions are analyzed here: the denial of the introduction into the cultural analysis of the material of the natural sciences and the active use of such an array.

Keywords: cultural studies, cultural knowledge, science process, natural-humanitarian knowledge.

Для цитирования: Ремизов В. А. Естественно-гуманитарный мейнстрим и культурологическое знание: от разделённости к единству // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3 (77). С. 30–34.

В последнее время мы всё чаще и чаще из уст физиков (М. Ковальчук), химиков, биологов (Р. Леви-Монтальчини) и некоторых гуманитариев (И. Кондаков) слышим утверждение о новом витке развития науки, который определяется слиянием естественно-научного и гуманитарного знания. Это явление полнее всего проявляется в культурологии, оно даже нашло название «естественно-культурное знание» или «естественно-гуманитарный мейнстрим» [3, с. 122].

Вообще говоря, история культуры связана с тем, что человек всегда искал объективное объяснение происходящему в мире и с ним.

Вначале смыслы бытия связывались с водой, воздухом, огнём, с прочими стихиями. Затем в познание стали вводить мыслительные конструкты. Возникла идея эйдоса, тема «абсолютной идеи», феномен Воли. Однако, уже начиная с Пифагора, затем Ньютона и Рене Декарта, внимание было переключено на эмпирику. Научное знание набирало обороты. При этом параллельно развивалась и мысль человека о его созидательной деятельности в реальном мире. Так возникли понятия Вэнь (Китай), Вандза (Египет), Пайдейя (Греция). И, наконец, всё это

переплавилось и слилось с понятием “culturelle” – возделывание, выращивание ... «по мерке человека». Идея культуры, культуротворчества в сознании человека вызрела в наиболее общую категорию, охватывающую все сферы научного поиска, в центре которого находится человек как цель и средство, как субъект и объект познания и преобразования мира.

Особенный интерес здесь представляет конец XIX века – начало XX века и настоящее время. Человек открывает радиоактивность, является свидетелем «исчезновения материи». Лобачевский приходит к выводу о непараллельности в пространстве, а Эйнштейн формулирует свой закон энергии, изменяя общее представление о пространстве, времени, скорости и энергии.

В этих условиях изменяются нормы «мерки человека» и меняется всё: перспектива, модель мира, представление о должном, развиваются пределы систем развития.

Не случайно в это время формируются новые концепты культуры как созидательной деятельности в четырех формах: а) как системно-технологическая практика (от К. Маркса к М. С. Кагану и Э. С. Маркаряну); б) как субъектно-деятель-

ностный процесс (В. М. Межуев, В. М. Келле, М. Я. Ковальзон); в) как созидание знаков-символов (Л. Уайт); г) как система текстов (Ю. М. Лотман, К. Леви-Стросс); д) как диалогический процесс (М. М. Бахтин, В. С. Библер и другие).

Особенный интерес представляет активация переплавки естествознания в логику гуманитарного мышления. Это фиксируется в концептах Бахтина и в открытых им законах функционирования культурных процессов, таких как: а) диалогичность культуры (культуры пересекаются); б) закон «взаимной вины» творца и народа (субъекты культуры взаимно детерминированы).

Очень интересны возникновение и разработка им категории «хронотоп». Характерно, что это понятие до него в биологии употреблял академик В. Ухтомский, затем его содержание проработывалось в теории относительности А. Эйнштейна. Бахтин, как известно, ввёл его в содержание характеристик культурных процессов [1, с. 445].

Сегодня сквозь рамки пригожинской теории синергетизма в культурологическое знание входят такие категории, как «культурный лаг», «точка бифуркации», «духовная энтропия», «культурный взрыв».

На фоне развития генетики (расшифровка генома человека и животных), открытия «частицы бозона», измерения силы гравитации и т.д. активно разрабатываются такие понятия культуры, как «культурная матрица»; отвергается степинская характеристика культуры как «внебиологического» способа созидательной деятельности, обогащается идея Вернадского о ноосфере Земли. Развивается культурологическая теория «ри-

сков культурной динамики», «пределов культурного роста», математического концепта «гармонического культурного развития», «устойчивого культурного процесса».

Здесь большую роль играет дальнейшее культурное осмысление «принципа дополнительности» Н. Бора; концепции перенормируемости в развитии материальных и социокультурных систем, образуемых человеческой созидательной деятельностью. Так, к примеру, проповедуемая многими современными писателями, актёрами, режиссёрами допустимость ненормированной лексики (Э. Лимонов, В. Сорокин, В. Пелевин, И. Губерман, пресловутый «Шнур» и другие) оборачивается криминализацией сознания общества, что приводит к терпимости по отношению к преступности, к утрате стыда и совестливости в массовом масштабе, а в итоге – к культурному «опустошению» и к аморализму. Акцент художественных обобщений на «братках» и «бригадах» оборачивается героизацией преступного мира, бандитов, уголовников, что порождает так называемое «заражение от криминала».

Оправдание в общественном мнении проституции, сексуальной вседозволенности влечёт за собой оправдание соращения малолетних, «свободного» сожительства, что ведёт к ухудшению здоровья населения, к бесплодию, к появлению феномена «матерей-отказниц», женского (что хуже всего) морального цинизма и пьянства. В целом отсюда и возникают и неустойчивость семьи, и явление «неполной семьи», и упущения в воспитании детей в таких семьях.

Последнее время культурологическая практика осваивает вывод физиков

о том, что в реальном мире процессы регулируются одновременно двумя «динамическими волнами взаимодействия»: так называемой «путевой» и «энергетической», то есть одна связана с направлением, а другая – с циклами, с фазами, с мощностями проявления динамических процессов. Другой вывод касается того, что, согласно квантовой теории частиц, формирующие моменты сознания, одновременно летят в две расходящиеся стороны, то есть сознание «живет одновременно» в «Да» и «Нет». Здесь актуализирована и идея реальности-хаоса и бифуркационности развития. Это позволяет усложнять и объективизировать анализ социальных процессов.

Однако мы, гуманитарии, всё ещё описываем и анализируем процессы только в модели или «Да», или «Нет». Отсюда опять пробуждается интерес к волновой концепции социокультурных процессов отечественного исследователя Н. Д. Кондратьева; неслучаен интерес к этнологу П. Бурдые с его категориями «культурный ресурс общества», «человеческий культурный капитал», «культурный габитус», «социальное поле», активизируется типизирование культурных процессов на основе теории взаимодействий, коммуникаций (А. Я. Флиер). Наконец, мощный прирост культурологическому мышлению придало развитие информационного мира. Мы переходим на «цифру», мы мыслим себе «цифровую личность», «виртуальную реальность», мы вводим в анализ такие мыслиемы, как «культурема», «симулякр», «тезаурус», «дискурс», «текст», «гипертекст», «ризомы». Возникает литература по данным категориям. Вот, например, мы пишем об «информационном мире», о «поколении next» и

«homo virtualis», но недостаточно исследуем культурные модели виртуального пространства в его соприкосновении с человеком.

Так, В. В. Аристархов сетует о том, что нет исследований о детерминировании духовного мира личности телевизионной культурной сеткой, его ценностными ориентирами. Таких работ в обобщающем блоке пока нет [4, с. 120].

В мире известны культурные программы генерации «майданов», а мы не генерируем наших культурных «программ» профилактики или нейтрализации подобных явлений. Однако мы точно знаем, что существует социокультурное явление общественной «аномии», что чем в меньшей мере действительны культурные демпферы «бунта толпы», тем вынуждено становится более жестоким, менее гуманным государство, расширяются его пеницитарные структуры, но это обстоятельство пока не порождает необходимого направления культурологических исследований, а они, между тем, теоретически подготовлены и возможны, да и необходимы. Во всяком случае, западная гуманитарная мысль уже продуцировала социальные монографии по технологиям «разжигания» майданов [2, с. 21]. Правда, взаимосвязь данных естественных наук, их открытий не может быть стихийной, прямолинейной.

Всё-таки социальная жизнь и жизнь неживой матери – разная ипостась. В одном из своих выступлений профессор И. В. Кондаков приводил примеры вульгарного введения технических элементов в культурной ареал аналитики. Однако есть и другое – некая боязнь и отторжение в культурологии данных естественных наук, их открытий.

Мы иногда лелеем мысль, что настоящие открытия и прорывы в знании осуществляются на стыке наук, но на деле отвергаем эти «стыки».

Современность рождает новое понимание культурологии и культуролога, от которого требуется широкая, в том числе и естественно-научная эрудиция, позволяющая в культурном мышлении продуцировать инновационную мысль. Только так мы можем действительно развивать культурологический дискурс и приходиться к подлинно научным результатам.

Как показывает опыт, в исследованиях последнего времени мы, может быть не в меру, сосредоточились на предметах, непосредственно нас окружающих: виды искусства, учреждения культуры, СМИ, отдельные исторические факты, частные явления. Их, конечно, не отбросишь, и

они представляют интерес. Но плохо, что всё это изучается в одном ключе: чаще всего в конструкции: «Характеристика ... как феномен; как явление культуры».

Получается – скользим по поверхности, а часто и производим в научной практике перепев разных тем «на одну мелодию».

Естественно-гуманитарный взгляд заставляет точнее и грамотнее, системнее и поливариативнее анализировать ключевые социокультурные объекты, процессы. Это касается и деятельности человека в основных сферах общества, и вопросов человеческих коммуникативов, и цивилизационных процессов, и этнонациональной проблематики, и системы человека – машина, и системы ценностной ориентации людей в быстроизменяющемся и глобализирующемся мире.

Примечания

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / [примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова]. 2-е изд. Москва : Искусство, 1986. 446 с.
2. Безуглова Н. П. «Культурный поворот» в западной культурологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 6 (38). С. 21–27.
3. Ирхен И. И. Образование в области культуры и искусств в условиях реформируемой России: состояние и тенденции // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 3 (35). С. 122–129.
4. Садовская В. С., Ремизов В. А., Бруккауф З. А. Культура научного творчества : о чём не пишут в учебниках. Москва : Наука, 2012. 96 с.

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. 2nd edition. Moscow, Art Publishing House, 1986. 446 p.
2. Bezuglova N. P. “Kul’turnyy povorot” v zapadnoy kul’turologii [“Cultural Turn” in Western Culturology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2010, no. 6 (38), pp. 21–27.
3. Irkhen I. I. *Obrazovaniye v oblasti kul’tury i iskusstv v usloviyakh reformiruyemoy Rossii: sostoyaniye i tendentsii [Education in the field of culture and the arts in the conditions of the reformed Russia: state and trends]*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2010, no. 3 (35), pp. 122–129.
4. Sadovskaya V. S., Remizov V. A., Bruckauf Z. L. *Kul’tura nauchnogo tvorchestva [Culture of scientific creativity]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 2012. 96 p.

*

ЦИКЛИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК 338.24

В. А. Есаков¹,

Н. В. Митропольская-Родионова², А. Б. Конобеева³

¹Московский государственный институт культуры

²Одинцовский филиал МГИМО МИД России

Цикличность, последовательное чередование экономических явлений, таких как повышение или понижение покупательского спроса, увеличение или уменьшение объёмов производства и другие, обусловленные развитием научно-технического прогресса, нарушающего экономическое равновесие и ведущего к чередованию стадий развития мирового хозяйства, может быть использована для прогнозирования поведения социально-экономических систем. Подчёркивается, что замещение несущих отраслей экономики экологически чистыми и ресурсосберегающими технологиями для удовлетворения жизненных потребностей населения, без лишения такой возможности будущих поколений, призвано обеспечить достижение гармонии между людьми, обществом и природой.

Ключевые слова: экономические циклы, объём производства, социальная система, экономическая система, покупательский спрос, экономическое равновесие, мировое хозяйство, экологически чистые и ресурсосберегающие технологии.

¹ЕСАКОВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор культурологии, профессор кафедры музыкального образования факультета музыкального искусства Московского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почётный работник общего образования Российской Федерации

ESAKOV VALERY ANATOLYEVICH – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of music education, Faculty of musical arts, Moscow State Institute of Culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Honored Worker of the General Education of the Russian Federation

²МИТРОПОЛЬСКАЯ-РОДИОНОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента факультета управления Одинцовского филиала МГИМО МИД России

MITROPOLSKAYA-RODIONOVA NADEZHDA VLADIMIROVNA – Ph.D. (Economics), Associate Professor of the Department of Management, Odintsovo Branch of MGIMO-University

³КОНОБЕЕВА АЛЛА БОРИСОВНА – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры менеджмента факультета управления Одинцовского филиала МГИМО МИД России

KONOBEEVA ALLA BORISOVNA – Ph.D. (Agricultural Sciences), Associate Professor of the Department of Management, Odintsovo Branch of MGIMO-University

e-mail: esakov.va@yandex.ru¹, n.v.mitropolskaya-ro@mail.ru², Alla.konobeeva@yandex.ru³

© Есаков В. А., Митропольская-Родионова Н. В., Конобеева А. Б., 2017

V. A. Esakov¹,

N. V. Mitropolskaya-Rodionova², A. B. Konobeeva²

¹Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotekhnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

²Odintsovo Branch of MGIMO-University, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Novo-Sportivnaya str., 3, 143007, Odintsovo city, Moscow region, Russian Federation

CYCLIC DEVELOPMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

Recurrence of social and economic events can be used for forecasting of behavior of social and economic systems as a result of a research of processes of their cyclic development. Interaction of various cycles can exert impact on development of these systems.

Keywords: business cycles, output, consumer demand, economic balance, world economy, environmentally friendly and resource-saving technologies.

Для цитирования: Есаков В. А., Митропольская-Родионова Н. В., Конобеева А. Б. Циклическое развитие социально-экономических систем // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3 (77). С. 35–42.

Уже в XIX веке были замечены периодические повторения экономических явлений: повышения или понижения покупательского спроса, увеличения или уменьшения объёмов производства и другие. При изучении экономических явлений была обнаружена последовательность их чередования, получившая название экономических циклов. Различают краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные циклы [4, с. 14]:

- краткосрочный цикл Китчина продолжительностью 3 года и 4 месяца. Считается, что краткосрочные циклы вызваны динамикой запасов товарно-материальных ценностей, обусловленной изменениями личного потребления;

- среднесрочный цикл Жугляра продолжительностью от 7 до 11 лет, обусловлен физическим износом активной части основных фондов (машин, оборудования), ростом спроса на средства производства;

- среднесрочный цикл Кузнецца продолжительностью от 14 до 22 лет. Его ещё

называют строительным и связывают с обновлением пассивной части основных фондов из-за износа зданий и сооружений дорог. Среднесрочные циклы вызваны кредитно-денежными факторами.

Наиболее существенное влияние на развитие экономики оказывают Большие циклы Н. Кондратьева длительностью от 30 до 60 лет. Их относят к долгосрочным. В истории мировой экономики выделяют пять Больших циклов Н. Кондратьева, связанных с развитием определенной группы отраслей промышленности. Главной причиной возникновения Больших циклов учёный считал развитие научно-технического прогресса, нарушающего экономическое равновесие и ведущего к чередованию стадий развития мирового хозяйства.

Из множества различных трактовок наиболее подходящей для описания экономических явлений является схема Й. Шумпетера – идея о колебательных процессах в экономике на трёх уровнях (см. рисунок 1):

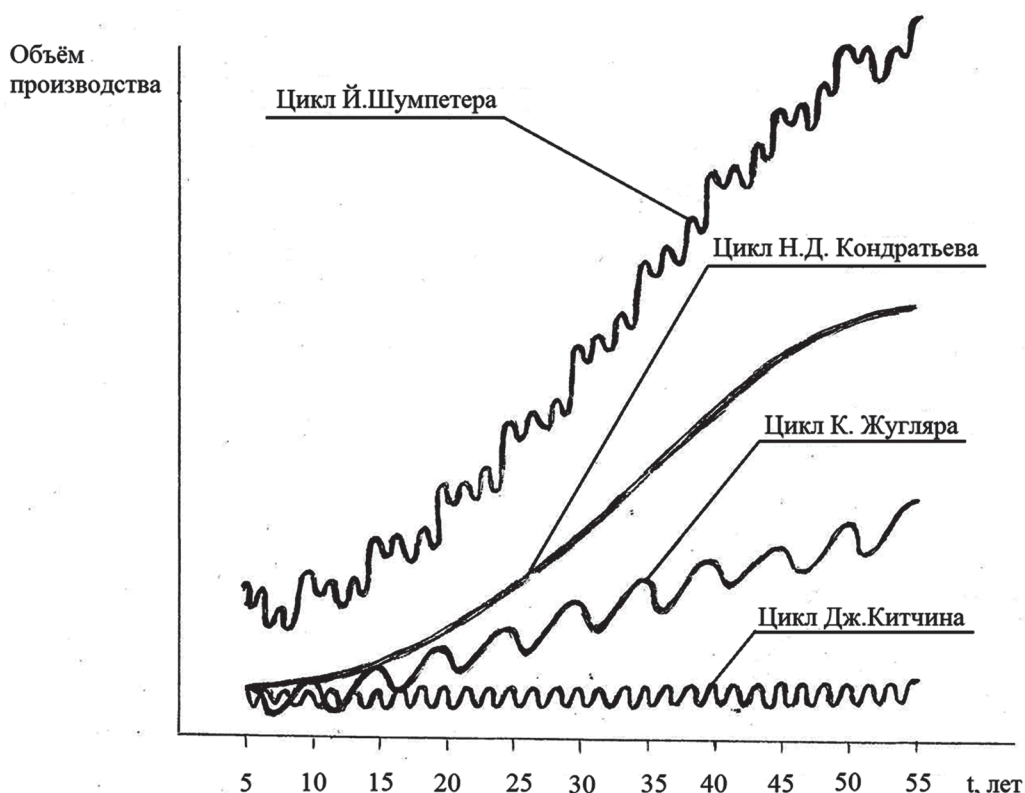

Рисунок 1. Экономические циклы

- 1-й цикл Н. Д. Кондратьева продолжительностью 55 лет;
- 2-й цикл К. Жугляра – 10 лет;
- 3-й цикл Дж. Китчина – 3 года и 4 месяца.

Причинами возникновения цикличности явлений служат внешние и внутренние факторы экономической системы. К внешним факторам можно отнести политические потрясения, открытия крупных месторождений ценных природных ресурсов, технологические прорывы, изменяющие структуру общественного производства, экономическую политику государства. К внутренним факторам можно отнести физический срок службы

оборудования, увеличение издержек производства, несовершенство управления. По своей конфигурации Большие циклы Кондратьева являются S-образными кривыми.

Дальнейшим развитием теории длинных волн Кондратьева, направлений в рамках теории инновационного развития является концепция технологических укладов (см. рисунок 2), предложенная российским экономистом С. Ю. Глазьевым [2]. Сравнивая кривые Большого цикла Кондратьева и жизненный цикл технологического уклада (ЖЦТУ) Глазьева можно заключить, что Большой цикл Кондратьева представляет собой вторую

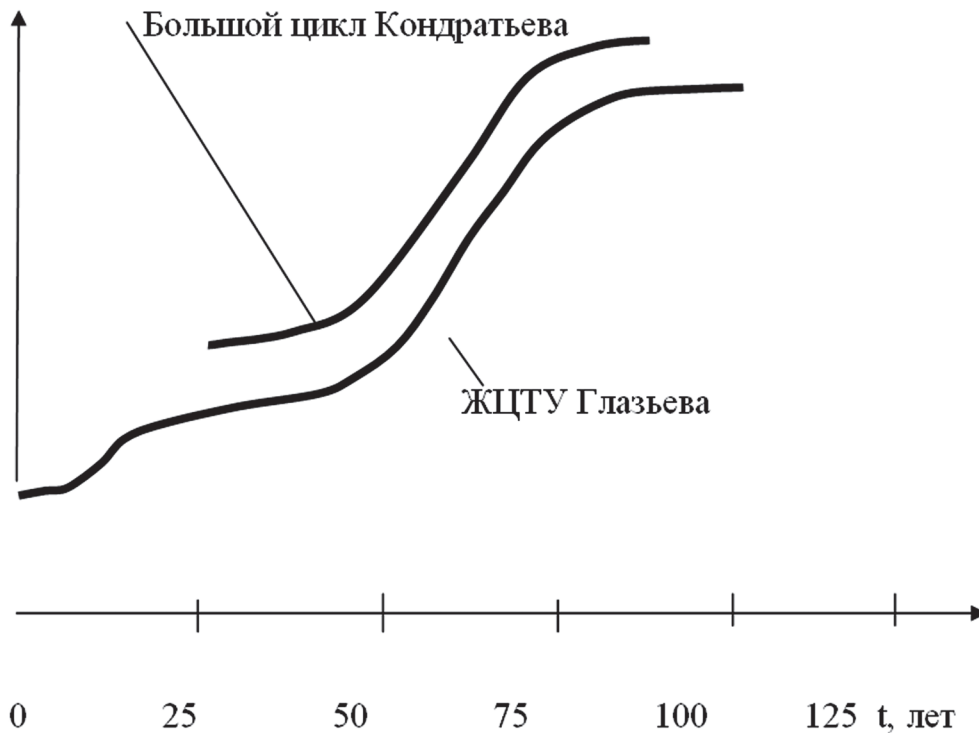

Рисунок 2. Кривые Большого цикла Кондратьева и ЖЦТУ Глазьева

S-образную кривую ЖЦТУ, то есть кривую, характеризующую замещение ключевых отраслей ТУ.

На микроуровне экономической системы цикличность принимает форму жизненного цикла предприятия.

Появление ключевого фактора ТУ фиксируется в виде радикальных нововведений – продуктов, как результат внедрений достижений научно-технического прогресса на предприятиях, придерживающихся эксплорентной (пионерской) стратегии создания новых или радикального преобразования старых сегментов рынка.

Образованию ядра способствует пациентная (нишевая) стратегия приспособления к новому рынку, а замещение

несущих отраслей доминирующего ТУ происходит на предприятиях, осуществляющих виолентную (силовую) стратегию преобразования старого рынка.

Виоленты – это фирмы со стратегией активного маркетинга, массовым выпуском пользующейся спросом продукции, крупные инновационные предприятия.

Поддержание развития ТУ происходит фирмами-коммутантами, осуществляющими стратегию приспособления к местным условиям. Кризисное развитие фирм-леталентов, использующих энергозатратные и ресурсоёмкие технологии, ведёт к их несостоятельности (банкротству).

Построение кривой жизненного цикла предприятия в виде кривой прибыли-

убытки во времени (см. рисунок 3) [1, с. 2] позволяет использовать кривую не только как теоретическую модель, но и как практический инструмент стратегического управления.

Если предприятие производит не один продукт, а несколько, которые находятся на разных стадиях своего развития (см. рисунок 4) [3, с. 98], то инновационная деятельность может быть органи-

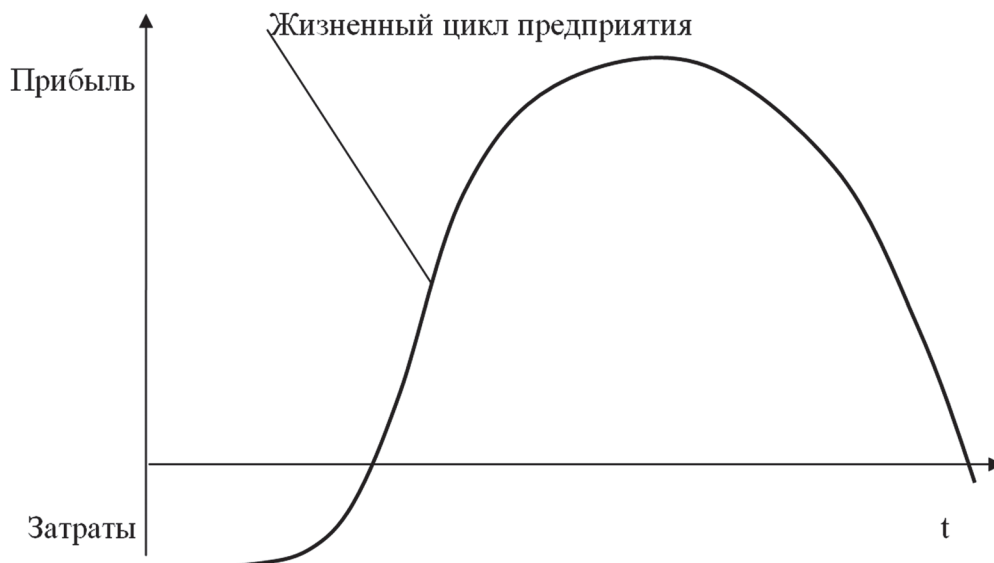

Рисунок 3. Жизненный цикл предприятия

Рисунок 4. Матрица Бостонской консультативной группы «темпы роста – относительная доля рынка»

зована по принципу последовательного замещения продуктов (см. рисунок 5).

Матрица (см. рисунок 4) составляется на все продукты, выпускаемые предприятием:

- «дикие кошки» – нововведения – продукты, требующие больших средств на продвижение (участок 0–1);

- «звёзды» – продукты, получившие признание на рынке, но для поддержания высоких темпов роста требуются нововведения – процессы (участок 1–2);

- «дойные коровы» – пользующиеся устойчивым спросом продукты на стабильном или сокращающемся рынке, прибыль от реализации этой продукции является основой для финансирования развивающихся («звёзды» и «дикие кошки») продуктов (участок 2–3),

- «собаки» – не пользующиеся спросом продукты, подлежащие снятию с производства или проникновению на новые рынки (участок 3–4).

Последовательное замещение продукта, изменение ценовой политики, изменение системы формирования спроса и стимулирование сбыта, применение стратегии распределения, предпродажного и послепродажного обслуживания покупателей, поиск новых сегментов, достижение конкурентных преимуществ – всё это позволяет предприятию продлить продолжительность функционирования предприятия (см. рисунок 6) [1, с. 8].

Взаимосвязь жизненных циклов продуктов ЖЦПр, предприятий ЖЦП и технологического уклада ЖЦТУ представлена на рисунке 7.

Замещение несущих отраслей экологически чистыми и ресурсосберегающими технологиями для удовлетворения жизненных потребностей населения, без лишения такой возможности будущих поколений, призвано обеспечить достижение гармонии между людьми, обществом и природой.

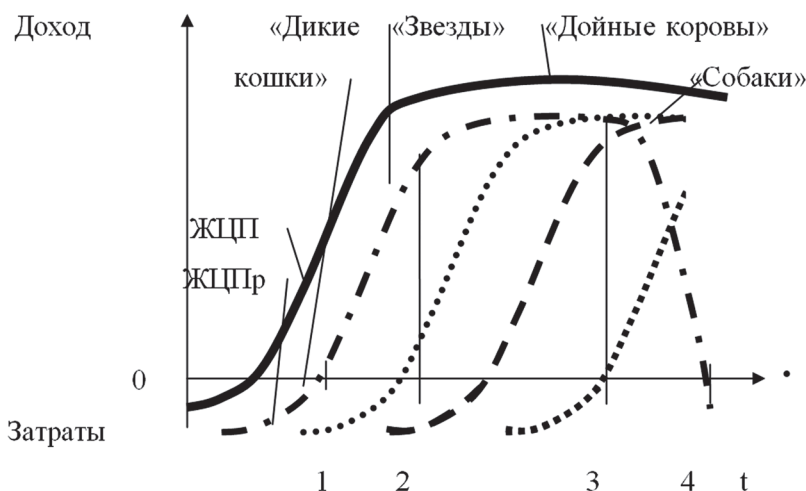

Рисунок 5. Жизненные циклы диверсифицированного предприятия (ЖЦП) и продуктов (ЖЦПр) при их последовательном замещении

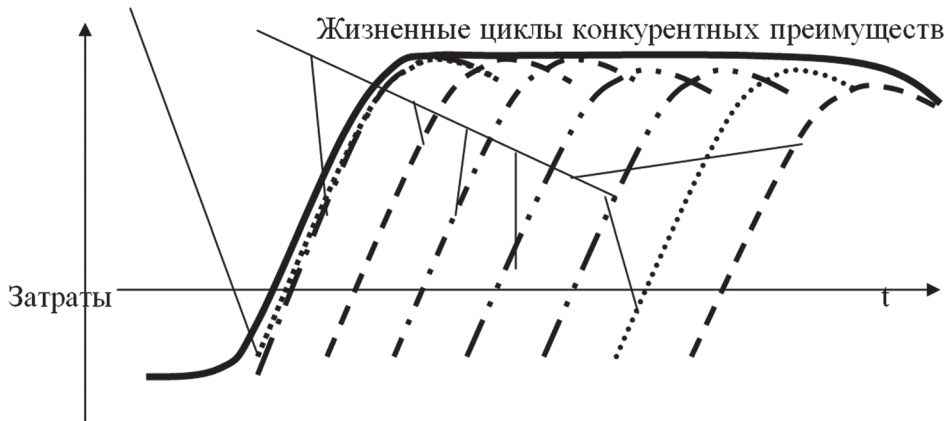

Рисунок 6. Взаимосвязь жизненных циклов предприятия и конкурентных преимуществ

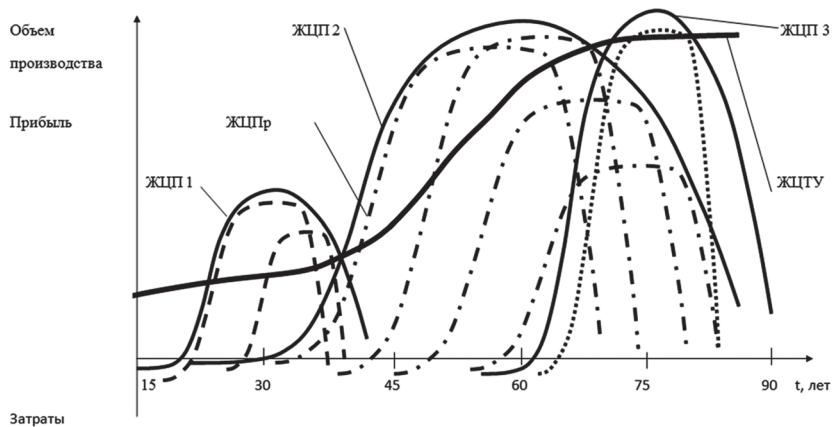

Рисунок 7. Взаимосвязь жизненных циклов ТУ (области замещения несущих отраслей), предприятий (1 – пациентов, 2 – виолентов, 3 – коммутантов) и продуктов

Таким образом, современный мировой экономический кризис обусловлен циклическим развитием социально-экономической системы, обладает системным характером, оказывая влияние на национальные экономики мира. Сочетание и реализация открывающихся возможностей (степень интеграции в мировое хозяйство, объёмы внешнеэкономических

связей, уровень развития техники и технологий, социально-экономические параметры жизни населения, рост производства и т.д.) в значительной мере определяют эффективность использования его технической базы и создадут импульс (или дисбаланс) для развития национальных хозяйств с учётом специфики современного кризиса.

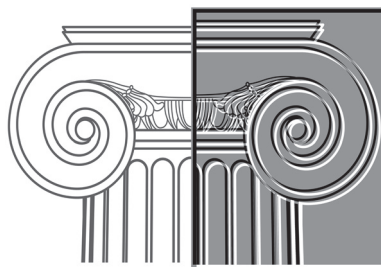

Примечания

1. Антикризисное управление: Теория. Практика. Инфраструктура : Учебно-практическое пособие / рук. авт. кол. и отв. ред. – Г. А. Александров. Москва : БЕК, 2002. 534 с.
2. Глазьев С. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике [Электронный ресурс] // Сайт С. П. Курдюмова : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/vozmozhnosti-i-ogranicheniya-texniko-ekonomicheskogo-razvitiya/>
3. Григорьева Т. И. Финансовый анализ для менеджеров: оценка, прогноз : учебник для магистров : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям / Высшая школа экономики – Национальный исследовательский университет. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2012. 462 с.
4. Стратегический менеджмент : [планирование, контроллинг, учёт рисков] : учебник по специальности «Менеджмент организации» / [А. Н. Петров и др.] ; под ред. А. Н. Петрова. 2-е изд. Москва [и др.] : Питер, 2008. 495 с.

References

1. Aleksandrov G. A., ed. *Antikrizisnoe upravlenie: teoriya, praktika, infrastruktura [Crisis management: theory, practice, infrastructure]*. Moscow, Publishing house “BEK”, 2002. 534 p.
2. Glazyev Sergei *Capabilities and limitations of technical and economic development of Russia in conditions of structural changes in the global economy*. Available at: <http://spkurdyumov.ru/economy/vozmozhnosti-i-ogranicheniya-texniko-ekonomicheskogo-razvitiya/>
3. Grigoryeva T. I. *Finansovyi analiz dlya menedzherov: otsenka, prognoz: uchebnik dlia magistrrov [Financial analysis for managers: evaluation, prediction: the textbook for masters]*. 2nd edition. Moscow, Publishing URAIT, 2012. 462 p.
4. Petrov A. N., ed. *Strategicheskiy menedzhment [Strategic management]*. 2nd edition. Moscow, ets., PITER Publishing House, 2008. 495 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЗНАНИЕ КАК КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТОВАР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

УДК 330:168.522

Н. В. Львова

Московский государственный институт культуры

В XXI веке начинает господствовать парадигма инновационного знания. Глобальный потребитель желает получить через это знание высокое качество, низкие цены, оперативную доставку, максимальную надёжность. Общее в экономике значительно перевешивает то, что пока ещё различно. Заметное различие можно найти в культурной среде и уровнях компетенции. В статье показано изменение свойств инновационного знания как товара, потребительское свойство которого сохраняется. Доступность инновационного знания обеспечивается сетевыми структурами и цифровым форматом. Инновационный образовательный продукт гарантирует дополнительную прибыль, но его производство характеризуется высокими рисками. Ситуацию осложняет сосуществование таких продуктов и заменяющих знаков, и чаще всего это бренды и рекламные слоганы. В статье ставится вопрос о создании корпораций знаний, основными элементами которых является всемерная ориентация на потребителя, переход от вертикальных структур к горизонтальным. Самообучающиеся организации – это новое поле для конкурентной борьбы на рынке образовательных услуг, в которых необходимость обновления, коллективное видение проблемы относятся к каждому подразделению.

Ключевые слова: культура, образование, экономика, инновация, информация, товар.

N. V. Lvova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

KNOWLEDGE AS CULTURAL AND ECONOMICAL COMMODITY OF SOCIAL LIFE

A paradigm of innovation knowledge begins to dominate in the 21 century. Global consumer wants to get following through this knowledge: high quality, low price, prompt delivery, and maximum reliability. A common in the knowledge economy far outweighs the things that it is still different. Notable difference can be found in cultural environment and expertise levels. The article demonstrates how the properties of the innovative knowledge as goods are changing.

ЛЬВОВА НЕЛЛИ ВАЛЕНТИНОВНА – аспирантка кафедры культурологии и международного культурного сотрудничества социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

LVOVA NELLI VALENTINOVNA – doctoral student of Department of cultural studies and international cultural cooperation, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: nlvova@mail.ru

© Львова Н. В., 2017

Consumer property persists. The availability of innovative knowledge is provided by the network structures and digital format. Innovative educational product guarantee extra profits, but its production is characterized by a high level of risk. The situation is complicated by the parallel existence of products and substitution signs. More often, these are the brands and advertising motto. The issues of formation of knowledge corporation is raised in the article. The main elements of these corporations are follow: full customer orientation, transition from vertical to horizontal structures. Self-educating organizations represents a new field for competition in the market of educational services. Necessity of modernization and collective vision of problems relate to each unit of the organization.

Keywords: culture, education, economy, innovation, information, commodity.

Для цитирования: Львова Н. В. Знание как культурно-экономический товар общественной жизни // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 44–51.

Знание – товар, так формируется ключевое обозначение экономики знания. Необходимо различать понятия «информация» и «знание». Под информацией чаще всего понимается совокупность сведений, подлежащих передаче, сохранению и обработке. Поэтому любые знания есть информация, но не всякая информация представляет собой знания. Знания – это система данных, которые усвоены и включены в систему социокультурной коммуникации. В результате в инновационном обществе, благодаря Интернету, стоимость информации постоянно снижается. Стоимость профессиональных знаний, напротив, возрастает. Возникла новая управленческая парадигма: национальные информационные системы могут обладать богатыми информационными ресурсами и одновременно испытывать дефицит ресурса знаний. Ошибочной представляется трактовка знания как высшего уровня информации. Знания не могут быть формой информации. Ими нельзя управлять, подобно обладанию информацией. С позиции Р. И. Акмаевой, информацию можно продемонстрировать показом, а знание проявляется в социально-культурной деятельности, они

представляют собой единство описаний объекта и последовательность, согласованность действий. В инновационных структурах деятельность основана на новых знаниях. Конкуренция между этими структурами осуществляется на основе предложенных знаний. Невещественный «товар – знание» в инновационном обществе быстро дешевеет. Поэтому образование должно давать человеку не только определённый объём знаний, но также формировать способность для приобретения новых знаний. Корпорация знаний станет доминирующей формой инновационной экономики [1, с. 318–320]. В этом состоит одна из основных задач повышения уровня культуры образовательной деятельности.

А. Д. Урсул попытался определить отличие информации как товара от «вещественных» товаров. Эти рассуждения необходимо скорректировать с учётом дистанции времени и логики, восходящей к «Капиталу» К. Маркса. Объём знаний не меняется в результате передачи их от одного к другим субъектам общественного производства. «Классический» товар в процессе обмена отчуждается от товаровладельца. В связи с многократно-

стью потребления информация не теряет потребительскую стоимость. В стоимость вновь создаваемой информации стоимость прежнего научного труда не входит. Информация как продукция научного труда всегда оценивается ниже её стоимости. Затраты, необходимые для воспроизводства информации, несравнимы с затратами на её производство. Ещё одной чертой, на которую обращает внимание А. Д. Урсул, является тот факт, что у информации как товара высокая степень неопределённости производства, распределения, обмена и потребления. Отмечается, что есть научная информация, не имеющая товарного характера. Результаты некоторых фундаментальных научных исследований нельзя присвоить. Кроме того, научная информация имеет однозначный статус товара, только если она опредмечивается в материальном производстве [12, с. 404–206]. Однако данная проблема имеет ещё и общественно-функциональный смысл – становление и развитие «общества знания».

В монографии С. Б. Шитова «Высшее техническое образование в процессе становления общества знания» (2010) прослежена взаимосвязь инновационного высшего технического образования и становления общества знания. В этом обществе акцент делается на «научное инновационное знание» [14, с. 3–5]. Предлагается вариант создания и финансирования исследовательских инновационных университетов, а затем, на их базе, университетских комплексов. Такие комплексы являются, по существу, формой транснациональной корпорации университетов. Рассчитать стоимость данного варианта практически невозможно. В инновационном обществе будут создаваться само-

обучающиеся организации, необходимые для получения знаний внутри организации. Концепция обучающейся организации была сформулирована П. Сенге в начале 1990-х годов. Обучение в ней должно происходить в группе (команде). Знания свободно циркулируют внутри организации и подлежат стоимостной оценке, выходя за её пределы.

Г. И. Мезенцев обратил внимание на то, что впервые понятие «общество знания» появилось в официальных правительственных документах на Европейском саммите в Лиссабоне (март 2000 года). При этом, начиная с эпохи Возрождения, знание рассматривается как экономическая ценность. В XIX веке знание окончательно приобрело статус товара [5, с. 21]. В таком утверждении, очевидно, сказывается инерция мышления, ибо существует предел применения стоимостных категорий в сфере знания: последнее важно с точки зрения экономического анализа, но не имеет прямого отношения к культурологическому анализу. Инновационный прорыв в сфере образования есть сумма индивидуальных усилий. В связи с этим интерес представляет фигура Н. Д. Кондратьева (1892–1938). Он известен как экономист, автор работ по методологии социальных наук, философии. Менее изучена его методологическая деятельность. После окончания юридического факультета Петербургского университета Н. Д. Кондратьев был оставлен на кафедре политической экономики и статистики. В 1920 году он основал Конъюнктурный Институт, преподавал в московских вузах. Здесь он обосновал социальную экономику как науку об общественном хозяйстве. Н. Д. Кондратьев критиковал форсированные

темпы индустриализации, выступал за введение экономических дисциплин в систему гуманитарного образования. Инновационный характер в дальнейшем носил методологический кружок, созданный студентами и аспирантами Московского государственного университета (1952–1954). Одним из его организаторов был Г. П. Щедровицкий – автор оригинальной концепции мыследеятельности. Рефлексия нового, по его мнению, формируется за счёт культурного контекста. После его смерти в 1994 году методологически ориентированные группы разделились на отдельные инновационные школы, направления и проекты. Некоторые из них: Независимый Методологический Университет Ю. В. Громыко, Инновационный центр О. С. Анисимова, продолжили разработку идей Н. Д. Кондратьева – Г. П. Щедровицкого. Однако культуротворческая модель инновационной школы будущего разработана В. С. Библером. Субъектом реализации этой модели признаётся человек культурный, сменяющий человека образованного.

Принципиальным для его «Школы диалога культур» являются разновозрастные группы. Новое, по мнению В. С. Библера, есть «точки удивления». В этих точках происходит сопряжение знания и возникает понимание проблемы – общей для разных научных дисциплин. Новое усваивается в сопряжении с загадками слов и чисел. С экономической точки зрения модель В. С. Библера – затратна. Необходимо переподготовить преподавателей и создать учебники нового типа.

Определённый интерес представляет опыт приспособления российских школ к рыночному механизму, а как следствие – к экономическим инновациям в 1990-е

годы. Именно в этот период была создана ассоциация «Дети и экономика»: ассоциация детских и юношеских деловых структур. В её рамках проводились выставки, ярмарки по продаже готовой продукции детских кооперативов и производственных объединений. Была поставлена масштабная задача – сформировать у школьников потребность трудиться в условиях рынка. Считалось, что новое, осмысленное отношение к труду – это ещё и реакция на экономическую ситуацию. Бесперспективными объявлялись профессии станочников, сборщиков, монтажников. Появилось желание работать в иномфирмах, стремление иметь работу, связанную с зарубежными командировками. Однако такой мотив, как «иметь высокий заработок», вступил в противоречие с нравственным и духовным развитием обучающихся. Инновациями необоснованно объявлялось всё, что способствовало развитию рыночных отношений. Англо-американская модель образования, взятая за образец, основана на децентрализации. В России же любые изменения в образовании – часть государственной политики.

В странах Запада экономические инновации являются мерой индивидуальной активности, в России она есть проявление разносторонности. Смешивается сама проблема инновационности, так как сквозная категория «успешности» распространяется в западноевропейском и российском общественном сознании по-разному. Так, для западноевропейца понятие «успешная инновация» означает достижение больших результатов в работе, а для русского «успешная инновация» – это саморефлексия в предпринятых усилиях. Другими словами, у россиян

данная модель одухотворена, а на Западе – прагматизирована. В эксперименте российские школы не выжили. Буквальное повторение западного подхода, не учитывающего данный аспект, обусловило ослабление социокультурных мотивов: взаимопомощь в труде, интерес к работе, желание принести пользу обществу. Началась деформация смысла героического труда и образа великих строек. Роль прагматизированных экономических инноваций была преувеличена, а роль инноваций в сфере культуры преуменьшена. Знакомство с некоторыми новыми технологиями не гарантировало выпускникам школ того, что они будут востребованы на рынке труда.

К инновационному заимствованию относятся также соглашения о распространении в России программы “Junior Achievement” («Достижение молодых»). Соглашения были подписаны в начале 1990-х годов. К середине 1990-х годов были открыты штаб-квартиры, территориальные и региональные центры. В США – это важные звенья экономического образования: 1–3 классы – знакомство с экономикой; 4–5 классы – вводный курс, 6–8 классы – фундаментальная экономическая программа, 9–11 классы – практическая экономика. В России это вылилось в создание профильных экономических классов (10–11 классы) экономических лицеев. Экономический компонент образования был определён как региональный. Появилась возможность изучения экономики. Однако оказалось, что в новых государственных образовательных учреждениях возможности и организационные формы для экономического образования были сокращены. Одновременно ликвидировались экономические

курсы в средних специальных учебных заведениях. Это прежде всего коснулось отрасли культуры и искусств.

Всё это не выдержало испытания временем и было утрачено. Однако идеи соединения культуры и образования в России нашли своё воплощение в ряде вузов России. Наследие советских традиций и постсоветскую реальность объединяет проект гуманистической инновационной школы при Российском государственном университете физической культуры спорта, молодёжи и туризма (руководитель В. И. Столяров). Название «СПАРТ» (“SPART”) представляет собой аббревиатуру, образованную сокращением трёх английских слов: Spirituality – духовность, Sport – спорт, Art – искусство [8, с. 119–122].

Футуристический аспект такого инновационного проекта анализирует А. И. Уваров. Он полагает, что начало формирования «глобальной инновационной рациональности» началось со второй половины XX века. Её характеризуют: нелинейность, открытость, творческий подход и решение сложных задач. Инновационная рациональность, по его мнению, парадоксально сочетает в себе западную рациональность и восточный мистический стиль мышления, допускающий использование иррациональных методов. Инновацию определяет Уваров в качестве функции планетарного разума. Инновационное общество будущего отождествляется с обществом мудрости. Институционно оно будет представлять собой планетарную Федерацию. В будущем возникает необходимость создания геоакадемии платоновского типа для России. Уваров называет её «инновационной академией» [11, с. 95, 99–100].

Сходную позицию занимает Т. Н. Суминова. Она рассматривает новое как посыл гармонии в ноосфере. Здесь вводится понятие «инновационный креативный процесс», происходит сочетание эмоций и смысловых импульсов, а гармония есть основа и идеал культурной инновации [9, с. 122–125].

Вся эта проектная работа, к сожалению, не нашла пока своего продолжения в сфере отечественного образования. Заметим, что традиционное образование необходимо не только наполнить инновационным содержанием, но и экономически сбалансировать, синхронизировать его развитие с корпорациями знаний. Важной задачей корпораций знаний является трансформация знаний в товар и повышение спроса. Поэтому эффективность корпорации знания зависит от консультаций и программного обеспечения – как товаров, содержащих знание. В отличие от матричных (сетевых) организаций, гипертекстовые организации используют иерархию, в которой знание функционирует одновременно на нескольких уровнях. В самообслуживающихся организациях увеличилась скорость трансформации и преобразования знаний. Этот процесс начинается со свободы распределения знаний внутри организации [1, с. 314, 324–325].

Новая ситуация с корпоративными знаниями в общемировом масштабе обеспечивает их «ответное» движение в сторону инновационного образования. Индустриальные страны утратили монополию на знания. Иерархия вертикальных каналов распространения информации становится гибче или отмирает, потому что замедляется горизонтальными каналами распространения информации.

Утечка информации влияет на формирование потребительского спроса, одновременно усиливая ситуацию неопределённости. Такова социокультурная практика, которая находит сегодня интернациональное воплощение.

Западноевропейский менеджмент знаний оформился в начале 1990-х годов. Ключевые понятия здесь: работник знания (Knowledge worker) и «скрытие знания». Теорию и практику менеджмента знаний развили П. Друкер, Х. Такеучи, П. Сенге. Их работы пока ещё широко не представлены в России.

Методы управления знаниями в России первоначально носили имитационный характер. Так, «Газпром» в этот период участвовал в создании Института «Энергетическая дельта» (EDI) для обмена инновационными знаниями в области газовой промышленности. Руководство «Северстали» начало создавать Корпоративную базу знаний “Knowledge Base” [2, с. 65–67].

На западе «общество будущего – экономика будущего – знание будущего» образуют единую структуру. Вместе с тем отметим и другое – торговля будущим – одна из тупиковых линий в развитии западной цивилизации. Отождествление будущего с новым должно повысить спрос и на то, и на другое. Однако этого не происходит. Спрос на будущее остаётся неустойчивым. В современной России интерес к будущему вообще не имеет доминирующего стоимостного выражения, а проявляется желание оценить прошлое или новое, а также прошлое для будущего. В будущем «обществе знания» человек возьмёт на себя ответственность за воплощение нового. В образовательной парадигме знание о новом сменится ин-

дивидуальным его пониманием, а не только как акт купли-продажи. «Общество знания» – это важнейший этап развития инновационной экономики. Хотя повышение стоимости знания и «обесценивание» информации не может происходить бесконечно. В отношении фундаментальных знаний сделать денежно-стоимост-

ные расчёты невозможно. Именно здесь проходят границы между культурой и экономикой. Тенденция XXI века, выражающая сущность инновационной экономики, есть сближение цены знания и знания цены. В этом состоит ключевой экономический смысл образовательной культуры.

Примечания

1. *Акмаева Р. И.* Инновационный менеджмент : учебное пособие. Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. 347 с.
2. *Бережанский П. В., Бережанская Ю. С., Гайнутдинова Л. И.* История развития учения об управлении знаниями // История и философия науки : сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 4–5 мая 2012 г.) / Федеральное агентство по образованию, Ульяновский гос. ун-т ; [ред. : Н. Г. Баранец]. Ульяновск : Качалин Александр Васильевич, 2012. С. 59–68.
3. *Берникова О. В.* Дополнительное образование как условие профессионального самоопределения и формирования социально полноценной личности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (63). С. 176–182.
4. *Лобанов И. В.* Образование в сфере культуры в контексте межкультурного диалога // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (65). С. 11–20.
5. *Мезенцев Г. Н.* Идея общества знания // Вестник Российского философского общества. 2012. № 2 (62). С. 20–22.
6. *Ремизов В. А., Картычева М. В.* Метаморфозы статуса образования в сфере культуры и искусства в условиях развивающегося рынка // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (54). С. 138–142.
7. *Ремизов В. А., Нгуен Куок Хынг* Ценностно-смысловые основания культурной политики в современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 5 (55) С. 32–37.
8. *Столяров В. И.* Инновационная гуманистическая школа и Спартианский Гуманистический Центр // Вестник Российского философского общества. 2007. № 2 (42). С. 119–122.
9. *Суминова Т. Н.* Проблема гармонии и её поисков в ноосфере // Вестник Российского философского общества. 2007. № 2 (42). С. 122–125.
10. *Суминова Т. Н.* Проблема поисков гармонии как системообразующего концепта мироздания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6 (50). С. 26–31.
11. *Уваров А. И.* К вопросу о философии планетарного разума // Вестник Российского философского общества. 2011. № 1 (57). С. 95–100.
12. *Урсул А. Д.* Отражение и информация. Москва : Мысль, 1973. 231 с.
13. *Чижиков В. В.* Пространство потребления – от объективного к субъективному // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (65). С. 52–57.
14. *Шитов С. Б.* Высшее техническое образование в процессе становления общества знания. Москва : Маска, 2010. 305 с.

References

1. Akmaeva R. I. *Innovatsionnyy menedzhment [Innovative management]*. Rostov on Don, Publishing house "Phoenix", 2009. 347 p.
2. Berezhansky P. V., Berezhanskaya Yu. S., Gaynutdinova L. I. Istoriya razvitiya ucheniya ob upravlenii znaniyami [History of Knowledge Management Learning]. In: Baranets N. G., ed. *Istoriya i filosofiya nauki: sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Ul'yanovsk, 4–5 maya 2012 g.) [History and philosophy of science: a collection of articles on the materials of the All-Russian Scientific Conference (Ulyanovsk, May 4–5, 2012)]*. Ulyanovsk, Published by Kachalin Aleksandr Vasilyevich, 2012. Pp. 59–68.
3. Bernikova O. V. Additional education as a condition of professional self-determination and the formation of socially – integrated personality. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 1 (63), pp. 176–182. (In Russian)
4. Lobanov I. V. Education in the field of culture in the context of intercultural dialogue. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 3 (65), pp. 11–20. (In Russian)
5. Mezentsev G. N. Ideya obshchestva znaniya [The idea of a knowledge society]. *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2012, no. 2 (62), pp. 20–22.
6. Remizov V. A., Karpicheva M. V. Metamorphoses of the status of education in the culture and art sphere in the conditions of an emerging market. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2013, no. 4 (54), pp. 138–142. (In Russian)
7. Remizov V. A., Nguen Kuok Khyng The valuable and semantic bases of cultural policy in modern Russia *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2013, no. 5 (55), pp. 32–37. (In Russian)
8. Stolyarov V. I. Innovatsionnaya gumanisticheskaya shkola i Spartianskiy Gumanisticheskiy Tsentr [Innovative humanistic school and the Spartan Humanist Center]. *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2007, no. 2 (42), pp. 119–122.
9. Suminova T. N. Problema garmonii i yeyo poiskov v noosfere [The problem of harmony and its search in the noosphere]. *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2007, no. 2 (42), pp. 122–125.
10. Suminova T. N. Problema poiskov garmonii kak sistemoobrazuyushchego kontsepta mirozdaniya [The problem of searching for harmony as a system-forming concept of the universe]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2012, no. 6 (50), pp. 26–31.
11. Uvarov A. I. K voprosu o filosofii planetarnogo razuma [On the question about philosophy of a planetary mind]. *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2011, no. 1 (57), pp. 95–100.
12. Ursul A. D. *Otazheniye i informatsiya [Reflection and Information]*. Moscow, Mysl Publishers, 1973. 231 p.
13. Chizhikov V. V. The space consumption is from the objective to the subjective. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 3 (65), pp. 52–57. (In Russian)
14. Shitov S. B. *Vyssheye tekhnicheskoye obrazovaniye v protsesse stanovleniya obshchestva znaniya [Higher technical education in the process of formation of the knowledge society]*. Moscow, 2010. 305 p.

*

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК ЕГО ИДЕНТИФИКАЦИОННОЕ ЛИЦО: СУЩНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ

УДК 008:316.77

М. С. Шилехина

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается возможность идентификации города в качестве одного из самых современных и актуальных направлений в исследовании культурного пространства города. Территориальный брендинг на протяжении нескольких лет остается темой, которую обсуждают лишь в рамках отдельных панелей и дискуссий экономических, урбанистических и туристических форумов. Вместе с тем за последние годы, помимо моды на публичные обсуждения, появились специализированные учебные программы в вузах, живые проекты, первые бренд-менеджеры и реальные успешные практики бренд-продвижения городов. Современные тенденции показывают, что города, обладающие собственной идентичностью, становятся более успешными и выигрывают в конкурентной борьбе за человеческие, информационные и экономические ресурсы. Формирование идентичности города является сложным и междисциплинарным процессом, исследуя городскую среду, невозможно не учитывать весь комплекс, который формирует данную среду.

Ключевые слова: культурное пространство, культурное пространство города, идентичность города, территориальный брендинг, брендинг места, идентификация.

M. S. Shilekhina

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

CULTURAL SPACE OF THE CITY AS ITS IDENTIFICATION PERSON: ESSENCE AND FORMATION

The article examines the cultural space of the city as an opportunity to identify the city as one of the most modern and relevant areas in the study of the cultural space of the city. Territorial branding for several years remains a topic that is discussed only within the framework of individual panels and discussions of economic, urban and tourist forums. However, in recent years, in addition

ШИЛЕХИНА МАРИНА СЕРГЕЕВНА – аспирантка Московского государственного института культуры, старший преподаватель кафедры дизайна и инженерной графики Архитектурно-строительного института Тольяттинского государственного университета

SHILEKHINA MARINA SERGEEVNA – doctoral student of the Moscow State Institute of Culture, senior lecturer of the Department of Design and Engineering Graphics, Institute of Architecture and Construction, Togliatti State University

e-mail: marina_artdesign@mail.ru

© Шилехина М. С., 2017

to the fashion for public discussions, specialized training programs in universities, live projects, the first brand managers and real successful practices of brand promotion of cities have appeared. Current trends show that cities with their own identities become more successful and win in the competition for human, information and economic resources. Formation of the identity of the city is a complex and interdisciplinary process, exploring the urban environment it is impossible not to take into account the entire complex that forms this environment.

Keywords: cultural space, cultural space of the city, city identity, territorial branding, branding places, identification.

Для цитирования: Шилехина М. С. Культурное пространство города как его идентификационное лицо: сущность и формирование // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 52–62.

Культурное пространство города, которое можно назвать ещё и его «лицом», является одним из самых современных и актуальных направлений исследования возможностей идентификации современных городов. Этим вопросом занимаются многие ведущие специалисты по городским территориям. Сегодня в России активно прослеживается конкуренция городов не только за информационные потоки, инвестиции, но и за туристов и талантливых людей. В современной городской среде явно обозначилась проблема унификации, стандартизации современных городов, что неблагоприятно влияет на многообразие культурного пространства городов. Процесс глобализации поглотил современные города, обострив проблему идентификации современного города, нарушив процесс формирования индивидуального образа города. Также данный процесс усугубляет проблема архитектурной глобализации в современной городской среде, которая стирает культурные различия между городами, рождается глобальный мегаполис. Современный город постепенно утрачивает своё историческое предназначение, свою родовую память – прекращается преемственность опыта. А именно через город, через его динамику, формы, знаки и сим-

волы происходит приобщение общества к цивилизации в целом [24, с. 105–106].

Всё больше городов пытается визуализировать свой «образ города», сформировать своё «идентификационное лицо» – с целью выделиться на фоне других городов. Идентификация города включает в себя множество средовых характеристик, таких как материальная и функциональная организация среды, социальные, эстетические и эмоциональные факторы. Город, который имеет своё лицо, свои уникальные ценности, притягивает людей. Решением проблемы идентификации современных городов занимается современное направление дизайна – территориальный брендинг. Данное направление появилось в России относительно недавно, но активно начинает проявлять себя не только на практике, но и в научных трудах современных исследователей.

В последнее время брендинг территорий – тема, интересующая не только современных исследователей, но и политиков, городских управленцев, городских сообществ. При этом исследование темы брендинга мест в настоящее время только набирает популярность, в мире вышло уже немало теоретических монографий (в основном англоязычных), а также книг, посвященных результатам практи-

ческих исследований в этой сфере. В последнее время появилось большое количество научных и публицистических статей по данной теме. Большинство из них проходит в формате открытой научной полемики вокруг сущности бренда места. Многие эксперты, которые практикуются в сфере брендинга мест, традиционно работали на рынке продвижения коммерческих товаров и услуг или политических технологий. Это привело к тому, что в понятии бренда территорий всё внимание уделяется процессу брендинга, а «место» игнорируется. Также нарастает противоречие между теоретиками и практиками, которые нуждаются в быстрых и простых ответах. Таким образом, можно выявить проблему в разрыве между научными исследованиями культурного пространства современных городов и практической деятельностью, которая реализуется в области брендинга городов. В связи с этим требуется провести исследования, способные грамотно соединить теорию и практику, что поможет сделать результат разработки бренда города более глубоким, системным и способным сформировать единое культурное пространство современного города.

Идентичность города как возможность формирования единого культурного пространства. Главным отличием от корпоративного бренда и сутью бренда города, по мнению одного из ключевых современных практиков в сфере брендинга российских городов Василия Дубейковского, является идентичность. Имидж современного города существует в общественном сознании как совокупность устойчивых представлений о городе [7]. Идентичность же формулируется как ощущение принадлежности или связи с

той или иной общностью, культурой, традицией, идеологией и т.п. Таким образом, в широком смысле, идентичностью города можно назвать то, как горожане понимают и воспринимают свой город и идентифицируют себя с ним. Денис Визгалов выделяет пять составляющих городской идентичности, среди которых: уникальность города; идентификация, «отождествление» города; лояльность и любовь к городу, интерес к нему; социальная сплоченность и землячество; практический потенциал идентичности [2, с. 39].

В контексте рассмотрения процесса выявления идентичности города важно обозначить сущность такого понятия, как «образ города». В своей работе «Образ города» американский архитектор К. Линч утверждает, что именно личностное восприятие горожан делает образ города живым, оживляет прошлое города, делая его доступным, близким и вызывающим любовь и в итоге формирует патриотизм [13]. Кевин Линч выделяет пять основных элементов, посредством которых человек составляет «каркас» города: пути, границы, узлы, зоны, ориентиры. Пути представляют собой коммуникации, вдоль которых человек может перемещаться. Например, улицы, автомагистрали, железные дороги, каналы. Их можно выделить как преобладающие элементы в создании структуры визуального образа города, так как взаимодействие с городской средой происходит в процессе перемещения по городу. Поэтому элементы образа формируются относительно путей перемещения. Границы (края) являются линейными элементами среды, находящимися на стыке двух состояний среды. Зонами в рамках данной концепции являются части города или района.

Узлами можно назвать места или стратегические точки города, в которые человек может свободно попасть. Ориентиры представляют собой места или точки города, которые остаются внешними по отношению к индивиду. Например, здания, памятники, знаки, фасады, горы и т.д. Выделив и проанализировав данные элементы на конкретной ограниченной территории, можно сформировать образ города и выйти на формирование бренда. Данная методика работает непосредственно с физической составляющей городской среды, поэтому корректнее её использовать в сочетании с другими методами и теориями исследования городских территорий.

Попытку систематизировать процесс изучения городской культурной среды предпринял М. С. Каган, выделив четыре специфических фактора, определяющих культурную жизнь города: первый – географический, природный фактор; второй – социальный статус города и основная направленность деятельности его обитателей; третий – архитектурный фактор, подразумевающий пространственную художественную организацию города; четвертый – эстетически художественный, включающий и архитектурный образ города, но имеющий гораздо более широкое содержание: этот фактор включает и природную среду, и художественную культуру. Различное сочетание всех четырех факторов придаёт городу неповторимость, оригинальность, самобытность. Это позволяет утверждать правомерность вывода о самобытности любого города и его культуры [11, с. 19–21]. Данную структуру можно использовать при исследовании культурной идентичности города, так как она обладает целостным

комплексным подходом к исследованию городской среды.

Также можно ещё отметить механизмы анализа городской среды, которые предложил В. Т. Шимко в своей известной работе «Архитектурно-дизайнерское проектирование». Он выделяет основные структурные элементы композиционного целого, такие как доминанты, акценты, фон, оси композиции [26, с. 56–57].

Используя анализ данных структурных элементов, можно выделить уникальное свойство средовых объектов и систем на конкретной городской территории. Также выбор из числа главных и второстепенных структурных элементов композиции городской среды можно сделать на основе метода сценарного моделирования, который берёт начало в технологиях театрального искусства.

Также В. Т. Шимко предложил структурные уровни среды: гиперуровень, макроуровень, мезоуровень и микроуровень, что позволяет более качественно и глубоко проанализировать визуальное восприятие города. Данный инструмент выявляет уровни, на которых город воспринимается более выразительно, а также – уникальные особенности города.

Конструируемый образ города не может быть изобретённым, придуманным, поэтому необходимо максимально подробно и глубоко исследовать городскую среду, используя инструменты из различных теоретических и практических подходов. В результате должно сложиться как можно более точное отражение идентичности города – представлений городского сообщества о смысле и уникальных чертах своего города. Можно сделать вывод, что передовые городские сообщества уже осознают нужность и

важность идентификации современного города как процесса осмысления сути города и определения лучшего пути его развития в контексте глобализации современного мира. Также городские сообщества приходят к осознанию важности формирования концепции современного города в информационном пространстве, так как формирование современного культурного пространства города невозможно без формирования и управления медиасредой. «В перспективе важно, чтобы городская среда стала целостной логико-смысловой культурной средой, где медиакультурному пространству принадлежит доминирующая роль [18, с. 73]».

Известно, что если город не осознаёт своей уникальности, то он ослабляет свою инвестиционную привлекательность. За последние 15 лет разработка брендов городов стала очень популярной практикой, но проанализировать и сделать выводы на основе данных практик можно только сейчас, когда появляются реальные результаты. В России такими примерами могут служить Урюпинск, Добрянка, Мышкин и Великий Устюг, из зарубежных примеров в качестве города с целенаправленно построенным брендом в последнее время называется Дубай. Поиск универсальных технологий территориального брендинга в мире продолжается, но чаще всего используются три инструмента: проектный менеджмент, частно-государственное партнерство и использование творческого потенциала жителей [2, с. 15]. В результате более сотни российских населённых пунктов разработали собственный бренд, но большинство этих попыток не привели к позитивному результату. Причина неудачи лежит как раз в том, что разработчики

брендов чаще всего игнорируют этот глубинный смысл брендинга, не используют уже разработанные инструменты и методики анализа городской среды в рамках таких подходов, как семиотический, культурологический, архитектурно-эстетический и другие. Например, использование семиотического подхода (Р. Барт, Н. П. Анциферов, Ю. М. Лотман, Э. Кассирер, Г. Г. Почепцов, Ч. Дженкс, В. Н. Топоров, Д. А. Спивак, Г. Зиммель и другие) к изучению культурного пространства города имеет практическую значимость для формирования идентификационного лица города. Формирование идентичности города является сложным и междисциплинарным процессом, исследуя городскую среду, невозможно не учитывать весь комплекс, который формирует данную среду. Каждый город имеет свой семиотический язык, разговаривая с нами своими улицами, людьми, памятниками, зданиями, историей, на основе которых может быть реконструирована некая система знаков. Поэтому семиотический анализ городской среды является одним из базовых и обязательным для формирования точного и глубокого образа города.

Современные разработчики чаще всего ставят утилитарные цели, поэтому бренды создаются для привлечения инвестиций и развития туристического бизнеса. В итоге город получает визуальную идентификацию, далёкую от реальности и непонятную местным жителям, которая, конечно же, быстро уходит в никуда без их поддержки [6]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что подмена целей при создании городской идентичности может привести к противоположному результату. Важно понять ключевое

отличие идентичности товарного бренда от городского. Городскую идентичность, в отличие от товарной, невозможно создать, так как она уже существует в культурном пространстве города и носителями этой идентичности являются горожане [7]. В настоящее время в России около 1 000 городов, из них официально уже более 150 пытались разработать бренд. Среди них можно назвать такие российские города и регионы, как Краснокамск, Пермь, Ярославль, Добрянка, Тихвин, Урюпинск, Новосибирск, Саратов, Астрахань и Астраханская область, Вологодская область, Ижевск, Костомукша, Великий Новгород, Клин, Екатеринбург, Мурманск, Стерлитамак, туристические бренды Санкт-Петербурга и Москвы, бренд Республики Татарстан, бренд Тульской области, бренд Калининградской области, бренд Пермского края, туристический бренд Крыма и другие. Но при таком обилии разработанных брендов лишь единицы продолжают помогать городу развиваться и вовлекать жителей в этот процесс, а остальные не функционируют в городе, так как не воспринимаются горожанами как истинное «лицо» города. Поэтому во время процесса разработки бренда города необходимо вовлекать в этот процесс жителей, так как они являются одновременно и носителями идентичности города, и будущими потребителями бренда. Сторонник урбанистического подхода А. П. Панкрухин также делает акцент на роли бренда территории в формировании самосознания проживающих на ней граждан: «Бренд региона включает в себя чувство гордости за свой регион (город), региональный патриотизм, реализует региональную идентичность (чувство “Мы”) [16, с. 604–

613]». В. А. Глазычев в рамках своей концепции подчеркивает способность городского сообщества развиваться «через осознание самого себя», и ведущую роль в данном процессе автор отводит активному деятельному меньшинству населения. Таким образом, изучение культурного пространства города призывает к изучению городских сообществ, их взаимодействия с городской средой и непосредственного влияния на неё [3].

Для иллюстрации важности высказанных соображений можно привести два ярких, противоположных по результату примера брендинга современных городов. Одним из последних противоречивых экспериментов в формировании культурного пространства в современной городской среде стала реализация в Перми проекта «Пермь – культурная столица Европы». Местная «культурная революция» завершилась в апреле 2012 года, когда ушёл в отставку губернатор Пермского края Олег Чиркунов, а в июне 2013-го главный идеолог «пермского проекта» Марат Гельман был уволен с поста директора Пермского музея современного искусства PERMM. Проект продлился примерно 4 года, отличался огромным количеством ярких культурных событий, внедрением современного визуального языка в городскую среду, привлечением модных и талантливых экспертов в области культуры, но при этом полным отсутствием приятия данных перемен местными жителями. Череда форумов, выставок, фестивалей так и не были объединены в единый проект: предложенная концепция новой культурной политики так и не была воплощена в реальности. Формирование мифа о культурном преобразении Перми происходило на фоне

игнорирования того, что было в культуре края до начала реализации «Пермского проекта», не учитывало уникальных особенностей именно этого города [12]. При этом вышел сериал, который сняли пермские КВНщики, ставший популярен не только во всех регионах России, но и в самой Перми. Проведя параллель между двумя проектами, неудачным опытом по формированию имиджа культурной столицы Европы и сериалом про пермяков, который стал определять имидж города, можно увидеть важность поиска той идентичности, которая существует у каждого жителя города. Данный эксперимент показал, насколько многоплановый и не простой процесс формирования культурного пространства города, как важно учитывать специфику каждого конкретного города, его идентичность и мнения местных сообществ.

Среди удачно реализованных проектов следует выделить проект бренда города Урюпинск. Данный опыт отечественного территориального брендинга отличается глубиной и системностью подхода, формированием инструментами брендинга самобытного культурного пространства города. Вначале в городе был зарегистрирован товарный знак «Столица российской провинции» с целью поддержания патриотизма у местных жителей, далее уже был разработан бренд. В настоящее время у города есть прописанная стратегия до 2018 года – тогда Урюпинск отметит свое 400-летие. Разработанный бренд на постоянной основе поддерживается специальными мероприятиями, ведётся работа по формированию местных сообществ. В ближайшее время начнет работу сайт – столицапровинции.рф. Программа «Сделано

в Урюпинске» будет продвигать местные изделия. А руководство города выпустило книгу «Делай как Урюпинск», в которой бренд-менеджер города Василий Дубейковский поделился секретами и советами о том, как другим малым городам придумать и создать бренд, любимый и жителями, и туристами.

В итоге бренд Урюпинска стал мощной идеей, которая объединила жителей города. Это – инструмент коммуникации, увеличивающий ценность товаров, которые производятся в городе. Например, урюпинский пух затмил всё, что производится в соседних районах.

В 2015 году в Урюпинске прошел первый форум, главной темой которого являлся брендинг городов – City Branding Forum. В City Branding Forum приняли участие представители вузов и сферы консалтинга, однако главными действующими лицами стали представители конкретных городов-брендов, таких как Пермь, Добрянка, Москва, Новокузнецк, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Лондон, Минск и другие. City Branding Forum не случайно проводился в Урюпинске, так как именно этот город на сегодняшний день стал одним из лучших примеров территориального брендинга на постсоветском пространстве [19].

По мнению Д. В. Визгалова, брендинг города – это всё же не коммерческий, а социальный проект, который измеряет не коммерческие успехи отдельных фирм, а влияние их успехов на развитие всего городского сообщества [2, с. 15–21]. Брендинг городов уже на протяжении нескольких лет остается темой, которую обсуждают лишь в рамках отдельных панелей и дискуссий экономических, урбанистических и туристических форумов.

Вместе с тем за последние годы, помимо моды на публичные обсуждения, появились специализированные учебные программы в вузах, живые проекты, первые бренд-менеджеры и реальные успешные практики бренд-продвижения городов. Многие города мира только присматриваются к брендингу как стратегическому инструменту развития.

Итак, в заключение можно подытожить, что культурное пространство города представляет собой не сумму форм деятельности, но именно систему, которая организуется и воспринимается человеком, взаимосвязанную во всех её частях и элементах, живую, пульсирующую, развивающуюся целостность, представляющую жизнь города как полноценный культурный процесс. Поэтому так важно использовать системный подход

(И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, М. С. Каган и другие), в рамках которого город исследуется как особый исторический, социальный и культурный феномен.

Главной задачей познания города в рамках данного подхода является задача рассмотрения культуры города в качестве процесса и результата пересечения всех её элементов.

Такой сложный синтетический характер культурного пространства города не поддаётся достаточно полному описанию и исследованию с позиций какой-либо отдельно взятой науки, теории, концепции или практики. Поэтому формирование городской идентичности требует комплексного междисциплинарного подхода и непосредственной связи с изучением и формированием культурного пространства города.

Примечания

1. Борисова Т. А., Хилханова Э. В. Роль региональной культуры в формировании туристского бренда территории (на примере республики Бурятия) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1 (69). С. 163–168.
2. Визгалов Д. В. Бренддинг города / [предисл. А. В. Смирнягина]. Москва : Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
3. Глазычев В. А. Социально-экологическая интерпретация городской среды. Москва : Наука, 1984. 180 с.
4. Гревс И. М. Путешествия в жизни учителя-краеведа // На путях краеведения. Статьи: Н. П. Анциферова, Н. С. Берсенева, Н. Д. Владимирского... [и др.]. Москва : Мир, 1926. С. 141–150.
5. Денис Визгалов о том, почему города – это лучшие бренды [Электронный ресурс] // The Village : электронный журнал : [веб-сайт]. Электрон. дан. 21 февраля 2014. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/direct-speech/139363-pryamaya-rech-denis-vizgalov-o-brendinge-gorodov>
6. Дубейковский В. Бренддинг городов. Настоящее и будущее. Итоги 2012 года. Часть 2 [Электронный ресурс] // CityBranding : электронный журнал : [веб-сайт]. Электрон. дан. 20.02.2013. URL: <http://citybranding.ru/brending-gorodov-nastoyashhee-i-budushhee-itogi-2012-goda-chast2/> (дата обращения: 09.04.2017).
7. Дубейковский В. Вопрос № 9. Что такое идентичность города? [Электронный ресурс] // CityBranding : электронный журнал : [веб-сайт]. Электрон. дан. 16.10.2012. URL: <http://citybranding.ru/vopros9/> (дата обращения: 03.05.2017).
8. Есаков В. А. Мегалполис в зеркале социальной философии : монография. Москва : ИНФРА-М, 2016. 175 с.

9. *Есаков В. А.* Мегapolis и его культура на примере Москвы. 2-е изд., перераб. Москва : Альфа-М, 2009. 208 с.
10. *Каган М. С.* Культура города и пути её изучения // Город и культура / [науч. редакторы С. Н. Иконникова, Г. В. Скотникова]. Санкт-Петербург : СПбГИК, 1992. С. 19–21.
11. *Коган А. Б.* Городская культура и пространство: проблема «центральности» // Развитие городской культуры и формирование пространственной среды : сборник научных трудов / Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству ; под ред. канд. архитектуры А. Б. Когана. Москва : ЦНИИП градостроительства, 1976. С. 6–7.
12. *Колтаков И.* Что происходит в Перми после «культурной революции» [Электронный ресурс] // The Village : электронный журнал : [веб-сайт]. Электрон. дан. 27 августа 2013. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/regions/130773-novaya-geografiya-kulturnaya-revolyuitsiya-v-permi/> (дата обращения: 09.04.2017).
13. *Линч К.* Образ города / пер. с английского В. Л. Глазычев ; составитель А. В. Иконников ; под редакцией А. В. Иконникова. Москва : Стройиздат, 1982. 328 с.
14. *Лисенкова А. А.* Современные подходы к определению феномена культурной идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 6 (74). С. 26–30.
15. *Мастеница Е. Н.* Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход // Петербургские исследования. 2011. № 3. С. 128–147.
16. *Панкфрухин А. П.* Маркетинг территорий. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2006. 414 с.
17. *Ремизов В. А., Садовская В. С.* Год культуры в России – аналитическое послесловие: упущенное, возможное и риски // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (63). С. 18–25.
18. *Ремизов В. А., Садовская В. С.* Культурная антропология : учебное пособие. Москва: МГИК, 2017. 188 с.
19. Citybrandingforum: форум по территориальному брендингу [Электронный ресурс] // CityBranding : программа форума : [веб-сайт]. Электрон. дан. 2015. URL: <http://citybrandingforum.ru/> (дата обращения: 04.05.2017).
20. *Степаньичева Е. В.* Концептуальный подход к формированию бренда территории // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12 (46). С. 288–295.
21. *Трубина Е. Г.* Город в теории : опыты осмысления пространства. Москва : Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
22. *Флиер А. Я.* О природе культурного символа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1 (69). С. 51–57.
23. *Флиер А. Я.* Предназначение культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 24–31.
24. *Шилехина М. С.* Современные тенденции формирования культурного пространства города: проблемы и возможности? // Культурное наследие России. 2016. № 4 (15). С. 103–109.
25. *Шилехина М. С.* Современный город: увеличение уровня качества жизни населения за счет развития потенциальных возможностей города // Социальная политика и социальное партнерство. 2016. № 11-12. С. 32–36.
26. *Шимко В. Т.* Архитектурно-дизайнерское проектирование. Основы теории (средовой подход). Москва : Архитектура-С, 2005.

References

1. Borisova T. A., Khilkanova E. V. The role of regional culture in the territorial tourist brand development (on the example of the republic of Buryatia). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 1 (69), pp. 163–168. (In Russian)
2. Vizgalov D. V. *Brending goroda [City Branding]*. Moscow, Published by the Institute for Urban Economics, 2011. 160 p.
3. Glazychev V. L. *Sotsial'no-ekologicheskaya interpretatsiya gorodskoy sredy [Socio-ecological interpretation of urban environment]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1984. 180 p.
4. Grevs I. M. Puteshestviya v zhizni uchitelya-krayevedy [Traveling in the life of a local history teacher]. *Na putyakh krayevedeniya. Stat'i: N. P. Antsiferova, N. S. Berseneva, N. D. Vladimirskogo... (i dr.) [On the paths of study of local lore. Articles: N. P. Antsiferova, N. S. Berseneva, N. D. Vladimirsky ... (and others)]*. Moscow, 1926. Pp. 141–150.
5. Denis Vizgalov o tom, pochemu goroda – eto luchshiy brendy [Denis Vizgalov on why cities are the best brands]. Available at: <http://www.the-village.ru/village/city/direct-speech/139363-pryamaya-rech-denis-vizgalov-o-brendinge-gorodov>
6. Dubeykovsky V. *Brending gorodov. Nastoyashcheye i budushcheye. Itogi 2012 goda. Chast' 2 [Branding of cities. Present and future. Results of 2012. Part 2]*. Available at: <http://citybranding.ru/brending-gorodov-nastoyashchee-i-budushchee-itogi-2012-goda-chast2/> (accessed: 09.04.2017).
7. Dubeykovsky V. *Vopros № 9. Chto takoye identichnost' goroda? [Question number 9. What is the identity of the city?]*. Available at: <http://citybranding.ru/vopros9/> (accessed: 03.05.2017).
8. Esakov V. A. *Megapolis v zerkale sotsial'noy filosofii [Megapolis in the mirror of social philosophy]*. Moscow, Publishing house «Infra-M», 2016. 175 p.
9. Esakov V. A. *Megapolis i ego kul'tura na primere Moskvy [Megapolis and its culture on the example of Moscow]*. 2nd edition. Moscow, Publishing house "Alfa-M". 208 p.
10. Kagan M. S. Kul'tura goroda i puti yeyo izucheniya [Culture of the city and ways to study it]. In: Ikonnikova S. N., Skotnikova G. V., ed. *Gorod i kul'tura [City and culture]*. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State Institute of Culture, 1992. Pp. 19–21.
11. Kogan L. B. Gorodskaya kul'tura i prostranstvo: problema "tsentral'nosti" [Urban culture and space: the problem of "centrality"]. In: Kogan L. B., ed. *Razvitiye gorodskoy kul'tury i formirovaniye prostranstvennoy sredy: sbornik nauchnykh trudov [The development of urban culture and the formation of a spatial environment: a collection of scientific papers]*. Moscow, 1976. Pp. 6–7.
12. Kolpakov I. *Chto proiskhodit v Permi posle "kul'turnoy revolyutsii" [What happens in Perm after the "cultural revolution"]*. Available at: <http://www.the-village.ru/village/city-regions/130773-novaya-geografiya-kulturnaya-revolyutsiya-v-permi/> (accessed: 09.04.2017).
13. Lynch K. [Lynch Kevin] *Obraz goroda [The Image of the City]*. Moscow, 1982. 328 p.
14. Lisenkova A. A. Modern approaches to the definition of the phenomenon of cultural identity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 6 (74), pp. 26–30. (In Russian)
15. Mastenitsa E. N. Kul'turnoye prostranstvo goroda kak predmet issledovaniya i ob'yekt poznaniya: mezhdistsiplinarnyy podkhod [Cultural space of the city as a subject of research and object of knowledge: interdisciplinary approach]. *Petersburg Studies*. 2001, no. 3, pp. 128–147.
16. Pankrukhin A. P. *Marketing territoriy [Marketing of territories]*. 2nd edition. St. Petersburg, PITER Publishing House, 2006. 414 p.
17. Remizov V. A., Sadovskaya V. S. The year of culture in Russia – analytical epilogue: lost time, effort and risks. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 1 (63), pp. 18–25. (In Russian)

18. Remizov V. A., Sadovskaya V. S. Kul'turnaya antropologiya [Cultural Anthropology]. Moscow, Publishing house of Moscow State Institute of Culture, 2017. 188 p.
19. Citybrandingforum: forum on territorial branding. Available at: <http://citybrandingforum.ru/> (accessed: 04.05.2017).
20. Stepanycheva Ye. V. Conceptual campaign to formation of the brand of the territory. *Socio-economic processes and phenomena*. 2012, no. 12 (46), pp. 288–295. (In Russian)
21. Trubina E. G. *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva [City in theory: the experiences of understanding the space]*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2011. 520 p.
22. Flier A. Ya. About the nature of a cultural symbol. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 1 (69), pp. 51–57. (In Russian)
23. Flier A. Ya. Culture Purpose. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 3 (71), pp. 24–31. (In Russian)
24. Shilekhina M. S. Modern tendencies of cultural space in the city: challenges and opportunities. *Cultural Heritage of Russia*. 2016, no. 4 (15), pp. 103–109. (In Russian)
25. Shilekhina M. S. Modern city: increasing the population's quality of life due to development of potential opportunities of the city. *Social Partnership and Social Policy*. 2016, no. 11-12, pp. 32–36. (In Russian)
26. Shimko V. T. *Arkhitekturno-dizaynerskoye proyektirovaniye gorodskoy sredy [Architectural and design designing. Fundamentals of the theory (environmental approach)]*. Moscow, Publishing house "Architecture-C", 2005.

*

М ИФЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

УДК 008

Е. А. Бородина

Пермский государственный институт культуры

Статья посвящена исследованию современной мифологии городского пространства. Анализируются разные подходы в изучении современной мифологии. Отмечается, что миф несёт в себе коды, символы, составляющие коллективные представления, метафоры обобщённых эмпирических наблюдений. Проведя аналогию с исследованиями В. Проппа, мы видим следующее – современный миф в своей структуре значительно упрощается, нежели волшебная сказка. Это объясняется прежде всего тем, что состояние современной культуры, несмотря на её разнообразие, представленное в дискурсе горожан, довольно упрощено, по сравнению их (дискурсов) с волшебной сказкой. Опираясь на всё вышесказанное, можно сделать вывод о мифе как о самостоятельной реальности, изменяясь в условиях современного города, миф остаётся – эмоциональным, пластичным, неискоренимым. Его можно конструировать, изменять, описывать и анализировать, природа его от этого не меняется.

Ключевые слова: миф, мифология, типический сюжет, дискурс современных горожан.

E. A. Borodina

Perm State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation
(Minkultura), Gazety "Pravada" str., 18, 614000, Perm, Russian Federation

MYTHS OF THE MODERN CITY: THE PROBLEM

The Article deals with the modern mythology of the urban space. Analyzes different approaches to the study of modern mythology. The myth carries the codes of the characters constituting collective representations, the metaphors of generalized empirical observations. Drawing an analogy with the studies of V. Propp, we see the following – a modern myth in its structure is much simpler than a fairy tale. This is primarily due to the fact that the state of contemporary culture, despite its diversity, represented in the discourse of the citizens, rather easier than for them (discourses) with a magical tale. Based on the above, we can conclude that the myth, as an independent reality, changing the conditions of the modern city, the myth remains – emotional, plastic, ineradicable. It can be designed, modified, describe and analyze the nature of it remains the same.

Keywords: myth, mythology, the typical story, the discourse of modern citizens.

БОРОДИНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – старший преподаватель кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры

BORODINA EKATERINA ALEKSANDROVNA – senior teacher of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture

e-mail:Kat-1@yandex.ru
© Бородина Е. А., 2017

Для цитирования: Бородина Е. А. Мифы современного города: постановка проблемы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 63–70.

В современных гуманитарных науках тема мифа, его влияния на состояние культуры чрезвычайно актуальна. Мы можем предположить, что мифология является одним из важнейших факторов влияния на процессы, протекающие в современном социуме.

Традиция изучения мифа насчитывает множество подходов и школ, обозначим лишь некоторые из них:

- религиозно-философский подход;
- филологическая школа изучения мифа;
- современная гуманитарная школа изучения мифа.

В рамках религиозно-философского учения в первую очередь стоит упомянуть такого известного исследователя, как А. Ф. Лосев, ряд работ которого посвящён изучению мифа. Центральным понятием «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева, по мнению автора статьи, является понятие личности, становящееся (в связи с применённой феноменологической установкой) своеобразным синонимом бытия. Данный подход являлся характерным для философии 20-х годов XX столетия.

А. Ф. Лосев разделяет представление о мифе и его феноменологическое представление, считая миф не только философским, но и богословским понятием. Миф, по А. Ф. Лосеву, досознательный элемент. В изменяющемся обществе миф, меняя формы и отношение к нему, остаётся неизбывной реальностью.

Современная филологическая школа изучения мифа представлена такими исследователями, как Ж. В. Кормина,

С. А. Штырков, С. Ю. Неклюдов, А. А. Панченко, Т. Б. Щепанская. Общим в трудах исследователей Санкт-Петербургской школы изучения мифа будет утверждение о мифе как нарративе, отражающем религиозные представления, существующие в виде фольклорных текстов. Одна из заявленных гипотез в трудах этих исследователей связана с утверждением о локальности нарратива. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на исследования фольклора и мифологии, провести связь между географическим локусом и особенностями текстов.

Современная гуманитарная школа изучения мифа может быть представлена пермскими учёными С. В. Рязановой, А. В. Бушмаковым. Обобщая сказанное этими исследователями, мы можем утверждать, что в современном социуме возникла «новая» мифология, принимающая подчас весьма причудливые формы, но подчиняющаяся логике существования мифа в целом. Исследования в рамках этой школы примечательны тем, что подчёркивают сохранение в современном обществе значительной доли традиционного компонента, что позволяет выделить определённые мифологемы в культуре современного города.

Как видим, мифотворчество на сегодняшний день – тема актуальная, находящая себе место в разных подходах изучения в рамках гуманитарного знания.

Современная городская культура имеет сложную структуру, состоящую из множества субкультур, взаимодействующих друг с другом. Логично предполо-

жить, что в каждой из субкультур имеется свой язык, свои топосы и ориентиры, но вместе с тем есть и единые смыслы, пронизывающие все (или большинство) слои культур. Выделяя те самые смыслы, стоит поразмыслить: как именно они появляются? Мы помним о том, что миф есть объяснительная, регулятивная конструкция, с помощью которой человек определяет ориентир, объяснение того или иного явления. Ориентация в городской культуре затруднена, перед нами огромное количество культур, каждая из которых имеет границы, но они проницаемы, горожанин вынужден пересекать их каждодневно. Опираясь на миф как универсальным средством, горожанин получает способ прохождения через те или иные культурные среды. Предположим, в рабочее время он вынужден соблюдать правила и пользоваться языком корпоративной культуры, а придя домой, он оказывается вовлечённым в иное культурное поле – поле семьи. Используя мифы, которые складываются на основе единых ценностей и смыслов для определённой среды, современный горожанин получает алгоритм действий.

Миф современный и миф архаический едины в своём качестве, миф всегда будет интерпретировать действия человека не через логику, а через символы. А. Ф. Лосев в труде «Диалектика мифа» выделяет символы, конструкции, в которых «вечное и временное синтезированы в фигурную вечность...[6]». К таким конструкциям-символам можно отнести такие понятия, как родина, страдания, радость, жизнь, смерть, вечность и т.д. Мифологическое восприятие мира, как мы уже отметили, облегчает человекухождение через многие культурные слои

современного общества. Пользуясь мифом как универсальным средством, человек на основе эмоциональночувственного восприятия создаёт свою картину мира. В ней не приветствуется индивидуальное, человек, пользуясь мифическим знанием, становится частью целого, единицей конкретного культурного поля. Как и древний человек, человек современный выстраивает в своём мифотворчестве особую систему. В древности она была создана для того, чтобы противостоять силам хаоса, сейчас же – для достижения психологического комфорта. Человек организует комфортную ойкумену (заселённое, обжитое пространство), выстраивает свой пантеон, в нашем случае функцию пантеона берет на себя система мифов, принимаемых человеком. В современном городском пространстве, опираясь на миф, горожанин создаёт мир, понятный и приятный ему – собственное жилище, в «особые» дни он готов принять туда «чужого», но временно, ненадолго (вспомним традицию хождения в гости по выходным). На отношения, которые выстраивает горожанин с «другими», будет влиять тот же миф. Например, знание о том, что в определённые даты нужно дарить подарки, собирать друзей и т.д., основано на традиции, которая, в свою очередь, сформировалась из мифа о почитании, в результате которого человеку будет комфортно в существующих рамках «свой / чужой». Таким образом, миф становится «законным» элементом сознания.

Чтобы изменить порядок вещей, внести своё индивидуальное, в разрез нормам и ценностям, как и в древности, современный человек использует магию. С помощью ритуалов, действий, обрядов

человек моделирует желаемый результат. Примечательно, что такой ход действий применяется и тогда, когда менять ничего не нужно, но нужно закрепить, утвердить установленный порядок.

Опираясь на труд А. Ф. Лосева «Диалектика мифа», попытаемся провести аналогию между мифом архаическим и мифом сегодняшним, современным. В этом труде А. Ф. Лосев выделяет логическую и феноменологическую структуру мифа. Рассмотрим эти структурные элементы.

1. Современный миф не выдумка, а самая что ни на есть реальность, подлинная, максимально конкретная. Лосев говорит о том, что «... миф не есть бытие идеальное... [6]», действительно – миф сегодняшний не говорит о жизни идеальной, совершенной или возвышенной, он реален, с присущими современной жизни установками.

2. Миф не есть научное построение. Миф сегодняшний, как и миф архаичный, изобилует эмоциями, переживаниями. Может ли быть таковой наука? А. Ф. Лосев уверяет, что нет, не может. Хотя первобытная наука эмоциональна и в этом смысле вполне мифологична, но качество это уходит с историческим развитием науки. Мифическое знание существует само по себе, не опираясь на знание научное.

3. Мифология не предшествует науке и не основывается на её достижениях. Вспомним хотя бы множество звучащих рассказов о счастливом платье / костюме, о ритуалах, совершаемых современными людьми на удачу и т.д. Все они объединены не рациональностью, но верой. Из этого следует то, что научное знание не сможет разрушить миф. Миф существует отдельно от науки, он не логичен,

но основывается на обширных эмпирических сведениях. Миф осязаем и понятен каждому, он абсолютно видимый, не требующий доказательств. Мы знаем, что так бывает, сопоставив обстоятельства, транслируемые в мифе, и свою жизнь, мы можем предвидеть ход, развитие событий.

Любой из современных мифов можно использовать по собственному усмотрению, меняя, варьируя его до бесконечности. Но смысл его будет оставаться тем же, а функция, скорее всего, меняться не будет. Какие же структурные элементы можно обозначить в мифе сегодняшнем?

Попытаемся воспользоваться методологическим инструментом, описанным в трудах В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки».

Миф, по аналогии с волшебной сказкой, имеет свою структуру – *зачин, последовательность событий, действий и назидание*.

Зачин мифа является некой преамбулой, которая вводит в определённое культурное поле. Предположим, среди мифов, относящихся к мифам о воспитании детей или о детстве, в зачине будет обязательно указание на существующие нормы и ценности, господствующие в конкретную историческую эпоху.

В сегодняшнем дискурсе, посвящённом вопросам воспитания, чётко прослеживается гуманная педагогическая концепция, в отличие от мифа, бытовавшего ранее.

Вряд ли сегодня можно услышать о пользе телесных наказаний, напротив, всячески подчёркивается необходимость демонстрации любви при воспитании детей. Наставления такого рода канули в прошлое, впрочем, не далёкое.

Мифы, указывающие и рассказывающие о семейных отношениях, тоже ориентированы на сегодняшние ценности брака. А среди таковых на первом месте всегда стоит супружеская верность. Следовательно, миф, рассказы о «правилах поведения» в семье будут опираться именно на эти установки. Негация в отношении к событиям и людям, нарушающим, попирающим эти установки, всегда чётко прослеживается.

Последовательность событий и/или действий. Собственно сама история в каждом случае будет иметь свою форму, зависящую от автора/рассказчика. Но примечательно то, что различные варианты одного мифа будут иметь схожие слова, выражения-символы, в которых будет видна, во-первых, установка рассказчика (сопереживание, осуждение, одобрение и т.д.), а во-вторых, связь с теми ценностями, указанными в зачине.

Назидание, или мораль. Миф служит одновременно и указанием, и оправданием. В случае неудачи современный человек всегда может опереться на опыт других, пусть безличных авторов, но тем не менее авторитетных в силу многократно повторяемых ситуаций. Он всегда может сказать, что так уже было, это не ново, значит, это нормально. Пополняя дискурс своей личной историей, миф постоянно обогащается, узел его, первоисточник, определить трудно, но сюжет любого мифа архетипичен, корнями уходит в прошлое. Мы можем предположить, что современный человек движется, идёт по следам архетипичных сюжетов.

Миф несёт в себе коды, символы, составляющие коллективные представления, метафоры обобщённых эмпирических наблюдений.

Проведя аналогию с исследованиями В. Проппа, мы видим следующее – современный миф в своей структуре значительно упрощается, нежели волшебная сказка. Объясняется это прежде всего тем, что состояние современной культуры, несмотря на её разнообразие, представленное в дискурсе горожан, довольно упрощено, по сравнению их (дискурсов) с волшебной сказкой.

Разделяя сюжеты на смысловые части, можно увидеть, что с изменением названия героя, в зависимости от каждого конкретного мифа или истории, не меняется его функция. Мы можем предположить, что одни и те же действия предписываются различным персонажам. В таком случае действие, или функция, в дискурсе горожан становится схематичной.

В каждом случае миф, как мы отмечали, начинается с некоего *зачина*, это своего рода введение в историю, здесь будет обозначен герой мифа, тот, о ком пойдёт повествование, также в зачине будут указаны обстоятельства произошедшей истории. Часто и герой, и второстепенные лица носят названия-символы, соответствующие социальному статусу: муж, жена, начальник, подруга, тёща, любовник, любовница и т.д. Они, как правило, обезличены. Слушателю, как и рассказчику, не важно, кто эти люди в действительности. Важна ситуация узнавания. Миф, история всегда будет звучать в определённом случае.

Таким образом, мы можем представить схему, в которой реальные участники дискурса будут обозначаться так: рассказчик А, слушатель Б, герой рассказа – б, в виде формулы $A + B = б...$ Формула не закончена. Для её рассмотрения обра-

тимся к следующей структуре мифа – *последовательность событий/действий*.

В этом компоненте рассказа с героем истории происходят события, обстоятельства которых сходны с личной историей слушателя. К примеру, миф о злом начальнике будет проговорён именно тогда, когда участники дискурса будут сами находиться в сходных обстоятельствах, то есть у них у всех будет работодатель, начальник. Для определения формульного символа, означающего действия, введём знак – 1, 2, 3 и так далее. Таким образом, формула расширяется: рассказчик, слушатель, герой, его действия – $A + B = (б, 1, 2, 3...)$.

Мы уже говорили о том, что миф имеет объяснительную функцию, применяется как алгоритм действия в определённых ситуациях. Поэтому важной частью его становится следующий компонент – *назидание*, или *мораль*. Обозначим мораль знаком С. Формула мифа, таким образом, выглядит так: $A + B = (б, 1, 2, 3...) = C$, где слушатель Б, благодаря рассказчику А, отождествляет себя с героем б, пройдя гипотетические обстоятельства 1, 2, 3..., придёт к выводам и совершит некий итог С.

Однако прослеживаются и другие варианты структуры городского и прочего мифа – мы можем услышать историю, которая прозвучит без зачина, преамбулы, а также история может остаться без назидания, вывода, оставляя слушателю право на собственное суждение об услышанном.

Так, в энциклопедии А. Ф. Лосева «Мифы народов мира», где собраны мифы различных народов, часто можно увидеть миф без начала, введения в историю и без вывода. Соответственно, структу-

ра мифа может быть представлена и без этих элементов.

Перед нами стоит непростая задача: определить, что же из звучащего в дискурсе современных горожан мы можем назвать мифом, по каким признакам определить мифический сюжет. Можно предположить, что одним из признаков мифологизации будет появление в определённый момент рассказа устойчивых эпитетов, характеризующих героя и антагониста. Следующим признаком мифа можно считать особый поворот сюжета, отменяющий законы логики и ожидания слушателя, сюжет в мифе разворачивается благодаря некому «чуду» – учитель был незаслуженно строг, но впоследствии ученик достиг успеха в этом предмете и избрал его в качестве будущей профессии; или – «проблемный» ребёнок, когда вырос, стал очень успешным; «хорошая» девочка вдруг становится неуправляемой; или – несмотря на достоинства любовницы, неверный муж вернётся к жене; или – отдавая последние деньги на доброе дело, герой преумножает свои финансы (неразменный рубль); или – смертельно больной исцеляется благодаря вере и некоторым проделанным ритуалами т.д. Итак, признаками мифа можно считать наличие *устойчивых эпитетов* и особого «чудесного» (по А. Ф. Лосеву) поворота сюжета.

Неизменным в структуре мифа будет наличие героя и антагониста. По каким признакам, артикулируемым в мифе, мы можем обозначить героя? Прежде всего, это характеристики. Герой должен обладать типическими чертами, определяемыми словами-кодами. Мифы в дискурсивных практиках горожан чаще всего оперируют следующими установками:

жена истеричная, алчная; муж ленивый, часто пьющий, зависимый от игр в Сети; тёща вредная; любовник скуп, а любовница требует денег, любви и внимания; младшие дети – проказники, старшие – инфантильны, начальник – самодур и т.д. Конечно же, в действительности вариантов характеристик героя гораздо больше, но они в таком случае не будут типичными. Рассказ о счастливом супружестве не станет мифом, объясняющим слушателю его личную историю. Психология восприятия уверяет нас в том, что негативный опыт фиксируется человеком чаще, это позволяет ему (человеку) впоследствии избежать схожих проблем. В этом случае счастливый исход истории будет восприниматься как исключение из правил, а не само правило.

В качестве антагониста, противника героя, чаще всего выступает даже не некий субъект, а обстоятельства. Герой сталкивается с испытаниями (в роли которых могут выступать ценности, нормы, установки современного общества), например – в современном обществе чётко артикулируется ценность брака, но в дискурсе горожан миф о неверных супругах занимает не последнее место. Таким образом, противоборство ценностей и существующих обстоятельств мы можем назвать антагонистом.

Примечания

1. *Адоньева С. Б.* История Новогодней традиции // Мифология и повседневность : материалы научной конференции. Вып. 2. Санкт-Петербург, 1999.
2. *Богданов К. А.* Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности / [Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Отд. фольклора]. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2001. 438 с.
3. *Бушмаков А. В.* Представления о семье и браке провинциальных горожан в России конца XIX – начала XX в. // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2007. № 5. С. 34–46.
4. *Кормина Ж. В.* Из армейского блокнота (заметки о топике и риторике солдатского пись-

Следовательно, всякий частный случай будет превалирующим отражением общего, некой идеи. А идея эта может выступать в качестве *метода*, объединяющего каждый звучащий рассказ в единый миф.

Следующую функцию, выполняемую мифом, можно назвать *аллегорией*. Не называя конкретных имён, лиц, миф, как шаблон, можно приложить к любому человеку. Рассказ о первом учителе, школе, так или иначе, вызывает отклик у каждого из современных горожан. Все они этот опыт пережили. В данном случае аллегорией будет устойчивый образ.

Третье – миф как *символ*. Мы уже говорили, о том, что миф оперирует огромным количеством символов и кодов.

Упоминая символ, указывая код, мы запускаем механизм узнавания, сопереживания.

Конечно же, все эти функции тесно связаны между собой, их объединяет отождествление и синтез образа и идеи.

Опираясь на всё вышесказанное, можно сделать вывод о мифе как о самостоятельной реальности. Изменяясь в условиях современного города, миф остаётся эмоциональным, пластичным, неискоренимым. Его можно конструировать, изменять, описывать и анализировать, природа его от этого не меняется.

менного фольклора) // Дембельский альбом – русский Art-brut: между субкультурой и книгой художника : сборник материалов и каталог выставки. Санкт-Петербург, 2001.

5. Кормина Ж. В. О соотношении мифа и ритуала в свете народной веры [Электронный ресурс] // Anthropology.ru : [веб-сайт]. Электрон. дан. 7.01.2006. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kormina-zhv/o-sootnoshenii-mifa-i-rituala-v-svete-narodnoy-very>

6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа; Дополнение к «Диалектике мифа». Москва : Мысль, 2001. 559 с.

7. Пропт В. Я. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки / комментарий. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафаевой ; сост., науч. ред., текстол. комментарий. И. В. Пешкова. Москва : Лабиринт, 1998. 512 с.

8. Рязанова С. В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности : монография. Пермь, 2009. 326 с.

9. Щепанская Т. Б. О материнстве и власти // Мифология и повседневность : материалы научной конференции. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1998.

References

1. Adonyeva S. B. Istoriya Novogodney traditsii [The History of the New Year's Tradition]. *Mifologiya i povesdnevnost' . Materialy nauchnoy konferentsii. Vyp. 2 [Mythology and daily life. Materials of a scientific conference. Issue 2]*. St. Petersburg, 1999.

2. Bogdanov K. A. *Povesdnevnost' i mifologiya. Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti [Everyday life and mythology. Studies on the semiotics of folklore reality]*. St. Petersburg, Art Publishing House, 2001. 438 p.

3. Bushmakov A. V. Predstavleniya o sem'ye i brake provintsial'nykh gorozhan v Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [Representations about the family and marriage of provincial townspeople in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskusstva i kul'tury [Bulletin of the Perm State Institute of Art and Culture]*. 2007, no. 5, pp. 34–46.

4. Kormina Zh. V. Iz armeyskogo bloknota (zametki o topike i ritorike soldatskogo pis'mennogo fol'klora) [From an army notepad (notes on the topic and rhetoric of soldier written folklore)]. *Dembel'skiy al'bom – russkiy Art-brut: mezhdub subkul'turoy i knigoy khudozhnika : sbornik materialov i katalog vystavki [Demobee album – Russian Art-brut: between the subculture and the artist's book: a collection of materials and a catalog of the exhibition]*. St. Petersburg, 2001.

5. Kormina Zh. V. *O correlation of myth and ritual in the light of popular belief*. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/kormina-zhv/o-sootnoshenii-mifa-i-rituala-v-svete-narodnoy-very>

6. Losev A. F. *Dialektika mifa; Dopolneniye k "Dialektike mifa" [The dialectics of Myth; Supplement to the "Dialectics of Myth"]*. Moscow, Mysl Publishers, 2001. 559 p.

7. Propp V. Ya. *Morfologiya (volshebnoy) skazki. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki [Morphology (fairy tales). Historical roots of a fairy tale]*. Moscow, Labirint Press publishers, 1998. 512 p.

8. Ryzanova S. V. *Arkhaicheskiye mifologemy v politicheskom prostranstve sovremennosti [Archaic mythologems in the political space of our time]*. Perm, 2009. 326 p.

9. Shchepanskaya T. B. *O materinstve i vlasti [About motherhood and power]*. *Mifologiya i povesdnevnost' . Materialy nauchnoy konferentsii. Vyp. 1 [Mythology and daily life. Materials of a scientific conference. Issue 2]*. St. Petersburg, 1998.

*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ СИНТЕЗА ИСКУССТВ

УДК 7.01

Т. С. Хрущева

Московский государственный институт культуры

В статье рассматриваются культурологические подходы к феномену синтеза искусств в трудах отечественных учёных. Раскрывается сущность этого явления, история развития. На основе анализа различных трактовок феномена синтеза искусств автор определяет специфические черты этого явления, а именно – взаимодополнение, взаимообогащение искусств, формирование качественно нового образования в виде синтетического искусства в результате конфликта разных видов искусств. В свою очередь, это обусловлено процессом взаимодействия противоположных элементов как внутри конкретного вида искусств, так и между искусствами в целом. В статье акцентировано внимание на связи феномена синтеза искусств и целостного, панорамного способа восприятия человека. В этой связи анализируется роль синтеза искусств в формировании всесторонне развитой, гармоничной личности.

Ключевые слова: синтез искусств, взаимодействие, синкретизм, Серебряный век.

T. S. Khrushcheva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

CULTURAL APPROACHES TO THE PHENOMENON OF SYNTHESIS OF ARTS

The article discusses the culturological approaches to the phenomenon of synthesis of arts in the works of Russian scientists. Discloses the essence of this phenomenon, the history of development. The author identifies the specific features of this phenomenon based on the analysis of different interpretations of the phenomenon of synthesis of arts. These include the complementarity, mutual enrichment of the arts, the formation of a qualitatively new entity in the form of synthetic art, the conflict of different arts. In turn, this is due to the process of interaction of opposite elements inside a specific form of the arts and between the arts in general. The article focuses on connection of the phenomenon of synthesis of arts and a holistic, panoramic way of human perception. In this context, examines the role of synthesis of arts in the formation of comprehensively developed, harmonious personality.

Keywords: the synthesis of the arts, interaction, syncretism, the Silver age.

ХРУЩЕВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры истории, истории культуры социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

KHRUSHCHEVA TATIANA SERGEEVNA – doctoral student of the Department of History and Cultural History, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: thrusheva@list.ru

© Хрущева Т. С., 2017

Для цитирования: Хрущева Т. С. Культурологические подходы к феномену синтеза искусств // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 71–78.

Результат соединения различных видов искусств интересует человека многие века. Во-первых, это обусловлено его целостным мировосприятием. Во-вторых, синтез искусств обеспечивает панорамное видение культуры. Обратимся к его истокам и предпосылкам.

В переводе с греческого «синтез» – ‘соединение, сочетание’. Таким образом, под синтезом понимается объединение, воссоединение частей целого в едином органическом комплексе. Как известно, изначально искусство было синкретичным. Прежде всего, это объяснялось нерасчленённостью сознания первобытного человека. Искусство в большей степени подчинялось его практической деятельности. Однако в процессе разделения, усовершенствования и профессионализации труда происходит дифференциация искусства на отдельные его виды. По убеждению И. И. Иоффе, «само деление искусства на замкнутые обособленные области: литературу, живопись, музыку, скульптуру, архитектуру, с ревниво оберегаемой спецификой, – исторически сложившееся явление, а не свойство самих искусств [10, с. 19]». Следовательно, неизбежная утрата синкретичности первобытного искусства как способа целостного восприятия мира человеком повлекла за собой важные изменения. Безусловно, это имело как положительные, так и отрицательные последствия. К положительным относится усовершенствование отдельных сфер труда, к отрицательным – потеря целостности и синкретичности искусства, в частности. Как

утверждает Л. А. Рапацкая: «живопись, музыка, литература, театр, архитектура родились не сами по себе, а в процессе всё более полного и осознанного моделирования связей человека с окружающей средой, с углублением его представлений о Божественной природе мироздания и осознанием единых духовных законов бытия [15]». Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать вывод, что дифференциация искусств стала логичным и неизбежным следствием усложнения мировосприятия человека, его самоопределения.

Наиболее ярко идея синтеза искусств отстаивалась немецкими романтиками XIX века, особенно Р. Вагнером. Композитор был убеждён, что процесс дифференциации и профессионализации каждого искусства приведёт к его ограниченности и самоисчерпаемости. В связи с этим главный постулат идеи синтеза искусств выражен в его высказывании: «Я пришёл к убеждению, что каждое искусство стремится к бесконечному развитию в своей области, что такое стремление приводит нас, наконец, к пределу искусства, которого оно перейти не может под страхом сделаться непонятным, странным и нелепым; от этого убеждения я перешёл к другому, а именно, что всякое искусство, достигшее своих пределов, должно подать руку другому – сродному [3]».

Исходя из соображений композитора, следует, что развитие и совершенствование искусств возможно только в их синтезе. Синтез, в свою очередь, рассма-

тривается как способ взаимодополнения и взаимообогащения искусств. Концепция Р. Вагнера основана на единстве искусств в виде музыкальной драмы. Главными её составляющими являются танец, музыка и поэзия, которые во взаимодействии образуют «единое, неограниченное искусство [5, с. 167]». Следует отметить, что композитором проповедовалась идея единства не только искусств, но и человека и природы. Отсюда следует стремление к гармонии и целостности всех сфер жизни во всей её многогранности. Прежде всего, это обусловлено тесной связью искусства с жизнью, так как, по Вагнеру, произведение искусства является «непосредственным жизненным действием [5, с. 147]». Кроме того, с помощью искусства проявляется универсальность человека-творца: «человек-артист воплощает свою сущность, объединяя все свои творческие способности и все формы искусства. В творчестве он утверждает себя во всей полноте своего существа как целое [5, с. 147]». В свою очередь, творцом искусства будущего является не отдельный человек, а всё человечество. В подтверждение этой мысли приведём высказывание композитора: «Но кто же станет художником будущего? Поэт? Актёр? Музыкант? Скульптор? Скажем прямо: народ [5, с. 254]».

Исходя из вышесказанного, отметим, что концепция синтеза искусств Р. Вагнера ставила перед собой серьёзные задачи. Во-первых, это связь искусства с жизнью, затем соединение искусств в единое целое. Во-вторых, формирование универсальной и цельной личности. В этом видится взаимовлияние и взаимосвязь человека-творца и искусства. Однако высшая цель синтеза искусств Р. Вагнера за-

ключается в идее преобразования человека силой синкретического искусства.

Идея синтеза искусств Р. Вагнера имела значительное влияние на деятелей искусства Серебряного века, в частности на творческое объединение «Мир искусства» во главе с русским художником А. Н. Бенуа. Согласно И. А. Азизян, взаимодействие искусств было для них «тем органичным слиянием искусств, которое представлялось им высшей целью художественной культуры [1, с. 46]». Идея синтеза искусств подразумевала взаимодействие живописи, архитектуры, музыки, поэзии и пластики. Теоретик взаимодействия искусств А. Белый понимал этот феномен как взаимосвязь отдельных элементов форм искусства: «Каждая форма искусства не совершенно замкнута. Элементы, присущие всем формам, причудливо переплетены в каждой форме [цит. по: 1, с. 58]».

Не менее сильное влияние феномен синтеза искусств имел на поэтов-символистов Серебряного века. По убеждению русского поэта А. А. Блока: «так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга философия, религия, общечеловечность, даже политика. Вместе они и образуют единый мощный поток, который несёт на себе драгоценную ношу национальной культуры [4, с. 422]».

Проблема феномена синтеза искусств была объектом изучения русского богослова и учёного П. А. Флоренского. В главе «Храмовое действо как синтез искусств» его четырёхтомного труда отражена концепция синтеза искусств. По его убеждению, наиболее полно синтез проявляется в церковном искусстве – «храмовом действе». Церковное искус-

ство П. А. Флоренский представлял как «высший синтез разнородных художественных деятельностей [18, с. 379]». При этом «синтез храмового действия не ограничивается только сферой изобразительных искусств, но вовлекает в свой круг искусство вокальное и поэзию, – поэзию всех видов, сам являясь в плоскости эстетики – музыкальной драмой [18, с. 370]». Тем самым, соединяясь и сливаясь, искусства по отдельности образуют одно большое искусство, целью которого является единство формы и содержания. При этом искусства не могут существовать отдельно, «взятое порознь» [18, с. 370]. Соответственно, само искусство также предстаёт образцом синтеза, «жизненность которого зависит от степени объединенности впечатлений и способов их выражений [18, с. 374]». Согласно П. А. Флоренскому, органичность и целостность церковного искусства проявляется не только в синтезе искусств, но и в целостном способе восприятия человека.

Концепция феномена синтеза искусств раскрыта в труде Д. С. Лихачёва «Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей». По его утверждению, высочайшим образцом синтеза искусств является садово-парковое искусство. Он писал: «сад – это прежде всего своеобразная форма синтеза различных искусств, синтеза, теснейшим образом связанного с существующими великими стилями и развивающегося параллельно с развитием философии, литературы, эстетическими формами быта, с живописью, архитектурой, музыкой [13, с. 448–449]». Следуя убеждениям учёного, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, сад как форма синтеза является многогранным произведением не только искусства,

но и культуры в целом. Во-вторых, сад представляет собой образец ценности конкретной эпохи.

Иной взгляд на феномен синтеза искусств представлен в работе Д. В. Сарабьянова «Модерн. История стиля».

Согласно его концепции, синтез искусств легко поддаётся описанию, но не формулировке. В процессе размышлений учёный предлагает несколько трактовок этого феномена. Согласно первому определению, которое входит в «описание» этого явления, синтез искусств – «соединение произведений различных видов искусств в единое целое; возникновение в результате объединения некоего нового качества, которое сродни качествам слагаемых, но не перекрывается ими: выражение в синтетических произведениях сущности стиля [16, с. 223]». По утверждению Д. В. Сарабьянова, новое качество, которое образуется в результате этого соединения, возникает в условиях столкновения, конфликта. Согласно второй трактовке, синтез искусств – «способ увековечивания идей и представлений человеческого общества в единстве духовного и материального созидания [16, с. 223]».

Отсюда следует более широкое понимание явления синтеза, а именно – как соединения идеального и материального. Интересным является термин «взаимозаменяемость» разных видов художественного творчества. Она проявляется в приспособливании одного вида искусства к другому, в их взаимопроникновении. Таким образом, в результате этого и образуется синтез.

Тема феномена синтеза искусств была затронута в работе «Морфология искусства» М. С. Кагана. По утверж-

дению учёного, под синтезом искусств следует понимать способность искусств к «гибридизации», то есть не к простому механическому их сопоставлению и даже не к ансамблевой их связи, а именно к «химической реакции» органического взаимопроникновения, которое только и может породить новый синтетический вид художественного творчества [12, с. 239]». В результате взаимопроникновения искусств образуется новое синтетическое искусство, которое выполняет важную функцию. Прежде всего, это полное и многогранное отражение жизни средствами искусств, слитых воедино.

Проблема феномена синтеза искусств отражена в труде И. И. Иоффе *Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления* [10].

По утверждению учёного, синтез образуется в результате конфликта временных и пространственных искусств. Прежде всего, это объясняется тем, что «пространственные искусства стояли эмпирически неизменными, а временные – требовали исполнения и протекали относительно неподвижных пространственных [10, с. 413]». Согласно И. И. Иоффе, историческим носителем единства временных и пространственных искусств является театр. Следовательно, театр – новое качество, которое образуется в результате конфликта противоположных по своей природе искусств. По его утверждению, «идея синтеза, единства искусства заложена в сюжете [11, с. 408]». Каждое искусство, по убеждению учёного, самобытно и «не повторяет другого, но все искусства в одном способе мышления, относятся к одному сюжету, взаимно поддерживают и дополняют

друг друга [11, с. 373]». Таким образом, в процессе соединения и взаимодействия искусств, а также отдельных их видов образуется совершенно новое искусство или его вид. Соответственно, синтез искусств подчиняется, во-первых, способу мышления, во-вторых, сюжету. В центре синтезирующего принципа находится человек-творец.

По убеждению В. В. Ванслова, в основе взаимодействия искусств лежит «общность эстетического освоения мира общественным человеком, единство решаемых всеми искусствами исторических задач [6, с. 4]». Кроме того, процесс синтеза, взаимодействия и взаимовлияния искусств обеспечивает панорамное видение культуры в целом. По В. В. Ванслову, синтез искусств возможен только исходя из специфики каждого искусства. К примеру, рассматривая взаимовлияние музыки и живописи, он отмечает, что здесь «прежде всего возникает вопрос о преодолении противоречия между специфическими особенностями данных искусств, без чего не может быть их сближения и взаимопроникновения [6, с. 63]».

Во многом подобные суждения находим в работе А. И. Мазаева «Проблема синтеза искусств в эстетике русского символизма». По его утверждению, «конфликт, противоречия и преодоление – всеобщая закономерность синтеза искусств, где бы и как бы он ни проявлялся [14, с. 7]». Согласно А. И. Мазаеву, собственно под синтезом искусств следует понимать «совершенно новое – по сравнению с синкретизмом – единство, восстанавливаемое из полностью определенных различий между отдельными видами художественного творчества [14, с. 6]».

Синтез противоположных, специфических особенностей искусства учёный определяет как «новую художественно-синтетическую реальность» [14, с. 7].

Сущность синтетического искусства как единства противоречий отмечена и в работах Б. М. Галеева. Он определяет возникновение нового синтетического искусства как «результат самодвижения, возникающего во взаимодействии двух противоположных, казалось бы исключаящих друг друга тенденций – стремления вернуться (“по кругу”) к комплексному воздействию искусства (комплексному

отображению действительности, комплексному восприятию) и продолжения поступательного движения вперёд [7, с. 65]».

Таким образом, как можно заключить из проанализированных источников, особенностью феномена синтеза искусств является взаимодействие противоположных компонентов как внутри каждого отдельного вида искусства, так и между искусствами. Результатом такого соединения и взаимодействия является качественно новое образование в виде синтетического искусства.

Примечания

1. *Азизян И. А.* Диалог искусств Серебряного века = Art's Dialog of Silver Century / Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства. Москва : Прогресс-Традиция, 2001. 398 с.
2. *Аронов А. А.* Культурный ренессанс в России на рубеже XIX–XX веков: что возродилось? // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 6 (74). С. 10–15.
3. *Афанасьев В. В.* Светозвуковой музыкальный строй: Элементарная теория аудиовизуальных стимулов. Москва : Музыка, 2002. 70 с.
4. *Блок А.* Собрание сочинений : в 6 томах. Том 4 : Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921. Ленинград : Художественная литература, 1982. 462 с.
5. *Вагнер Р.* Избранные работы : пер. с нем. / сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова. Москва : Искусство, 1978. 695 с.
6. *Ванслов В. В.* Изобразительное искусство и музыка : Очерки. Ленинград : Художник РСФСР, 1977. 296 с.
7. *Галеев Б. М.* Светомузыка : становление и сущность нового искусства / Казанский авиационный институт им. А. Н. Туполева. Казань : Татарское книжное издательство, 1976. 272 с.
8. *Есаков В. А., Логвинова И. В.* Синтетическая природа образов комедии Л. Тика «Принц Цербино» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 6 (74). С. 87–90.
9. *Зорилова Л. С.* О философском мировоззрении А. Н. Скрябина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 6 (74). С. 80–86.
10. *Иоффе И. И.* Избранное. Часть 1. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. Москва : Говорящая книга, 2010. 655 с.
11. *Иоффе И. И.* Избранное: 1920–30-е гг. / сост. М. С. Каган, И. П. Смирнов, Н. Я. Григорьева. Санкт-Петербург : Петрополис, 2006. 518 с.
12. *Каган М. С.* Морфология искусства. Ч. 1–3 : Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Ленинград : Искусство. Ленингр. отд-ние, 1972. 440 с.
13. *Лихачёв Д. С.* Поэзия садов : К семантике садово-парковых стилей : Сад как текст. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Согласие, 1998. 469 с.

14. Мазаев А. И. Проблема синтеза искусств в эстетике русского символизма / Российская академия наук, Российский институт искусствознания. Москва : Наука, 1992. 326 с.
15. Рапацкая Л. А. Взаимосвязь искусств как проблема педагогического музыкознания // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 5. С. 113–120.
16. Сарабьянов Д. В. Модерн. История стиля. Москва : Галарт, 2001. 343 с.
17. Флиер А. Я. Культурная политика и стратегии культурных взаимодействий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 10–18.
18. Флоренский П. А. Сочинения : в 4 томах. Том 2. Москва : Мысль, 1996. 877 с.
19. Шибаева М. М. Понимание инациональной культуры как фактор развития диалогических отношений // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 53–56.

References

1. Azizyan I. A. Art's Dialog of Silver Century. Moscow, Publishing house "Progress-Tradition", 2001. 398 p. (In Russian)
2. Aronov A. A. Cultural Renaissance in Russia at the turn of XIX–XX centuries: what was reborn? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 6 (74), pp. 10–15. (In Russian).
3. Afanasyev V. V. *Svetozvukovoi muzykal'nyi stroi: Elementarnaia teoriya audiovizual'nykh stimulov [The light-sound musical structure: the Elementary theory of audio-visual stimulus]*. Moscow, Publishing house "Music", 2002. 70 p.
4. Blok A. *Sobraniye sochineniy, v 6 tomakh. Tom 4: Ocherki. Stat'i. Rechi. 1905–1921 [Collected Works, in 6 volumes. Volume 4: Essays. Articles. Speeches. 1905–1921]*. Leningrad, 1982. 462 p.
5. Vagner R. [Wagner Richard] *Izbrannye raboty [Selection works]*. Moscow, Art Publishing House, 1978. 695 p.
6. Vanslov V. V. *Izobrazitel'noye iskusstvo i muzyka. Ocherki [Fine Arts and Music. Essays]*. Leningrad, 1977. 296 p.
7. Galeev B. M. *Svetomuzyka: stanovlenie i sushchnost' novogo iskusstva [The light music: the formation and the essence of the new art]*. Kazan, Tatar Book Publishers, 1976. 272 p.
8. Esakov V. A., Logvinova I. V. Synthetic nature of the characters in the L. Tieck's comedy "Prinz Zerbino". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 6 (74), pp. 87–90. (In Russian).
9. Zorilova L. S. About philosophical outlook of A. N. Scriabin. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 6 (74), pp. 80–86. (In Russian).
10. Ioffe I. I. *Izbrannoye. Chast' 1. Sinteticheskaya istoriya iskusstv. Vvedeniye v istoriyu khudozhestvennogo mysbleniya [Favorites. Part 1. Synthetic art history. Introduction to the history of artistic thinking]*. Moscow, 2010. 655 p.
11. Ioffe I. I. *Izbrannoe: 1920–30-e gg. [Favourites: 1920-30th]*. St. Petersburg, Petropolis Publishing House, 2006. 518 p.
12. Kagan M. S. *Morfologiya iskusstva. Chasti 1–3 : Istoriko-teoreticheskoye issledovaniye vnutrennego stroyeniya mira iskusstv [Morphology of art. Parts 1–3: Historical and theoretical study of the internal structure of the world of arts]*. Leningrad, Art Publishing House, 1972. 440 p.
13. Likhachev D. S. *Poeziya sadov: K semantike sadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst [The poetry of the gardens: semantics in the garden styles. Garden as text]*. 3rd edition. Moscow, Publishing House "Soglasie", 1998. 469 p.

14. Mazaev A. I. *Problema sinteza iskusstv v estetike russkogo simbolizma [The problem of synthesis of arts in the aesthetics of Russian symbolism]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1992. 326 p.
15. Rapatskaya L. A. Relationship Between Art Forms as a Problem of Pedagogical Musicology. *Otechestvennaya i Zarubezhnaya Pedagogika*. 2014, no 5, pp. 113–120.
16. Sarabyanov D. V. *Modern. Istoriya stilya [Modern. The history of the style]*. Moscow, Galart Publishing Company, 2001. 343 p.
17. Flier A. Ya. Cultural policy and cultural interactions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 5 (73), pp. 10–18. (In Russian).
18. Florensky P. A. *Sochineniya, v 4 tomakh. Tom 2 [Works, in 4 volumes. Volume 2]*. Moscow, Mysl Publishers, 1996. 877 p.
19. Shibaeva M. M. Understanding a foreign culture as a factor of development of dialogical relations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 5 (73), pp. 53–56. (In Russian).

*

Х УДОЖЕСТВЕННОСТЬ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ФОТОГРАФИИ. ОТНОШЕНИЯ ФОТОГРАФИИ И ЖИВОПИСИ

УДК 7.038.53:77

А. А. Ермолова

Московский государственный институт культуры

В контексте визуального поворота, характеризующегося сменой вектора коммуникации, всё более возрастает роль фотографии. Обращаясь к истории становления фотографии как художественной практики, стоит обратить внимание на отношения с её ближайшим контекстом, а именно – живописью. Живопись для фотографии явилась ориентиром в развитии художественно-эстетического языка. Подобная близость двух искусств связана с тем, что, являясь визуальным изобразительным искусством, фотография занята решением сходных с живописью проблем: передачей пространства и объёма на плоскости, построением гармоничной композиции и поисками светотонального решения. В художественной фотографии можно проследить несколько направлений, каждое из которых обращается к той или иной живописной традиции.

Ключевые слова: визуальный поворот, эстетический опыт, художественная фотография, пикториальная фотография.

A. A. Ermolova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE ARTISTRY AS PROBLEM MARGIN OF PHOTOGRAPHY. RELATIONSHIP OF PHOTOGRAPHY AND PAINTING

In the context of the visual turn, characterized by a change in the vector of communication, the role of photography is increasingly increasing. Turning to the history of the formation of photography as an artistic practice, it is worth paying attention to the relationship with its immediate context, namely painting. Painting for photography was a guide to the artistic and aesthetic language. This similarity of the two arts is due to the fact that, as a visual art, the picture is occupied with the solution of problems similar to the painting: the transfer of space and volume on the plane, the construction of a harmonious composition and the search for a light-tonal solution. In this case, within the artistic direction of photography, you can trace several of its forms, in each of which there is a connection with the picturesque tradition.

ЕРМОЛОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка кафедры теории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

ERMOLOVA ANNA ALEKSANDROVNA – doctoral student of Department of the theory of culture, ethics and aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: ermolova_anna@bk.ru

© Ермолова А. А., 2017

Keywords: visual turn, aesthetic experience, art photography, pictorial photography.

Для цитирования: Ермолова А. А. Художественность как проблемное поле фотографии. Отношения фотографии и живописи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 79–85.

В современном мире визуальная информация становится формообразующим принципом культуры. Визуальные образы формируют взгляды, принципы, влияют на мировосприятие людей, конструируют пространство культуры. Среди различных форм медийных искусств фотография занимает центральное положение, что определяет возрастающий к ней интерес. Целью данной публикации является выявление специфики художественной фотографии в контексте её взаимоотношений с европейской живописью. В определении границ художественной фотографии мы основываемся на позиции В. В. Бычкова, в соответствии с которой «художественность искусства, понимаемая как эстетическое качество произведения искусства, заключается в такой формально-содержательной организации произведения, которая инициирует у реципиента полноценный процесс эстетического восприятия, или, по-иному, событие эстетического опыта [4]».

XIX век, пропитанный духом позитивизма, индустриализации, подарил человечеству большое количество технических изобретений, среди которых была и фотография. Находясь на стыке науки и искусства, она смогла изменить отношение к изображению и всему визуальному контексту в целом. Взаимоотношения между фотографией и традиционными визуальными искусствами не были простыми. Появление фотографии многие художники восприняли как угрозу устоявшимся художественным ценностям.

Критика фотографии, претендовавшей на место в мире искусств, была жёсткой и категоричной, художники отводили новому изобретению место «служанки науки и искусств», оценивая лишь его прикладные технические возможности, такие как создание репродукций или возможность лучше изучить природу. Мастера фотографии же рассматривали живопись как сосредоточение визуальной художественной традиции и никогда не подвергали сомнению её ценность. Живопись для фотографии явилась ориентиром в формировании художественно-эстетического языка.

Можно говорить о взаимовлиянии живописи и фотографии. Художники, проводя эксперименты со светом, предвосхитили появление искусства фотографии. Работа с камерой-обскурой, которую вели художники, начиная с эпохи Возрождения, уже явилась шагом на пути к появлению фотографии. Изучение природы, использование светотени, единого источника света, линейной перспективы – всё это подводит к «фотографическому» восприятию действительности художниками, которое ярче всего проявилось в реалистическом искусстве. В диссертационном исследовании И. В. Клоповой фотография рассмотрена как «явление, которое изменило видение художника и расширило возможности его восприятия [11, с. 3]». Она сформулировала понятие «фотографического мышления как особого способа мышления живописца, основанного на специфической

природе фотографии и влияющего на ход развития живописи [11, с. 3]». Взяв на себя функцию работы с реальностью, фотография способствовала тем самым развитию живописи в поисках ею нового изобразительного языка и отношения с натурой, освободила живопись от копирования действительности, предоставив ей возможность обретения новых выразительных средств.

Конец XIX – начало XX века – время активного взаимодействия фотографии и живописи. Взаимовлияние двух искусств прослеживается в работах русских передвижников, стремившихся реалистично передать натуру, быт крестьян, жанровые сцены, в работах английских прерафаэлитов, уделявших повышенное внимание деталям, в работах французских импрессионистов, мечтавших поймать мгновение, запечатлеть мимолётное впечатление. «Век расцвета русской живописи совпал со становлением фотографии [6, с. 7]». Сохранилось немало свидетельств обращения художников к фотографии при написании картин. Среди них – ныне опубликованные фотографии Э. Дега, А. Мухи, П. Гогена, А. Тулуз-Лотрека и других известных художников, которые пользовались фотографиями при написании картин.

Возникновение художественной фотографии в конце XIX века было связано с появлением пикториализма – направления, которое противопоставило себя основному коммерческому направлению, интересам рынка и обратилось к классической живописной эстетике при работе с изображением. Пикториализм резко противопоставлял себя прикладной фотографии, взяв ориентир на создание художественного образа. Не *отображение*,

но *выражение* – вот ключевой пункт для понимания пикториализма [13, с. 311]. Затормозив на пару десятилетий стремительное техническое развитие фотографии и сосредоточив внимание на её художественном потенциале, пикториализм создал точку отсчёта для развития всего фотоискусства. Пикториализм увёл фотографию от утилитарного пути развития, сосредоточив её взгляд на самой себе: как на источнике красоты, эстетического опыта, художественного осмысления действительности. Как отметил известный советский историк фотографии С. Морозов, говоря о творчестве пикториалистов: «Мастера светописси начала века показали, что и в фотографии объект изображения становится содержанием искусства, если он “пропущен” через сознание мастера и идейно осмысливается [12, с. 160]».

Фотография, таким образом, оказалась перед необходимостью решения тех же проблем, что стояли перед живописью: передача пространства и объёма на плоскости, построение гармоничной композиции, поиск светотонального решения. Основным признаком, который отличает художественную фотографию от утилитарной и роднит её с живописью и другими традиционными искусствами, является её отношение к форме. Как отмечал Р. Арнхейм, «только благодаря форме изображение становится доступным разуму [2, с. 258]». Для художественной фотографии выразительная передача формы изображаемого объекта является важнейшей составляющей, которая помогает передать содержание, но не зависит от него. Образная передача объекта на фотографии выходит на первый план. Выбор контекста напрямую влияет

на языковую специфику изображения, помогая фотохудожнику выразить его собственное отношение к изображаемой действительности и её интерпретации. Именно разным подходом к организации формы можно объяснить то, что, когда несколько фотографов работают над одной и той же темой (одним и тем же содержанием), они неизменно получают разный результат, поскольку, обладая уникальным опытом и восприятием, по-разному «видят» фотографируемый объект.

Полагаем, что в художественной фотографии можно выделить *несколько направлений*, в каждом из которых существует связь с тем или иным течением в живописи.

1. Классическая художественная фотография, взявшая за основу устоявшиеся в живописи композиционные приёмы, особенности работы с цветом и тоном, принципы расположения фигуры в пространстве с сохранением правильной передачи пропорций лица и тела. Принцип преемственности от учителя к ученику, характерный для классической школы и основанный не только на соблюдении основных правил передачи пространства и объекта в нём, но и на их развитии, способствовал глубокому осознанию всего предшествующего опыта. Интуитивное схватывание целого лежит в основе профессионализма художника, который вобрал в себя опыт предыдущих поколений. Фотограф, ставящий перед собой цель научиться передавать объект на плоскости, воспринимает основные принципы и правила, сформировавшиеся на протяжении веков в классической живописной традиции. В духе классического художественного портрета и пейзажа ра-

ботали многие отечественные фотографы XIX – начала XX века: С. Левицкий, А. Деньер, А. Карелин, Н. Андреев, С. Лобовиков и т.д. Среди современных фотографов традицию, хотя и немного в разных направлениях, продолжают Г. Колосов, В. Плотников. В качестве примера можно также привести стилизации современного австралийского фотографа Кевина Беста, который в своём творчестве продолжает тему голландского натюрморта в стиле *vanitas*, работы французского фотографа Саши Гольдбергер, выполненные в духе фламандского портрета.

2. Ситуационные (жанровые) фотографии, часто демонстрирующие бытовые сцены, в лучшем своём исполнении всегда стремятся к обобщению и художественному осмыслению изображаемого явления. В этом отношении подобные фотографии тесно взаимодействуют с реализмом в живописи, который, в свою очередь, характеризуется стремлением к объективности, с сохранением авторской позиции, а также к воспроизведению типичных особенностей конкретной эпохи. Жанровая фотография также характеризуется сохранением классических правил композиции при передаче объектов и общей организации кадрового пространства при отсутствии стремления к идеализации объекта съёмки. «Правда жизни» и психологизм ситуации, а также ценность пойманного фотографом момента становятся основными критериями при оценке фотоработы. Так, фотографии из серии «Цветение» Ромуальдаса Ракаускаса наполнены философскими размышлениями о юности, старости, цикличности жизни. Цветение здесь выступает мощным символом и, переплетаясь с изображениями людей и животных, кон-

струирует художественный образ. Документальная основа таких фотоснимков – всего лишь материал, из которого автор создаёт цельную картину своего понимания действительности.

3. *«Авангардная» фотография*, которая тесно взаимодействует с конструктивизмом, сюрреализмом, минимализмом и другими направлениями. При этом, обращаясь, например, к эстетике сюрреализма, фотограф может обойтись «чистой» фотографией, не применяя графический редактор. Сама реальность иногда предоставляет нам сюрреалистичные картинки. Так, современный испанский фотограф Чема Мадоз показывает зрителю знакомые вещи с непривычной стороны. Используя ассоциативность форм, автор создаёт лаконичные, парадоксальные, иногда абсурдные и не лишённые юмора фотографии. Фотографы также иногда опираются при создании работ на абстрактное искусство. Применение в творчестве принципов данного художественного направления характеризует стремление фотографа делать изображения, отличные от тех, что основаны на регистрации реальности, чистой «фотографичности». Применяя различные оптические насадки или приборы, которые искажают изображение, фотограф может добиться абстрактной картинки.

Диалог с изобразительным искусством, который начал вести пикториальная фотография, продолжился и в последующих за ним авангардных фотографических течениях и в более современных направлениях. Можно сказать, что весь XX век художественная фотография и живопись шли в одном направлении, активно взаимодействуя и дополняя друг друга. Главное отличие двух искусств

состоит в том, что фотография работает исключительно с теми объектами и явлениями, которые предоставляет ей реальность. Реальность становится для фотографа и источником эстетического опыта, и тем «веществом», из которого автор конструирует новые образы и смыслы. Изображая объекты действительности напрямую с натуры, сложнее добиться обобщённого изображения. Именно этот поиск обобщённости во многом объясняет обращение фотографов к живописной эстетике и возникновение такого течения, как пикториализм.

Уход современного искусства от классического понимания художественности и «утрата вкуса к метафизике» [3, с. 16] проявляются в разных видах искусства, в том числе и в фотографии. Возрождение феномена пикториализма в фотографии в конце XX века свидетельствует о поиске новых художественно-эстетических форм репрезентации реальности и о стремлении к образному осмыслению действительности. Фотография, как техническое искусство нового времени, возникшее сравнительно недавно, нуждается в обращении к классическому художественному наследию. Процесс трансформации визуальных искусств и появление новых его форм можно рассматривать как цепь последовательно возникающих новых практик, которые не заменяют собой предыдущие, но становятся их гармоничным продолжением. В этом контексте фотография и живопись не являются соперниками и не подчиняются друг другу, а представляют собой два самостоятельных вида искусства, имеющих схожее изобразительное пространство, что продиктовано их общей визуальной основой.

Примечания

1. Акельева А. С. Дихотомия формы и содержания в фотографии // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 3 (4). С. 36–37.
2. Арнхейм Р. О природе фотографии // Психология художественного творчества : хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. Москва : Харвест, 2003. С. 254–282.
3. Бычков В. В. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 784 с.
4. Бычков В. В. Художественность как сущностный принцип искусства // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 3–13.
5. Воеводина Л. Н. Философия культуры в эпоху постсовременности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 29–35.
6. Горленко Н. М. Живопись и фотография в России во второй половине XIX – начале XX века : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата искусствоведения : 17.00.04 / Горленко Наталья Михайловна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва, 2010. 22 с.
7. Гаврилина Л. М. Эстетический поворот конца XX века и проблема самоопределения эстетики: рецепция кантовских идей // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2015. № 2 (17). С. 78–86.
8. Дубова О. Б. Становление академической школы в западно-европейской культуре / Российская академия художеств, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств. Москва, 2009. 238 с.
9. Руйе А. Фотография. Между документом и современным искусством / переводчик: М. Михайлова. Санкт-Петербург : Клаудберри, 2014. 712 с.
10. Колосов Г. Искусство изображать // Советское фото. 1990. № 4. С. 25.
11. Клопова И. В. Фотографическое мышление как эстетическая проблема живописи : диссертация на соиск. учён. кандидата философских наук : 09.00.04. / Клопова Ирина Владимировна : Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2001. 146 с.
12. Морозов С. Творческая фотография : [фотоальбом]. 3-е изд. Москва : Планета, 1989. 414 с.
13. Новая история фотографии / [Стюарт Александер и др.] ; под ред. Мишеля Фризо ; [пер. с фр. В. Е. Лапицкий и др.]. Санкт-Петербург : Machina, 2008. 336с.

References

1. Akelyeva A. S. Dikhotomiya formy i sodержaniya v fotografii [The dichotomy of form and content in photography]. *Vserossiiskii zhurnal nauchnykh publikatsii* [All-Russian Journal of Scientific Publications]. 2011, no. 3 (4), pp. 36–37.
2. Arnkheim R. O prirode fotografii [About nature of photography]. In: Selchenok K. V., ed. *Psikhologiya khudozhestvennogo tvorchestva* [Psychology of artistic creation]. Moscow, Publishing house “Harvest”, 2003. Pp. 254–282.
3. Bychkov V. V. *Ebстетicheskaya aura bytiya. Sovremennaya estetika kak nauka i filosofiya iskusstva* [The aesthetic aura of being. Modern aesthetics as science and philosophy of art]. Moscow, Publishing house “Center for Humanitarian Initiatives”, 2016. 784 p.
4. Bychkov V. V. Artisticity as an Essential Principle of Art. *Voprosy Filosofii* [Problems of philosophy]. 2015, no. 3, pp. 3–13. (In Russian)
5. Voevodina L. N. Philosophy of culture in post-modernity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2014, no. 3 (59), pp. 29–35. (In Russian)

6. Gorlenko N. M. *Zhivopis' i fotografiya v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka. Avtoreferat diss. kand. iskusstv. [Painting and photography in Russia in the second half of the XIX – early XX century. Synopsis Cand. history of arts sci. diss.]*. Moscow, 2010. 22 p.
7. Gavrilina L. M. Esteticheskiy povорот kontsa XX veka i problema samoopredeleniya estetiki: retseptsiya kantovskikh idey [Aesthetic twist of the late twentieth century and the problem of self-determination of aesthetics: the reception of Kantian ideas]. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2015, no. 2 (17), pp. 78–86.
8. Dubova O. B. *Stanovlenie akademicheskoi shkoly v zapadno-evropeiskoi kul'ture [The formation of an academic school in Western European culture]*. Moscow, 2009. 238 p.
9. Rouill A. *La Photographie, Entre Document et Art Contemporain* (In Rus. ed.: Ruie A. *Fotografiya. Mezhdokumentom i sovremennym iskusstvom [The photography. Between document and contemporary art]*). St. Petersburg, Klaudberri Publishing House, 2014. 712 p.
10. Kolosov G. *Iskusstvo izobrazhat' [The art portray]*. *Sovetskoe foto [Soviet photography]*. 1990, no. 4, p. 25.
11. Klopova I. V. *Fotograficheskoye mysbleniye kak esteticheskaya problema zhivopisi. Diss. kand. filos. nauk [Photographic thinking as an aesthetic problem of painting. Cand. philos. sci. diss.]*. Moscow, 2001. 146 p.
12. Morozov S. *Tvorcheskaya fotografiya. Fotoal'bom [Creative photography. Photo album]*. 3rd edition. Moscow, Publishing house "Planeta", 1989. 414 p.
13. Frizot Michel (ed.) *Nouvelle histoire de la photographie* (In Rus. ed.: Frizo M., ed. *Novaya istoriya fotografii [A new history of photography]*). St. Petersburg, Machina Publishing House, 2008. 336 p.)

*

ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

УДК 008(091)

О. А. Фугина

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена первому периоду появления русских подданных на территории Северной Америки (40-е годы XVIII века – 60-е годы XIX века), который рассмотрен через призму генезиса русско-американских культурных связей: открытие земель североамериканского континента, образование первых поселений, с последующим освоением территорий, налаживание дружественных отношений с туземцами, вклад в их образование и окультуривание быта. Исследование показало, что вековое русское господство на территориях Аляски, Алеутских островов, Калифорнии оказало значительное влияние как на культуру коренных американцев (итогом которого стала аккультурация), так и на собственную культуру США (сохранившееся русское наследие на сегодняшний день является неотъемлемой исторической частью страны). Автор заключает, что именно данные обстоятельства послужили прочной основой в установлении русско-американских культурных связей.

Ключевые слова: русско-американские культурные связи, русские поселения в Северной Америке, культура и история Русской Америки, Форт-Росс, культура коренных американцев, русское наследие в США.

O. A. Fugina

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN NORTH AMERICA: THE EMERGENCE OF RUSSIAN-AMERICAN CULTURAL RELATIONS

This article is devoted to the first period of the appearance of Russian subjects in North America (from 1840s to 1960s), which was considered through the prism of the genesis of Russian-American cultural relations: the discovery of the North American continent, the formation of the first settlements, exploration of territories, establishment of friendly relations with the indigenes, contribution to their education and acculturation of life. The study showed that the centuries-old Russian domination in the territories of Alaska, the Aleutian Islands, California, had a significant impact on both the culture of Native Americans (acculturation, as result) and the USA own culture (the preserved Russian heritage today is an inalienable historical part of the country). The author con-

ФУГИНА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка кафедры истории, истории культуры социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

FUGINA OLGA ALEKSANDROVNA – doctoral student of the Department of History and Cultural History, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: temple_dance@mail.ru

© Фугина О. А., 2017

cludes: it was these circumstances that served as a solid foundation in the establishment of Russian-American cultural relations.

Keywords: Russian-American cultural relations, Russian settlements in North America, Culture and history of Russian America, Fort Ross, Native American culture, Russian heritage in USA.

Для цитирования: Фугина О. А. Освоение русскими Северной Америки: возникновение русско-американских культурных связей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 86–95.

Отдавая должное европейским первопроходцам и основателям Америки, невозможно не отметить тот вклад, который внесли в её культурное и промышленное развитие выходцы из России. Периоды пребывания русских людей в Америке можно условно разделить на два этапа. Представители первого этапа – мореплаватели, охотники и промышленники – появились на североамериканском континенте в XVIII веке. Второй этап стал результатом революционных процессов России начала XX века. В этот период в Америку прибывает в основном творческая и научная русская интеллигенция. Целью данного исследования является рассмотрение первого периода появления русских подданных на территории Северной Америки и оценка их роли в освоении земель североамериканского побережья, последующего влияния на становление американской культуры в контексте установления русско-американских культурных связей.

Несмотря на то, что официально история русских на американском континенте рассматривается со Второй Камчатской экспедиции (или Великой Северной экспедиции, 1733–1743), предпосылкой к ней служит изданная в 1724 году Петром I инструкция «Об открытии соединения Азии с Америкой» [7, с. 413], согласно которой надлежало исследовать северо-западное американское по-

бережье, обнаружить ещё «неоткрытые» земли, нанести их на карту и освоить их. Таким образом, в 1725 году была организована Первая Камчатская экспедиция (1725–1730), которую возглавил офицер русского флота, капитан-командор В. И. Беринг (1681–1741). В ходе этой экспедиции материк не был достигнут, но удалось подтвердить наличие пролива между азиатским и североамериканским побережьем, который был обнаружен С. И. Дежневым (1605–1673) ещё в 1648 году во время Чукотской экспедиции. Далее последовала историческая Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743), которую возглавили В. И. Беринг (бот «Св. Петр») и А. И. Чириков (бот «Св. Павел»). В результате этой экспедиции удалось дойти до берегов Аляски и открыть многие из Алеутских островов. Н. Н. Болховитинов, историк, исследователь русско-американских отношений, отмечал о значении экспедиции Беринга и Чирикова следующее: «... какие бы иностранные суда ни появлялись в дальнейшем между Камчаткой и Америкой, это пространство рассматривалось как находящееся под русским влиянием [2, с. 22]».

Вторая Камчатская экспедиция Беринга – Чирикова послужила поводом регулярных исследовательских плаваний русских мореходов в эти края. За период с 1743 года по 1780 год было организовано 70 экспедиций [6, с. 19], благодаря

которым удалось открыть ещё ряд земель северо-западной части Америки (М. В. Неводчиков открыл некоторые из Алеутских островов: Атту, Агатту, Семичи (1745–1747); С. Г. Глотов и С. Т. Пономарев открыли острова, впоследствии названные Лисьи (1759–1762); А. Толстых – группу островов, обозначенных как Андреяновские (1761) и другие).

Результатом многочисленных экспедиций стала карта открытий в Тихом океане (1792), составленная русским адмиралом Г. А. Сарычевым, которой впоследствии иностранные мореплаватели давали высокую оценку за её точность.

Наряду с открытием земель, выявилось их богатство пушным зверем, что повлекло за собой торгово-промышленные плавания русских купцов и зверо-промышленников, а также создание компаний пушного промысла, одной из которых была Северо-восточная компания, образованная купцами Г. И. Шелиховым (1747–1795) и И. Голиковым в 1781 году.

Г. Шелихов – «Колумб российский» (как его назвал поэт Г. Р. Державин) – сыграл особую роль в освоении, укреплении и расширении русских владений на североамериканском континенте. Он является основателем первых русских поселений на островах Кадьяк (гавань Трёх Святителей) и Афогнак, п-ове Кенай.

Шелихову принадлежит идея об учреждении на о. Кадьяк православной церкви, куда были посланы (по его прошению) указом императрицы Екатерины II архимандрит Иоасаф (в миру Иоанн Ильич Болотов) и семь монахов (иеромонахи Афанасий, Макарий – в миру Матвей Александров, Ювеналий – в миру Яков Говорухин, иеродиаконы Стефан и Нектарий – в миру Фёдор Панов, монахи

Герман и Иоасаф). Они прибыли на Кадьяк в 1794 году «... для проповеди слова Божия в Америке и просвещения тамошних народов в вере христианской... [2, с. 187]». Появление на острове духовной миссии Валаамского монастыря положило начало Американской Православной епархии.

Вклад русского духовенства в освоение новых территорий, налаживание мирных отношений с местными жителями посредством миссионерско-просветительской деятельности поистине огромен. За первый год пребывания на о. Кадьяк им удалось обернуть в лоно православной веры около 10 тысяч алеутов, а к 1817 году число крещённых достигло 27 тысяч. К 1800 году на Аляске из восьми прибывших остался только преподобный Герман (вероятное мирское имя Е. И. Попов; 1751 (или 1756/1757) – 1836), он и возглавил Кадьякскую духовную миссию Русской православной церкви. В письме к правителю русских поселений преподобный Герман так описывал своё нахождение: «... Творец как будто новорождённого младенца дать изволил; край сей, который ещё не имеет ни сил к каким-нибудь познаниям, ни смысла, требует не только покровительства, но по бессилию своему и слабого ради младенческого возраста – самого поддерживания ... я, нижайший слуга здешних народов и нянька... [4, с. 145]». С пониманием и любовью относился он к местным жителям, был для них и защитником, и пастырем. Помогал алеутам во время эпидемии оспы, построил приют для сирот, где обучал их Закону Божию и церковному пению. Также преподобному Герману принадлежат первые шаги по внедрению и распространению земледелия на Аляске, до него незнако-

мого туземцам. В условиях холодного климата Аляски ему удавалось выращивать картофель, капусту, чеснок и репу (в качестве удобрения использовал морские водоросли). Преподобный Герман организовал первую агрономическую школу на Аляске, в которой обучал местных жителей огородничеству.

Несомненно, земледельческие разработки преподобного Германа послужили поводом к появлению первой американской опытной земледельческой станции на Аляске (г. Ситка) в 1898 году. В 1973 году на Аляске (г. Кадыак) была открыта Свято-Германовская православная духовная семинария. Высокопреподобный Джон (декан семинарии) вспоминал: «На Аляске Святого Германа помнят как целителя и чудотворца. К примеру, известна история, как он с иконой в руках и молитвой остановил высокую волну по время сильного прилива. Но прежде всего его помнят и чтят как того, кто принёс сюда благую весть – православную веру [9]».

Преподобный Герман был первым причислен к лику святых (1969) как апостол Аляски. Мощи Святого Германа покоятся в Свято-Вознесенском храме (Аляска, о. Еловый).

В 1824 году на о. Уналашка прибывает монах Иоанн (Иннокентий) Вениаминов (при рождении И. Е. Попов (1797–1897)). За десять лет он обратил в православную веру всех жителей острова. Здесь он наладил функционирование стационарной больницы на восемь человек, приюта для сирот, трёх магазинов. Также он основал кафедральный собор Архистратига Михаила (1848) и духовную семинарию (1845), «где туземцы получали образование не только в качестве священно-

служителей для епархии, но и в качестве бухгалтеров, кладовщиков, матросов, художников, картографов и медицинского персонала [8]». В 1830 году он посадил на Уналашке рощу. Когда в 1974 году на остров прибыли советские учёные А. П. Окладников и Р. С. Васильевский, они с удивлением обнаружили сохранившуюся «... первую и единственную до сих пор на всём архипелаге рощу [6, с. 89]». Кроме того, Вениаминов внёс неоценимый вклад в образование местных жителей. По прибытии он освоил алеутский язык и на основе русской грамматики составил грамматику языка алеутов и индейцев, словарь, а также сделал перевод наставлений. Внимательно наблюдал он за нравом и бытом местных жителей, что описал в «Записках об островах Уналашкинского отдела», которые получили мировое признание как первая энциклопедия народа алеутов. В 1841 году его работы о колошском, кадыакском языках и русско-колошский словарь были изданы Петербургской академией наук. В 1977 году Иннокентий был канонизирован как апостол Америки и Сибири и причислен к лику святых.

Возвращаясь к деятельности русских купцов на территории Аляски и Алеутских островов, стоит отметить, что в результате активного освоения и благоустройства американских территорий Г. Шелиховым в 1799 году российское правительство приняло решение реорганизовать компанию Шелихова в монополизированную Российско-Американскую компанию (РАК, 1799–1867) под «высочайшим покровительством» императора Павла I.

РАК имела функции управления новыми территориями и исполнения пред-

ставительской роли от имени Российской Империи. С образования РАК берет своё начало история Русской Америки, территории которой являлись владениями Российской империи в течение семьдесят лет и составляли её десятую часть. За это время сменилось четырнадцать правителей компании, в число которых входили купцы, а с 1816 года – морские офицеры. Первым правителем был назначен А. А. Баранов (1746–1819). Двадцативосьмилетним управлением Русской Америкой Баранов продолжил «курс» Шелихова. К 1819 году у компании было 15 постоянных укрепленных поселений, где выстраивались судостроительные верфи (так было положено начало местному судостроению), больницы, магазины, православные храмы. Русский мореплаватель Ю. Ф. Лисянский привёз на Аляску первую достаточно обширную библиотеку. Кроме того, осваивалось хлебопашество, изучались местные природные ресурсы (в частности, была организована добыча угля). Из-за сурового климата Аляски земледелие и скотоводство здесь было в упадке, поэтому поселения остро нуждались в продовольствии. Руководители видели необходимость в освоении для этих нужд более подходящих земель. Действительный камергер граф Н. П. Резанов (1764–1807), занимавший должность уполномоченного РАК в Петербурге, прибыл в Калифорнию в 1806 году, отметив, что «по благоприятству климата и почвы сие место даёт великие для компании выгоды от сеяния всяких хлебных и огородных семян и размножения домашнего скота [2, с. 195]». Ему удалось установить торговые связи с Сан-Франциско и дружественные отношения с комендантом крепости Аргуэльо.

Случившаяся история любви между сорокалетним Резановым и пятнадцатилетней Концепсьон (Кончитой, 1790–1857) – дочерью коменданта испанской крепости, считается старинным преданием Калифорнии. Резанов, направившись на корабле «Юнона» в Петербург, где рассчитывал получить разрешение на брак с Кончитой, скоропостижно умер в пути. Получив известие о смерти, донна Концепсьон посвятила себя духовной жизни и стала первой монахиней доминиканского ордена в Калифорнии. Она покоится на кладбище Ордена Святого Доминика, где Историческим обществом Калифорнии рядом с её могилой установлена стела в память о полувекковой верности русскому жениху. Позже эта история любви нашла отражение в американской литературе: в романе «Резанов» (1906) Г. Этертон (1857–1948) и в поэме «Концепсьон де Аргуэльо» Ф. Брета Гарта (1836–1902).

Далее отметим, что в 1812 году в Калифорнию прибывает служащий компании И. А. Кусков (1765–1823), который и основал знаменитую крепость Росс (Форт-Росс). Несмотря на то, что Калифорния считалась испанским поселением, к северу от Сан-Франциско земли были свободными от испанцев. Кусков выкупил эти территории у индейцев «за три одеяла, три пары штанов, два топора, три мотыги и несколько ниток бус [10, с. 18]» и заключил с ними мирный договор, который никогда не нарушался. За всё существование Форт-Росса (1812–1841, то есть 29 лет) им управляли пять руководителей. В течение этого времени на освоенных территориях размещались благоустроенные поселения с русским укладом: была выстроена первая в Кали-

форнии верфь (построенные суда даже продавали, в том числе испанским колонизаторам, до этого времени не имевшим судостроения), кожевенный завод, а также дома, бани, скотный двор, подсобные помещения для хозяйственных нужд (казармы, поварня, кладовые, мастерская с кузницей и слесарней), изготавливали мебель, двери, черепицу из секвойи, телеги, бочки, обрабатывали железо и медь. Отметим, что ветряные мельницы в Калифорнии впервые появились именно в Форт-Россе, как и первые оконные стекла. В Калифорнию впервые завезли и стали выращивать капусту, салат, редьку, морковь, репу, свёклу, лук, картофель, высаживали фруктовые сады персиковых деревьев, вишен, яблонь (сад сохранился до сих пор и возраст некоторых деревьев составляет более полутора веков). Были основаны три пшеничных факторий-ранчо. Агроном Е. А. Черных посадил первый виноградник в Калифорнии (с тех пор это является главной агрокультурой региона), а также им была построена первая метеорологическая станция. Активно осваивалось животноводство, которое было даже более успешным, чем сельское хозяйство: «... в конце 1830-х годов здесь было 1 700 голов крупного рогатого скота, 940 лошадей и мулов и 900 овец. Ежегодно производилось более 800 кг шерсти, которая шла на экспорт... [10, с. 23]». Кроме того, русские поселенцы исследовали флору и фауну местности. Учёные И. Г. Вознесенский и А. Н. Черных изучали бассейн реки Славянки. Врач-натуралит И. Ф. фон Эшшольц (1793–1831) в 1824 году обнаружил цветок – «калифорнийский мак», который позже был назван его именем (Эшшольция калифорнийская). С 1903 года «золотой мак» офици-

ально является цветком-символом штата Калифорния. Также И. Ф. фон Эшшольц собрал большую коллекцию насекомых, подробно описал геологию этого района и некоторых млекопитающих (медведей, скунсов, оленей и «горных козлов»). В 1818 году капитан В. Н. Головин посетил залив Бодега в Северной Калифорнии и составил навигационную карту района залива с точными глубинами воды, включая топографические характеристики. Императорская академия наук направила натуралиста И. Г. Вознесенского для изучения Русской Америки, и ему удалось собрать этнографически бесценную коллекцию индейских артефактов Калифорнии (украшения, оружие, одежда), которая в настоящее время находится в Музее этнографии Санкт-Петербурга (Россия). Многие из этих предметов сохранились в единственном числе. Русские первыми исследовали и картографировали Северную Калифорнию, они также были первыми европейцами, поднявшимися на гору Святой Елены. Русскими поселенцами было заложено и первое зерно образования. Жена Кускова занималась грамотой с алеутами и индейцами, которые впоследствии достаточно хорошо овладели русским языком. Благодаря жене последнего правителя Форт-Росса А. Г. Ротчева (1806–1873) – Е. П. Ротчевой (урожд. княжна Гагарина) – в Калифорнии появился первый рояль и библиотека.

В связи с сокращением пушного промысла, ослаблением влияния российского правительства на Тихом океане и трудностями в поддержании регулярных межконтинентальных связей с Россией последовало банкротство РАК. В результате в январе 1841 года Форт-Росс был продан гражданину Мексики Дж. А. Сат-

теру, а в 1867 году – подписан договор о продаже Аляски Соединённым Штатам: «всю территорию с верховным на оную правом ... на американском материке, а также прилегающие к ней острова [1, с. 413]».

С продажей Русской Америки русская история здесь не была окончена. Территории бывших русских поселений сейчас входят в состав Национальных исторических памятников США и охраняются государством. Благодаря деятельности Русско-Американского исторического общества в Сан-Франциско, содействию различных американских краеведческих организаций был организован заповедник Форт-Росс – «памятник русской предприимчивости и русской культуры» [6, с. 56]. Крепость восстановлена в том виде, какой она была. Сенатор от Калифорнии Джозеф Ноуланд провозгласил Форт-Росс историческим памятником штата Калифорнии, а сохранившийся дом последнего правителя селения Росс А. Г. Ротчева – объектом исторической ценности национального значения. Каждый год в Национальном историческом парке Форт-Росс в последнюю субботу июля традиционно проходит празднование Дня русского культурного наследия, во время которого устраиваются костюмированные инсценировки, передающие быт, обычаи и традиции русских поселений того времени [5]. Остров Ситка, как его назвал исследователь В. П. Петров – «бывший русский “Париж” Тихого океана» [6, с. 123], теперь носит имя А. А. Баранова (здесь в 1989 году был установлен бронзовый памятник в его честь). На месте высадки А. А. Баранова в 1804 году был организован Национальный исторический парк с музеем. Также

основан музей «Шелдон Джексон», в котором собраны материалы русского и индейского фольклора Ситки. Сохранился «Миссионерский дом» с предметами и мебелью времён Русской Америки. Здесь же находится старое русское кладбище, где покоятся княжна Максимова (жена первого правителя Аляски), Винокурова, дочь барона Врангеля (шестого правителя Русской Америки). На о. Кадьяк существует исторический музей имени Баранова, расположенный в здании, выстроенном ещё при Баранове, которое в его бытность использовалось в качестве мехового склада. В этом музее собраны материалы, посвящённые русскому периоду Аляски. Об истории Русской Америки напоминают топонимы, которыми изобилует северо-западное американское побережье. Острова, реки, озёра, горы, города, посёлки, улицы названы именами правителей Российско-Американской компании: именем Ф. П. Врангеля (шестого правителя) – город Врангеля, порт, пик, два острова на Аляске, мыс и горная цепь на Алеутских островах и т.д.; именем И. Куприянова (седьмого правителя) названа бухта на Алеутских островах, полуостров, прилив и гора на островах Александровского Архипелага, гора на о. Кадьяк и многое другое. Отметим, что английские и испанские колонизаторы воспринимали культуру коренных американских жителей (индейцев и алеутов) как варварскую и нецивилизованную, насаждали европейскую культуру, что нередко принимало характер насильственной ассимиляции. В отличие от них, русские поселенцы шли по пути межкультурной коммуникации, устав Российско-Американской компании гласил о непритеснении местных жителей, к ним

относились прежде всего как к помощникам и союзникам, стараясь наладить преимущественно дружеские контакты. Индейцы, в частности племени кошайя, часто искали в русских поселениях спасения от гнёта испанских колонизаторов. Здесь им предоставляли работу и жилье, обеспечивали продовольствием (мукой, мясом) и одеждой. Между русскими и алеутами, эскимосами, индейцами нередко заключались браки, потомков таких этнически смешанных союзов называли креолами, которые в некотором смысле являлись связующим звеном между русскими колонистами и местными жителями. Русские поселенцы способствовали улучшению социального положения креолов: их отправляли на обучение навигационному делу в Петербург, что впоследствии позволило им занимать административные должности. Английский мореплаватель Дж. Ванкувер, который посещал русские поселения, описывал отношения русских и американцев с «отличной похвалой», писал, что «приобрели они над дикими народами владычество не победами, но сыскав путь к сердцам их [2, с. 238]». Лишь такой путь взаимодействия позволил достигнуть наилучших результатов социокультурной коммуникации. Коренные американцы, находясь на протяжении более чем полувека под непосредственным воздействием русских традиций и быта, по сей день сохранили в своей культуре элементы русского. Исследователь А. Ф. Долгополов, посетивший племя индейцев живущих на бывших территориях Форт-Росса, обнаружил в их словаре русские слова: «молоко, порох, пшеница, ложка, чулки, кошка, яблоко, вино, табак, нос, хмель и другие, а также некоторые русские слова в искажённом

виде: корошо (хорошо), водки (водка), ого (огонь), чайо (чай), иичо (яйцо) ... и много других [6, с. 50]». По свидетельствам представителя индейского племени динайна, после принятия православия они изменили свою традицию погребения, заменив кремацию на захоронение (соединив с собственным обычаем вместо памятников над могилами устанавливая разукрашенные разными цветами деревянные домики), на надгробных плитах встречаются русские фамилии [9]. Сегодня в посёлке Старая Гавань (на о. Кадьяк) всё население православное, сохранились русские фамилии, несмотря на то, что все говорят на английском языке.

Подводя итоги деятельности русских поселенцев в Америке, отметим, что наряду с открытием земель северо-западного побережья (начиная с 1741 года, то есть ещё до создания независимого государства США в 1776 году), их освоением (развитием земледелия, скотоводства, посадкой садов и рощ, разного рода исследованиями), им удалось окультурить быт коренного населения, обучить ремёслам, заложить зерно образования, что неизбежно привело к постепенной аккультурации. Также немаловажно отметить ту значимую лепту, которую внесли русские учёные в изучение и сохранение культуры коренных американцев.

Таким образом, есть основания установить, что вклад русских первопроходцев в период становления американской культуры достаточно весом и что сохранившееся русское наследие является неотъемлемой исторической частью многокультурных Соединённых Штатов Америки. Именно эти обстоятельства легли в основу возникновения русско-американских культурных связей.

Примечания

1. Аронов А. А. Феномен гениальности в контексте соотношения биологического и социального факторов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 18–22.
2. Большая советская энциклопедия : [в 30 томах] / глав. ред. А. М. Прохоров. 3-е издание. Москва : Советская Энциклопедия, 1969–. Т. 22 : Ремень – Сафи. 1975. 628 с.
3. Болховитинов Н. Н. Россия открывает Америку, 1732–1799. Москва : Международные отношения, 1991. 302 с.
4. Ведерникова М. А. Воспроизводство достижений русской школы классического танца за рубежом, 1917–1939 гг. (На примере деятельности русских танцовщиков и балетмейстеров) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1 (45). С. 232–236.
5. Глазырин М. Ю. Русские землепроходцы. Слава и гордость Руси. Москва : Алгоритм, 2015. 640 с.
6. Избранные жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четых-Миней архиепископа Филарета Черниговского : в 2 книгах. Т. 2 Июль–декабрь. Москва : Сибирская Благовонница, 2011. 829 с.
7. Казакова А. Г. Интерактивные методы обучения в системе послевузовского профессионального образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 2 (52). С. 184–190.
8. Национальный исторический парк Форт Росс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fortross.org/>
9. Петров В. Русские в истории Америки. Москва : Наука, 1991. 176 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е : в 45 томах Т. VII. № 4649. Санкт-Петербург, 1830. 933 с.
11. Православная духовная семинария Святого Германа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sthermanseminary.org/history.htm>
12. Русская Америка. Прощание с континентом [Электронный ресурс] : Фильм Е. Колыванова из цикла «НТВ-видение» // НТВ.ru : [веб-сайт]. URL: <http://www.ntv.ru/video/1414566/>
13. Хисамутдинов А. А. Русский Сан-Франциско. Москва : Вече, 2010. 364 с.
14. Ярошенко Н. Н. Культура и образование: векторы научного осмысления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (60). С. 250–255.

References

1. Aronov A. A. The phenomenon of genius in the context of the correlation of biological and social factors. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2014, no. 3 (59), pp. 18–22. (In Russian)
2. Prokhorov A. M., ed. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya, v 30 tomakh. Tom 22 [Great Soviet Encyclopedia, in 30 volumes. Vol. 22]*. 3rd edition. Moscow, State Scientific Publishing House "The Soviet Encyclopedia", 1975. 628 p.
3. Bolkhovitinov N. N. *Rossiya otkryvayet Ameriku, 1732–1799 [Russia opens America, 1732–1799]*. Moscow, Publishing House «International Relations», 1991. 302 p.
4. Vedernikova M. A. *Vosproizvodstvo dostizheniy russkoy shkoly klassicheskogo tantsa za rubezhom, 1917–1939 gg. (Na primere deyatel'nosti russkikh tantsovshchikov i baletmeystеров) [Reproduction of the achievements of the Russian school of classical dance abroad, 1917–1939. (On the example of the activities of Russian dancers and choreographers)]*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2012. № 1 (45). С. 232–236.

sudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2012, no. 1 (45), pp. 232–236.

5. Glazyrin M. Yu. *Russkiye zemleprokhodtsy. Slava i gordost' Rusi* [Russian explorers. Glory and pride of Russia]. Moscow, Algoritm Publishing House, 2015. 640 p.

6. *Izbrannyye zbitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet' ikh-Miney arkhiepiskopa Filareta Chernigovskogo, v 2 knigakh. Tom 2 Iyul'–dekabr'* [Selected lives of the saints in Russian, outlined in the direction of Chetykh-Mine Archbishop Philaret of Chernigov, in 2 books. Vol. 2 July-December]. Moscow, Publishing house "Siberian Blagozvonica", 2011. 829 p.

7. Kazakova A. G. Interaktivnyye metody obucheniya v sisteme poslevuzovskogo professional'nogo obrazovaniya [Interactive methods of teaching in the system of postgraduate professional education]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2013, no. 2 (52), pp. 184–190.

8. Fort Ross State Historic Park. Available at: <http://www.fortross.org/>

9. Petrov V. *Russkiye v istorii Ameriki* [Russian in the history of America]. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1991. 176 p.

10. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 1-ye, v 45 tomakh Tom VII. № 4649* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1-e, in 45 volumes. Vol. VII. No. 4649]. St. Petersburg, 1830. 933 p.

11. St. Herman Theological Seminary. Available at: <http://www.sthermanseminary.org/history.htm>

12. *Russkaya Amerika. Prosbchaniye s kontinentom. Fil'm E. Kolyvanova iz tsikla "NTV-videniye"* [Russian America. Farewell to the continent. The film of E. Kolyvanov from the cycle "NTV-Vision"]. Available at: <http://www.ntv.ru/video/1414566/>

13. Khisamutdinov A. A. *Russkiy San-Frantsisko* [Russian San Francisco]. Moscow, Publishing house «Veche», 2010. 364 p.

14. Yaroshenko N. N. Culture and Education: the trend of scientific comprehension. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2014, no. 4 (60), pp. 250–255. (In Russian)

*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ

УДК 18:304.4(520)

Д. Г. Круглых, А. С. Покотило

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В настоящее время Япония обладает большим количеством уникальных культурных феноменов, которые не просто объяснить с позиции классической эстетической мысли, в силу доминирования такой категории, как *кавайи*. Так, например, внешность человека, которую можно назвать *кавайи*, будет наделена некоторыми чертами «милого» и «наивного» и порой «инфантильного». Милое лицо будет милым тогда, когда оно синтезирует в себе черты детскости и наивности и довлеет над эстетическим началом «красивого». В современной культуре Японии оно зачастую подменяет собой понятие красоты. Поэтому атрибутика человека, составляющая образ *кавайи*, представляет семантическое поле, которое состоит из различных элементов, отражающих его внутренний образ. Авторы данной статьи рассматривают проблему воспитания и образования в контексте художественного творчества и массовой культуры, объединяя анализ нарративности и эстетической формы с теми предпосылками, которые их создали.

Ключевые слова: Япония, японская культура, образование, воспитание, эстетика, этика, культурология, философия.

D. G. Kruglykh, A. S. Pokotilo

Lomonosov Moscow State University, The Russian Government, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

FEATURES OF UPBRINGING IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY JAPANESE MEDIA CULTURE

At present Japan has a large number of unique cultural phenomena, which is not easy to explain from the position of classical aesthetic thought, because of the dominance of categories such as *rawaii*, for example, the appearance of the person, which can be called *rawaii*, will be endowed with some features cute and naive and sometimes childish. Cute face will be nice when it synthe-

¹КРУГЛЫХ ДМИТРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ – аспирант кафедры эстетики философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

KRUGLYKH DMITRY GENNADYEVICH – doctoral student of the Department of aesthetics, philosophical faculty, Lomonosov Moscow State University

²ПОКОТИЛО АННА СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры эстетики философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

POKOTILO ANNA SERGEEVNA – doctoral student of the Department of aesthetics, philosophical faculty, Lomonosov Moscow State University

e-mail: dimaigig@yandex.ru¹, pokotilo.anna@gmail.com²

© Круглых Д. Г., Покотило А. С., 2017

sizes the traits of childishness and naivety and dominates the beginning of a beautiful aesthetic. In modern Japanese culture it is often a substitute for the concept of beauty. Therefore, the attributes of a person constituting the image *rawaii*, represents a semantic field that consists of various elements that reflect his inner image. The authors of this article consider the problem of upbringing and education in the context of art and mass culture, combining analysis of narrative ness and aesthetic form, with the conditions that created them.

Keywords: Japan, japanese culture, education, upbringing, aesthetics, ethics, cultural studies, philosophy.

Для цитирования: Круглых Д. Г., Покотило А. С. Особенности воспитания в контексте современной медиакультуры Японии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 96–102.

В современных условиях искусство, являясь одним из факторов воспитания и образования, воздействует на реципиента как с помощью эстетической формы, так и с помощью нарративности, тем самым формируя аксиологическую систему в двух векторах: эстетическом и этическом. В этом ракурсе очень чётко можно выявить те предпосылки и те сообщения, которые заложены в произведении искусства. Одна из главных задач воспитания и образования – формирование целостной аксиологической системы. Поэтому нельзя отрицать того факта, что любое эстетическое воздействие формирует мировосприятие, определяющее способ прочтения культурных и социальных маркеров, которые заложены в обществе. Произведения искусства, обладая собственной нарративностью и формой, стимулируют развитие личности человека и при целенаправленном применении могут быть использованы для создания поведенческих схем и аттитюдов.

В условиях превалирования постмодернистской парадигмы популярная культура имеет большее влияние на повседневную жизнь людей и формирование личности человека, нежели элитарное искусство. Популярная культура обладает набором элементов, которые ста-

новятся мощными инструментами воздействия на массовое сознание.

В Японии в качестве таких инструментов можно назвать анимацию и комиксы манга. Более того, такая нарративность, созданная в контексте индустрии, тиражируется и за счёт образования. Если раньше художники, сценаристы и режиссёры могли получить образование в художественных училищах классической направленности, то с недавних пор начали появляться училища, которые специализируются только на производстве аниме и манги. Выпускники подобных училищ обладают глубоким пониманием современной эстетики Японии. Они находятся в уникальном положении, так как родились и выросли в окружении аниме и манги и в совершенстве владеют их выразительными средствами, что позволяет им профессионально использовать их для достижения поставленных целей. Это порождает и особое проблемное отношение в образовательном контексте: насколько такая особенность поможет в формировании целостной аксиологической системы и привнесёт в аниме-культуру что-то новое извне или оно будет развиваться внутри самого себя, культивируя категории «милого» и «наивного», а следовательно, традиционные вопросы

искусствознания, культурологии и эстетики будут принимать другой ракурс.

Б. Мак-Вейг в своей монографии “Wearing Ideology: State, Schooling and Self-Presentation in Japan” напрямую называет *каваи* – эстетический стиль, доминирующий в индустрии манга и аниме, инструментом, при помощи которого государство насаждает поведение, которое считает приемлемым. Кawaii персонажи в социальной рекламе, политических листовках внушают симпатию, что позволяет им внедриться в подсознание. Так, социальная реклама, содержащая образы персонажей из советского мультфильма «Чебурашка», призывает уступать места пожилым людям в японском метро и электричках.

Японское общество имеет самый высокий отрицательный прирост населения на планете: при высокой продолжительности жизни рождаемость снижается с каждым годом. Защита материнства – одно из приоритетных направлений, в котором работает японское правительство. Работа ведётся для того, чтобы на ранних месяцах, когда беременность не является очевидной окружающим, женщины могли чувствовать себя защищёнными.

Данная социальная кампания состоит из ряда элементов, объединённых общей эстетикой. Среди элементов кампании – настенные объявления в общественном транспорте с призывами заботиться о будущих матерях. Для того чтобы беременных было легче опознать, были придуманы специальные значки, которые прикрепляются на одежду или сумочку. Как объявления, так и значки имеют округлую форму, внутрь которой помещены схематичные изображения женщины и спелёнатого младенца у неё на руках, а

также сообщение, набранное округлым шрифтом, подчиняющимся общему стилю и содержанию сообщения. Наличие значка сразу же даёт окружающим понятие о состоянии женщины. Таким образом, скромным и застенчивым японкам не приходится, к примеру, просить уступить им место в переполненном автобусе или вагоне метро.

XX век поставил Японию в иные условия существования, стиль жизни изменил этические и эстетические идеалы, тем самым придав импульс для создания новых эстетических концептов. *Кawaii* – это отражение эстетических категорий «милого», «нежного», которыми обладает человек или вещь и которые проявляются в том числе и во внешнем образе. Относительно человека *каваи* состоит из следующих компонентов:

- 1) внешность человека;
- 2) поведение;
- 3) вещественная атрибутика.

Человеческое восприятие здесь не стремится к некоторому «возвышенному» и «прекрасному», обращая внимание только на материальное проявление того, что в первую очередь важно для восприятия. Так, например, внешность человека, которую можно назвать *каваи*, будет наделена некоторыми чертами «милого», «наивного» и порой «инфантильного». Милое лицо будет милым тогда, когда оно синтезирует в себе черты детскости и наивности, которые довлеют над эстетическом началом «красивого». В современной культуре Японии это понятие зачастую подменяет собой понятие красоты. Поэтому атрибутика человека, составляющая образ *каваи*, представляет семантическое поле, которое состоит из различных элементов, отражающих его

внутренний образ. «Детское» здесь облекается в простые формы и будет являться той вещью, которую можно определить как *каваи*. В русском языке у слова «милый» есть синоним «прелестный», который может отобразить концепт *каваи*. Простота, которая являет себя через форму «милого», и будет суть *каваи*.

При этом появляется дихотомия отношения к данной категории эстетики. С одной стороны, *каваи* подчёркивает детскость как в поведении, так и в атрибутике. С другой стороны, это может возвести детскость в степень гипертрофированного детского поведения – инфантильности. Естественно, такая категория являет себя в повседневной жизни, однако наибольшее проявление данной категории можно обнаружить в аниме – феномене современной японской культуры. Таким образом, необходимо выделить два явления: проявление «милого» в нарративности и в эстетическом образе. Эти два проявления затрагивают все элементы повседневного быта японцев.

Нарративность «милого» в первую очередь необходимо связать с этико-социальными парадигмами, которые существуют в японском обществе. Такие этические идеалы формируются в процессе особых социальных отношений, присущих только Японии. Одним из главных факторов, сформировавшихся в условиях феодального японского общества, выступает тип социальных отношений, основой которых является долг и выплата этого долга. В данном случае человек считается изначально обязанным перед социумом. Долгом выступает категория «он» – это долг, который приобретается человеком пассивно. Обязательства могут быть получены от императора, ро-

дителей, господина, учителя. Это – априорное состояние всех членов японского общества, определяющее поведение индивидов. Способов выплаты подобных долгов существует достаточно много, однако в контексте данной работы нас интересует категория *гири*. Само понятие *гири* труднопереводимо, а объяснить его в контексте европейской морали достаточно сложно. Это понятие включает в себя не только полное осознание долга, но и осознание нужности выплаты этого долга, которые сами устанавливают рамки и границы поведения в социуме. *Гири* может осуществляться как поддержка/помощь/услуга/подарок. Можно определить понятие *гири* как осознание долга.

Существование этих понятий возможно только благодаря другим существующим в Японии ключевым терминам: *хоннэ* и *татэмаэ*.

Хоннэ есть обозначение истинных намерений человека. Значение слова происходит из самой этимологии слова, так как в слове *хоннэ* первый иероглиф несёт на себе смысл «истинного», «основного-данного», а второй иероглиф выступает со значением «звук». В результате получается термин, который обозначает истинные намерения человека, истинные мотивы. Это те личные переживания человека, о которых может знать только сам человек или самое ближайшее, самое узкое его окружение.

Второе же понятие является полной противоположностью *хоннэ*. Здесь также необходимо обратиться к этимологии слова, где первый иероглиф несёт значение «здания», а второй – «перед». Таким образом, интуитивно мы представляем себе фасад здания. Это – тот образ, создаваемый человеком, та соци-

альная маска, которая не только удобна индивиду, но и наличия которой требует общество. По сути, это есть «внешнее» и «внутреннее» лицо. В европейской философской традиции эту схему можно сравнить с теорией социальных масок – в условиях современного японского общества, где давление на индивида относительно его поведения и эффективности в обществе чрезвычайно высоко. Так возникает желание подчиниться этому давлению и плыть по течению, отказавшись от собственных желаний, жить согласно Должному. Однако здесь велика вероятность стирания индивидуальности. В европейском понимании публичный образ должен обладать индивидуальностью, даже если это – всего лишь социальный конструкт. В Японии социально одобряемая публичная маска имеет чрезвычайно жёсткие рамки, выход за которые ставит индивида на грань с бунтарством. Интересно то, что *хоннэ* – это лицо, которое за всю жизнь человека увидит лишь самое интимное окружение.

В особенности эти категории касаются девочек и молодых женщин, так как их поведение рассматривают с самых жёстких позиций, и маска *кавайи* буквально насаждается как различными медиаисточниками, так и окружающими людьми. Поведение в стиле *кавайи* в Японии имеет ряд вербальных и невербальных воплощений. Одним из элементов поведения *кавайи* является лексика. Женщины пользуются набором лексических приёмов, позволяющих достигнуть искомого эффекта, а также голосовыми модуляциями – более высокий голос считается показателем уважения к собеседнику или рассказ о себе в третьем лице с добавлением суффикса «тян», как делают дети.

На наш взгляд, Япония – страна, одержимая молодостью как временем беззаботной радости. Люди, обременённые работой и повседневными проблемами, стремятся вернуться в это время – через поведение и потребление в эстетике *кавайи*. Женщины, окружающие себя кавайными предметами, стремятся преодолеть давление общества, предписывающего им жёстко очерченную линию поведения. Школа, университет, непродолжительная карьера офисного клерка, замужество, материнство. Задержка на этапе юности – пассивный бунт против системы ригидного японского общества.

Поведение в стиле *кавайи* служит инструментом, обезоруживающим критически настроенное общество, позволяет обнаружить свою индивидуальность, не боясь подвергнуться остракизму.

В связи с этим и нарративность в кинематографе, в литературе, особенно в массовой культуре, сводится к достаточно простому набору сценариев. Здесь часто встречающимся элементом повествования становится простота героев в их отношении к категориям «добро – зло», где антагонист легко может стать «добрым», если его об этом «попросить». С другой стороны, его безответственность, неряшливая внешность, слабость, которую он обнаруживает в критический момент, – характеристики, подходящие под критерии *кавайи*, позволяют злодею искупить вину перед героем. Такое представление вписывается в детские представления об абсолютном добре и зле. Инфантильное поведение такого рода демонстрируется в фильмах признанных мэтров, например Такэси Китано. В фильме «Кикудзиро» он демонстрирует эту категорию именно в контексте narra-

тивности. Это рассказ о взрослом, хулиганистом герое Кикудзиро, который живёт одними азартными играми, а проблемы решает кулаками. По сути, он является явным воплощением инфантильности, но только во взрослом мире. Однажды герой встречает мальчика Масао, и вместе они отправляются на поиски его мамы. Большая часть фильма уделяется игровому моменту и стиранию граней между мальчиком и мужчиной. Как раз этот момент и можно определить как «милый».

Поэтому такая нарративность детскости должна быть вписана в правильную эстетическую форму. Наиболее яркое отражение идей *каваи* можно обнаружить в манга и аниме-культуре. Если оценивать пропорции лица ребёнка, то первое, что можно увидеть, – это большие глаза. Именно этот элемент нашёл явное отражение в японской анимации, где все персонажи обладают непропорционально большими глазами. Но даже при такой детской простоте не пропадает коннотационная пресыщенность атрибутики персонажа, где даже окрас волос

персонажа отражает его черты характера. В результате идёт явное упрощение для прочтения персонажей, что также укладывается в концепцию *каваи*, в том числе в цветовую интерпретацию. Форма напрямую соотносится с содержанием, при этом сочетания формы и цвета японские художники используют так, что если это пастельные тона или же, наоборот, цвета ядовито-яркого оттенка, они помогают в раскрытии персонажа. Это можно считать аналогом кукольного театра, с помощью которого легко воспитывать и доносить моральные принципы.

Таким образом, культурное пространство в Японии, которое является уникальным в силу своих географических, политических и социальных особенностей, в XX веке смогло породить уникальную эстетическую категорию, являющуюся не только интересным эстетическим дискурсом, но и тем сильным образовательно-воспитательным рычагом, который позволяет выстраивать культурно-аксиологическую систему японского социума.

Примечания

1. *Барт Р.* Империя знаков / [пер. с фр. Я. Г. Бражниковой]. Москва : Праксис, 2004. 142 с.
2. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. Москва : Изд-во имени Сабашниковых, 2003. 511 с.
3. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч. Модели японской культуры / под ред. А. В. Говорунова ; пер. с англ. Н. М. Селиверстова. Изд. 2-е, стер. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 360 с.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 томах. Том 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное / вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева ; пер. с фр. [Л. Е. Куббея]. Москва : Весь мир, 2007.
5. *Глускина А. Е.* Заметки о японской литературе и театре : Древность и средневековье : [сборник]. Москва : Наука, 1979. 296 с.
6. *Григорьева Т. П.* Японская художественная традиция. Москва : Наука, 1979. 368 с.
7. *Мещеряков А.* Статья японцем. Москва : Эксмо, 2012. 431 с.
8. *Обвинников В. В.* Ветка сакуры : Рассказ о том, что за люди японцы. Москва : Молодая гвардия, 1971. 220 с.

9. Прасол А. Ф. Япония лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. Изд. 2-е, доп. Москва : Наталис, 2011. 414 с.
10. Brian J. McVeigh. *Wearing Ideology: State, Schooling and Self-Presentation in Japan*. Bloomsbury Academic, 2000.
11. Yuji Yamamoto. *An Aesthetics of Everyday Life*. 1999. Available at: <http://purl.org/yuji/papers/papers-e.htm> (accessed: 13.01.2017).

References

1. Barthes, Roland. *L'empire des signes*. (In Rus. ed.: Bart R. *Imperiya znakov [Empire of signs]*. Moscow, Publishing house "Praxis", 2004. 142 p.)
2. Barthes, Roland. *Le système de la mode essais de sémiologie de la culture*. (In Rus. ed.: Bart R. *Sistema Mody. Stat' i po semiotike kul'tury [Fashion System. Articles on semiotics of culture]*. Moscow, Publishing house named after Sabashnikovs, 2003. 511 p.)
3. Benedict Ruth. *The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese culture*. (In Rus. ed.: Benedikt R. *Khrizantema i mech. Modeli yaponskoy kul'tury [Chrysanthemum and sword. Models of Japanese culture]*. 2nd edition. St. Petersburg, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2007. 360 p.)
4. Braudel Fernand *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV-XVIIIe siècle*. (In Rus. ed.: Brodel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. V 3 tomakh. Tom 1: Struktury povesednevnosti: vozmozhnoye i nevozmozhnoye [Material civilization, economics and capitalism, XV-XVIII centuries. In 3 volumes. Volume 1: The structures of everyday life: the possible and the impossible]*. Moscow, Ves Mir Publishers, 2007.)
5. Gluskina A. E. *Zametki o yaponskoy literature i teatre: Drevnost' i srednevekov'ye [Notes on Japanese Literature and Theater: Antiquity and the Middle Ages]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1979. 296 p.
6. Grigoryeva T. P. *Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya [Japanese Art Tradition]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1979. 368 p.
7. Meshcheryakov A. *Stat' yapontsem [Become Japanese]*. Moscow, Publishing House "Eksmo", 2012. 431 p.
8. Ovchinnikov V. V. *Vetka sakury: Rasskaz o tom, chto za lyudi yaponsy [The Sakura Branch: The Story of What the People of Japan Are]*. Moscow, Publishing house "Molodaya gvardiya", 1971. 220 p.
9. Prasol A. F. *Japan. The changing face of the time*. (In Rus. ed.: Prasol A. F. *Yaponiya liki vremeni. Mentalitet i traditsii v sovremennom inter'yere [Japan faces of time. Mentality and traditions in the modern interior]*. 2nd edition. Moscow, Publishing house "Natalis", 2011. 414 p.)
10. Brian J. McVeigh. *Wearing Ideology: State, Schooling and Self-Presentation in Japan*. Bloomsbury Academic, 2000.
11. Yuji Yamamoto. *An Aesthetics of Everyday Life*. 1999. Available at: <http://purl.org/yuji/papers/papers-e.htm> (accessed: 13.01.2017).

*

ОСОБЕННОСТИ КАРНАВАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ БЕЛЬГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

УДК 130.2:791.65(493)

А. Н. Мясников

Московский государственный институт культуры

В статье рассматриваются особенности карнавальных традиций Королевства Бельгия на примере народно-карнавального празднества Летары в городке Ставлё (Stavelot) провинции Льеж (Liège). Отмечается, что активная поддержка государства карнавальными традициями и народно-карнавальными празднествами гарантирует сохранение этноидентичности социума как неотъемлемого элемента воспроизведения культурного генома. Культурологический аспект осмысления специфики карнавальной традиции включает в себя рефлексию над её смеховой компонентой и характером коммуникации участников народных праздников, а также выявляется значимость персонажей, с их предпосылками возникновения и социально-смысловым значением, отличительная самобытность символических образов с яркой эксплицитностью костюмов и масок, характерных для конкретных карнавальных празднеств.

Ключевые слова: культурное наследие, карнавал, народные традиции, смеховое начало, культура Бельгии.

A. N. Myasnikov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

FEATURES CARNIVAL TRADITIONS OF BELGIUM (CULTUROLOGICAL ASPECT)

In the article the author discusses the features of the carnival traditions of the Kingdom of Belgium on the example of the people's carnival festivities in the town Letary Stavlë (Stavelot) Province of Liège (Liège). It is noted that the active support of the state of carnival traditions and folk-carnival festivals guarantees the preservation of the ethnoidentity of the society as an integral part of the reproduction of the cultural genome. Cultural aspect of understanding the specifics of the carnival tradition includes reflection on her laughter component and the nature of communication participants of national holidays, as well as the importance and significance of the characters, with their premises of origin and socio-semantic meaning, as well as their distinctive identity of symbolic images with bright explicitness costumes and masks specific to the individual carnival festivities.

Keywords: cultural heritage, carnival, folk traditions, culture of Belgium, creation's folk laughter.

МЯСНИКОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – соискатель кафедры теории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

MYASNIKOV ANDREI NIKOLAEVICH – doctoral student of Department of the theory of culture, ethics and aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: myasnikoff@mail.ru

© Мясников А. Н., 2017

Для цитирования: Мясников А. Н. Особенности карнавальных традиций Бельгии (культурологический аспект) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 103–108.

В связи с тем, что духовно-нравственное и эстетическое богатство каждой нации включает в себя культурное наследие, каждая из его граней заслуживает исследовательского внимания с точки зрения сохранения уникальности, с одной стороны, и актуализации наиболее ценных традиций в условиях глобализации – с другой. Именно поэтому особой ценностью обладает феномен многообразия форм презентации самобытных черт этнонационального опыта, «утрата которого во всех случаях окажется невозможной и на сбережение и реставрацию которого, быть может, сегодня следует сконцентрировать основные материальные и интеллектуальные усилия нации. Это сфера – национальное культурное наследие [4, с. 85]». Изучение, осмысление и понимание каждого периода развития национальной культуры отвечает потребностям современного культурологического знания.

К разряду важных составляющих культурного наследия человечества правомерно отнести и феномен праздничной культуры, сформировавшийся в глубокой древности. Данное явление представляет собой кульминационный момент в массовом восприятии природных и аграрных циклов, ритуально-символическую фиксацию завершения одного из них и начала другого. Самой распространённой формой праздника в культурах многих стран является карнавал. Этот вид празднества онтологически представляет собой тот тип народно-площадного веселья, в котором ярко выражены игровое и

театрализованное начала. «Стремление к обновлению и новому рождению, “жажда новой юности” проникали собой и карнавальные мироощущение и находили многообразное воплощение в конкретно-чувственных формах народной культуры [1, с. 66]».

В то же время важно иметь в виду ритуально-обрядовый характер актуализации карнавальных традиций в системе «природа – социум – культура» (М. С. Каган). Этот существенный момент феномена карнавала был, по утверждению Йохана Хёйзинги, «суверенным выражением культуры, формы, посредством которой люди сообща выражали величайшую радость жизни и воплощали своё чувство единства друг с другом [5, с. 254]».

Не менее значима и смеховая стихия карнавала как разновидности праздничной культуры, в которой сложно переплетаются друг с другом сакральное и профанное начала. Не случайно смех, его природа и особое место в культуре привлекали внимание исследователей. В их числе – М. М. Бахтин, его концепция смеховой культуры до сих пор является достижением философской мысли. Справедливо отмечая амбивалентность смеха, его противоречивую способность: отрицая – утверждать, уничтожая – воскрешать, М. М. Бахтин пишет: «Целый необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьёзной (по своему тону) культуре церковного и феодального Средневековья. При всём разнообразии этих форм

и проявлений – площадные празднества карнавального типа, отдельные смеховые обряды и культы, шуты и дураки, великаны, карлики и уроды, скоморохи разного рода и ранга ... – все они, эти формы, обладают единым стилем и являются частями и частицами единой и целостной народно-смеховой, карнавальной культуры [1, с. 6]».

В западноевропейской культуре неотъемлемой частью зрелища в народном смеховом творчестве на протяжении многих веков является карнавальная традиция. На примере Королевства Бельгия мы видим особое отношение к карнавальным традициям, с их национальным колоритом и идентичностью. Бельгия, состоящая из трёх этноязыковых регионов (фламандское сообщество, валлонское и немецкое), занимает важное место в пространственно-временном континууме европейской культуры, находясь на стыке четырёх соседних государств.

Народная карнавальная традиция здесь имеет глубокие исторические корни, донёсшие до нашего времени всю красоту действия в её яркости восприятия, уникальности народно-шутовых образов персонажей. Ежегодно в Бельгии, являющейся, по сути, поликультурным обществом, но где, однако, ряд норм, ценностей и образцов концентрируется в пределах языковых сообществ, проводится около тридцати карнавальных празднеств, уходящих своей историей в Средневековье. «Средневековье, не допустив смех ни в одну из официальных областей жизни и идеологии, предоставило ему зато исключительные привилегии на вольность и безнаказанность вне этих областей: на площади, во время праздников, в рекреативной праздничной

литературе. И средневековый смех сумел широко и глубоко использовать эти привилегии [1, с. 81]». Так, в городе Мальмеди (Malmedy) провинции Льеж (Liège) ещё в 1459 году в архивных документах упомянут карнавал “Swarmê”, и есть все основания рассматривать его в качестве яркого примера карнавально-фольклорной идентичности Валлонии, её языковой диалектной особенности, использующейся в инсценировках и церемониях, в названии персонажей и масок.

Ещё одной разновидностью традиционно-обрядовых праздников, распространённых в провинциях Валлонии с XVI века, является торжество в честь четвёртого воскресенья Великого поста – Летары (Laetare; от слов начального псалма «Радуйся, Иерусалим» – “Laetare Jerusalem” (Пс. 121: 1)). Духовенство осуждало смехотворчество, тем не менее в околоцерковном и околопраздничном быту существовали исключения: «... исключительная односторонняя серьёзность официальной церковной идеологии приводила к необходимости легализовать вне её, то есть вне официального и канонизованного культа, обряда и чина, вытесненные из них весёлость, смех, шутку. И вот рядом с каноническими формами средневековой культуры создаются параллельные формы чисто смехового характера [1, с. 83]». Наличие народно-площадных празднеств позволяет обществу воспроизводить культурный геном в близкой для человека форме – смеховой культуре. Переплетения обрядово-зрелищной формы, словесно-смеховых произведений (устных и письменных), формы и жанра фамильярно-площадной речи создают общую картину и целостность перцепции культуры, в её желании со-

хранить свой этноидентичный код. Разнообразие форм смеховой культуры ярко проявляется на главном карнавале Летары в городке Ставлё (Stavelot) провинции Льеж.

Невозможно представить какое-либо карнавальное шествие без обилия масок, присущих исключительно конкретному, самобытному карнавальному празднеству. Их разнообразие всегда материализовано в некие конкретные формы, связанные с необходимостью выражения отношения к тому или иному событию праздника посредством закодированных символов.

Одна из отличительных функций масок в карнавале – преобладание гротескового элемента над воплощением абсолютного зла, символическое выражение бунтарства или протеста. Здесь уместно обратиться к следующему суждению М. М. Бахтина: «Маска связана с радостью смен и перевоплощений, с весёлой относительностью, с весёлым же отрицанием тождества и однозначности, с отрицанием тупого совпадения с самим собой; маска связана с переходами, метаморфозами, нарушениями естественных границ, с осмеянием, с прозвищем (вместо имени); в маске воплощено игровое начало жизни, в основе её лежит совсем особое взаимоотношение действительности и образа, характерное для древнейших обрядово-зрелищных форм. Исчерпать многосложную и многозначную символику маски, конечно, невозможно. Нужно отметить, что такие явления, как пародия, карикатура, гримаса, кривляния, ужимки и т.п., являются по своему существу дериватами маски [1, с. 48]».

Справедливость данного суждения ярко проявляется в образе главного пер-

сонажа Блэ Мусси (Blanc Moussi – в переводе с валлонского языка означает ‘одетый в белое’) из карнавального кортежа городка Ставлё. Благодаря оригинальности его костюма и маски мы познаём историческое значение его появления в ряду других героев карнавальных традиций Бельгии.

Появление новых культурных форм и их интеграция в уже существующее культурное наследие, передающееся из поколения в поколение, демонстрирует, на наш взгляд, одну из важнейших особенностей культурогенеза. «Сущность культурогенеза заключается в процессе постоянного самообновления культуры не только методом трансформации уже существующих форм и систем, но и путём возникновения новых феноменов, не существовавших в культуре ранее [4, с. 264]». Так, аффилиация и последующее появление «Фольклорного Братства Блэ Мусси» (La Canfrèrie Folklorique des Blancs Moussis) и «Почётного рыцарства» (Chevalerie d'Honneur) [7, с. 163] являются ярким и характерным подтверждением процитированного высказывания А. Я. Флиера.

Прародителем создания двух этих сообществ стал Вальтер Фостьи (Walter Fostier) [8, с. 13], журналист, автор передач о туризме бельгийского национального радио (l'INR), с идейной подачи которого они и были организованы. Важной задачей данных сообществ является сохранение традиций Блэ Мусси, развитие туризма и экономики городка Ставлё, а самое главное – продвижение идеи братства и равенства людей благодаря фольклорным традициям [3]. Самобытность народного карнавального празднества на примере Летары в городке Ставлё и аф-

филиация в виде фольклорного братства есть квинтэссенция культурно-творческих особенностей карнавальных традиций Бельгии.

Особого внимания заслуживают пассивность и самоорганизация в ассоциации по подготовке и проведению народных празднеств в Бельгии (*comité des fêtes*), которые являются в определённой степени индикатором социальной зрелости общества, его стремления сохранять и развивать народные традиции.

Необходимо отметить ещё одну значимую особенность карнавальных традиций Бельгии – роль государства как субъекта деятельности по поддержке и сохранению в обществе национального культурного наследия. Во-первых, это – возможность получения субсидий для оргкомитетов (*comité des fêtes*) на организацию, координацию и проведение такого рода мероприятий; во-вторых, это тот факт, что в период карнавальных празднеств на государственном уровне объявляются ежегодные карнавальные каникулы не только в учебных заведениях, но

и в некоторых государственных органах как регионального, так и национального уровня.

На протяжении становления и развития Королевства Бельгия культура являлась способом творческой самореализации потенциала человека, его отношения к миру и к самому себе. «Вне культуры человек не может осуществить себя в качестве человека, реализовать свой духовный потенциал. Но в конечном счёте ценность культуры есть производное от самооценности человек [2, с. 15]».

Современное отношение к народным площадно-смеховым традициям в Бельгии, благодаря социально-гражданской активности и государственной поддержке, демонстрации важности народно-шутовых образов карнавальных героев, мотивирует на создание крепкого базиса социума для дальнейшего развития и укрепления в сознании общества необходимости сохранения и приумножения культурного наследия в его самой яркой и театрализованно-зрелищной форме, такой как карнавал.

Примечания

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. Москва : Художественная литература, 1990. 543 с.
2. *Культурология : учебное пособие / отв. ред. А. А. Радугин.* Москва : Центр, 2001. 303 с.
3. Официальный сайт: *Confrérie Folklorique Des Blanc Moussis.* URL : [http://:www.blanc-moussi.com/](http://www.blanc-moussi.com/) (дата обращения: 10.12.2016).
4. *Флиер А. Я.* Культурология для культурологов. Москва : Академический Проект, 2000. 460 с.
5. *Хёйзинга Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах. Москва : Прогресс : Культура, 1995. 416 с.
6. *Шибяева М. М.* Проблемы художественного образования в социокультурных реалиях // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (58). С. 250–254.
7. *Confrérie Folklorique Des Blanc Moussis.* Petite et grande histoire. La Bibliothèque Royale de Belgique sous le n°D. 1987/282860/8
8. *Lefebvre P.* Stavelot. Cinq siècles de légende du Laetare. Edition Weyrich. 2012.

References

1. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [Francois Rabelais's creativity and national culture of the Middle Ages and Renaissance]*. Moscow, Publishing house "Imaginative literature", 1990. 543 p.
2. Radugin A. A., ed. *Kul'turologiya [Culturology]*. Moscow, Publishing House "Centr", 2001. 303 p.
3. Official site: Confrérie Folklorique Des Blanc Moussis. Available at: <http://www.blanc-moussi.com/> (accessed: 10.12.2016).
4. Flier A. Ya. *Kul'turologiya dlya kul'turologov [Culturology for culturologists]*. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2000. 460 p.
5. Kheizinga I. [Huizinga Johan] *Osen' srednevekov'ya. Issledovaniye form zhiznennogo uklada i form mysbleniya v XIV i XV vv. vo Frantsii i Niderlandakh [Autumn of the Middle Ages. Study of the forms of life and forms of thinking in the fourteenth and fifteenth centuries. In France and the Netherlands]*. Moscow, Progress Publishers, 1995. 416 p.
6. Shibaeva M. M. Problems of artistic education in the socio-cultural realities. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2014, no. 2 (58), pp. 250–254. (In Russian)
7. Confrérie Folklorique Des Blanc Moussis. Petite et grande histoire. La Bibliothèque Royale de Belgique sous le n°D. 1987/282860/8
8. Lefebvre P. Stavelot. Cinq siècles de légende du Laetare. Edition Weyrich. 2012.

*

«ПАМИРСКАЯ» ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ПАМИРСКИХ ЭТНОСОВ В ТАДЖИКИСТАНЕ

УДК 316.347(575)

Д. Ш. Назархудоева

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается специфика положения малых этнических общностей Памира на территории Республики Таджикистан в современных условиях. Особое внимание в статье уделено этнической самоидентификации молодёжи. Отмечено также, что комплекс отличительных черт, свойственных малым народам Таджикистана, в силу объективных причин затрудняет их полномасштабную интеграцию в таджикское общество и способствует нарастанию непонимания во взаимоотношениях между таджиками и малыми народами, проживающими на территории Таджикистана. Выявлены и другие факторы, которые могут иметь разнонаправленный характер и как способствовать интеграции памирских этнических групп в таджикское общество, так и влиять на его дезинтеграцию. По итогам анализа ситуации с этнической самоидентификацией малых этносов в Памирском регионе предлагаются мероприятия, проведение которых будет способствовать снижению распространённости националистических и шовинистических настроений среди населения Памира, особенно среди молодёжи и подростков.

Ключевые слова: культура, малые народы, таджики, традиции, этническая идентификация, этническая общность.

D. Sh. Nazarkhudoeva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

“PAMIR” IDENTITY AND INTEGRATION ISSUE OF THE PAMIR PEOPLES IN TAJIKISTAN

In this article the specificity of the situation of small ethnic communities of the Pamirs in the territory of the Republic of Tajikistan in modern conditions is considered. According to the results of the analysis of the sociological research in the Pamir region a significant increase of interest from representatives of these ethnic communities to preserve their national identity is revealed.

НАЗАРХУДОЕВА ДАВЛАТСИЛТОН ШАРОБОВНА – аспирантка кафедры истории, истории культуры социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

NAZARKHUDOEVA DAVLATSILTON SHAROBVNA – doctoral student of Department of history, cultural history, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: davlatsulton@mail.ru
© Назархудоева Д. Ш., 2017

Special attention is paid to the situation of ethnic self-identification among the youth. Also there is observed that the complex of distinctive features characteristic of small ethnic groups of Tajikistan, due to objective reasons, hinders their full integration in Tajik society and contributes to the growth of misunderstanding in the relations between Tajiks and small Nations living on the territory of Tajikistan. Other factors that may have a diverse character and how to facilitate the integration of the Pamir ethnic groups in Tajik society and to influence its disintegration are identified. According to the results of the analysis of ethnic identity of small ethnic groups in the Pamir region activities that will help to reduce the prevalence of nationalistic and chauvinistic sentiments among the population of the Pamirs and in particular among youth and adolescents are offered.

Keywords: culture, ethnic minorities, the Tajiks, traditions, ethnic identification, ethnic community.

Для цитирования: Назархудоева Д. Ш. «Памирская» идентификация и проблема интеграции памирских этносов в Таджикистане // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 109–115.

В современной науке понятие этнической идентификации используется для обозначения устойчивых характеристик личности, посредством которых индивид фиксирует своё членство в конкретной этнической общности. Более точная характеристика этнической идентификации предполагает ещё и учёт таких параметров, которые обозначают уровень связи личности с этой общностью и ограничивают личность от иного социального окружения.

Значимость этнической идентификации для малых народов в условиях глобализации постоянно возрастает, поскольку растёт риск утраты ими национальной самобытности. Всё сказанное в полной мере может быть отнесено к малым народам – этническим группам Памира, среди которых шугнанцы, рушанцы, баджувцы, ишкашимцы, ваханцы и т.д., а их общая численность составляет всего 212 тыс. чел. [3].

Следует отметить, что этнические сообщества Памира отличаются от «классических» таджиков с точки зрения религии, языка и этнической принадлежности. Подавляющее большинство па-

мирских сообществ являются мусульманами-шиитами исмаилитами, тогда как большинство таджиков – мусульмане-сунниты [5, с. 147–159].

Вместе с отличающейся от большинства таджиков религиозной принадлежностью этнические сообщества Памира различаются ещё и этнической, языковой и культурной компонентами. В Памире говорят на разных языках, среди которых Shughni, Bajuwi, Rushani, Bartangi, Roshorvi, Khufi, Sarikoli, Yazghulami, Wakhi и Ishkashimi [5, с. 147–159].

Кроме того, все эти языки имеют многочисленные диалекты, так что люди, говорящие на одном и том же языке, зачастую имеют проблемы в понимании друг друга из-за разного диалекта. Лингвистические, культурные и этнические различия среди памирских людей делают их уникальными, это разнообразная этническая группа, которая стоит особняком от населения Таджикистана.

Итоги исследования, проведённого на территории Горного Бадахшана в марте 2014 года (основной состав респондентов составили молодые люди и подростки), позволили прийти к выводу

о том, что основополагающее значение в процессе выбора этнической принадлежности играет большое количество факторов, это и знание родного языка, и этническое окружение, а также этнокультурная среда [3].

Анализируя ответы респондентов, главную роль в этнической идентификации необходимо отдать религии, культуре и языку. Среди остальных составляющих (в различных комбинациях) – традиции, обычаи, образ жизни, одежда, внешний вид, характер, отношение, менталитет, образование, философия, отношения, область расселения, род.

Наряду с утилитарными мотивами, стремление к идентификации с представителями коренных народов можно объяснить переоценкой отношения малых народов к своей этничности. В то же время полученные данные позволяют предположить, что связь с этнической культурой и языком, а также религиозная принадлежность составляют основополагающую систему ценностей нового поколения.

В настоящее время межнациональные отношения в Горном Бадахшане в большей степени характеризуются стабильностью и гармоничными взаимоотношениями между различными этническими группами. В ходе опроса, проведённого в 2014 году, посвящённого изучению национального сознания (возрастная выборка от 15 до 75 лет, $n = 300$) [3], была определена составляющая этнической идентификации, которая характеризует сознание представителей основных этнических групп Памира.

Опрос проводился методом формального интервьюирования людей, при помощи регионализационной многосту-

пенчатой выборки, репрезентативность которой составило соблюдение пропорций между этническими группами, проживающими в населённых пунктах Памира разного типа, группами по полу и возрастной структуре населения.

Согласно данным по всей выборке населения Памира, главными индикаторами этнической идентификации являются религиозная принадлежность (88,9%) и язык (86%), далее следуют традиции и обычаи (72,5%), национальная культура (64%) и этническая идентификация (52,6%) [3]. Территориальная составляющая, как компонент национального сознания, находится на последнем месте – 43% [3]. Думается, это вызвано прежде всего миграционными потоками из Памира. И на предпоследнем месте – этническая самоидентификация родителей (48%) [3].

Несмотря на различные компоненты, составляющие этническую идентификацию народов Памира, везде отмечаются достаточно высокие её показатели, что говорит о трепетном отношении памирцев к сохранению своей культуры, традиций и жизненных устоев.

Результаты исследования позволили выявить укрепление особой составляющей идентификации, которая отражает плотную связь между идентичностью, религиозной и языковой принадлежностью и соблюдением традиций, присущих той или иной этнической группе жителей Памира.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о серьёзной значимости традиционности для народов Памира, об их осознанности и преданности религиозной и языковой принадлежности, а также о необходимости продемонстри-

ровать знание не только культуры, но и традиций этнического сообщества.

Анализ ответов респондентов разного возраста относительно оснований национальной идентичности позволил сделать вывод о том, что при аналогичных пропорциях нижней границы рейтинга составляющих национальной идентификации выявляются некоторые изменения.

Так, для молодых людей больше выражена роль национальной культуры (75,2%; 62,3% – в старшей возрастной группе, 56,8% – в группе среднего возраста), а также важность уважения национальных традиций (71,9% против 65,7% в средней группе и 54% в старшей) [3].

Среди респондентов среднего возраста наиболее выраженной является область владения знаниями национального языка (77,9%, 64% – в старшей возрастной группе, 52,8% – в самой молодой возрастной группе), а также для опрошенных в возрасте 50–75 лет важной является определённая национальность родителей (39,1%, 31,4% – средняя группа, 30,3% – младшая возрастная группа) [3].

Следует отметить, что повышение значимости соблюдения традиций своей этнической группы связано с динамикой молодёжных мнений. В этой группе усиление роли традиций и этнической идентификации находит своё отражение в увеличении доли выборов этой позиции на 10,2%, а вот укрепление позиции «территория, принадлежащая той или иной этнической группе» – отмечается во всех возрастных группах [3].

Таким образом, для людей Памира всех возрастов важную роль играет «своя» территория.

Для определения себя в качестве представителя конкретной этнической

общности наиболее важным критерием является религиозная принадлежность, знание конкретной национальной культуры и осознание своей принадлежности к определённой языковой группе.

Основанием для определения национальной идентичности для старшего поколения в большей степени, чем для опрошенных среднего и младшего возраста, является гражданство родителей. Для молодых людей более важным, чем в других возрастных группах, является факт соблюдения обычаев и традиций, а также особенности национального образования.

Этнонациональная, этническая самоидентификация – первичный и основной признак самосознания малых коренных народов, без которого этничность может частично, а может и полностью денационализироваться и даже исчезнуть. Самоидентификация и есть скрепляющая основа этнической общности, её субъективного самоощущения и самосознания.

Анализ результатов проведённого исследования позволяет прийти к выводу о том, что главное внимание в данном процессе необходимо уделить языковому развитию этнических групп, возрождению и сохранению культурных ценностей народов, населяющих Памир, знакомству различных этнических групп с их родной культурой, традициями и ритуалами.

Акцент этой работы должен быть перемещён в сторону молодого поколения, как раз проходящего стадию формирования своей этнической идентификации. Наиболее продуктивен процесс передачи языковых традиций от старшего поколения к младшему, что, согласно исследованиям, имеет большое значение для памирской молодёжи.

Динамический показатель ответов опрошенных свидетельствует об увеличении значимости родной области как территории, имеющей свои границы (как своего рода материальное воплощение), о важности принадлежности именно к «своей» территории, знакомства и умения соблюдать традиции своего народа.

Этническая идентификация может выступать двигателем развития не только культуры, но и экономики, причём как отдельных регионов Памира, так и Республики Таджикистан в целом. Используя многообразие национальных особенностей Таджикистана и межнациональную кооперацию, можно создавать и продвигать национальные и региональные этнокультурные бренды, развивать этнотуризм и предлагать огромное количество других этнокультурных проектов.

Однако есть и негативная сторона – национализм. Для того чтобы дать оценку вероятности возникновения националистических настроений, выявить степень сформированности этнической идентификации, определить распространённость сепаратистских идей и, наоборот, объединительных настроений респондентов на Памире, опрошенные должны были выбрать одно выражение из списка предложенных: «Я никогда не забываю о том, что я таджик (ваханец, шугнанец, рушанец и т.д.)»; «Мы все только клетки одного большого организма»; «Кто не с нами – тот против нас»; «Правительство Республики должно делать больше для обеспечения прав коренных народов»; «Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей этники»; «Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то этнической группы» [3].

Так, респонденты отдавали предпочтение выражению, показывающему сформированность этнической идентификации: «Я никогда не забываю, что я таджик (ваханец, шугнанец, рушанец и т.д.)» (43,8%).

Следующие по шкале популярности выражения показывают единство установки – «Мы все только клетки одного большого организма» (16,5%). 18,9% опрошенных выбрали выражение, указывающее на присутствие установок на этническую идентификацию: «Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей этники». 12,6% респондентов считают, что современному памирцу не обязательно чувствовать себя частью этнической группы, 3,7% респондентов считают, что Правительство Республики Таджикистан должно делать больше для обеспечения прав коренных народов, а также 4,3% – показали откровенно националистическую установку – «Кто не с нами, тот против нас» [3].

Основную тревогу всё также вызывают националистические настроения молодёжи: именно в данной возрастной категории отмечается максимальная доля (7,4%) согласных с выражением «Кто не с нами, тот против нас», а также осознанность повышения уровня информированности о потребности в развитии чувства этнической принадлежности (22,2%). В то же время у респондентов в возрасте старше 50 лет преобладают те, кто никогда не забывает о своём национальном происхождении (46,7%), в возрасте от 30 до 49 лет таких респондентов 44,7%, в возрасте от 15 до 29 лет – 37,6% [3].

Несмотря на небольшое снижение распространённости националистических настроений среди молодых памир-

цев (хотя мы считаем, что следует выделить данный процент, так как речь идёт об особо «хрупких» границах межэтнических отношений, и даже статистически незначительные колебания в социальных настроениях респондентов могут указывать на необходимость модификации методов работы с населением), необходима реализация программ патриотического воспитания молодых людей.

Требуется больше внимания уделить основам межкультурного общения, ознакомлению молодёжи с историей межэтнических отношений, которые на протяжении многих веков формировались на принципах мирного сосуществования, взаимного обогащения и социально-экономической необходимости конструктивного диалога между представителями различных культур.

Примечания

1. Аронов А. А. К вопросу о ментальности отечественной культуры: развитие рывками // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (63). С. 38–45.
2. Добрынина В. И., Колесникова И. В., Кальченко А. Г. Современные межпоколенные взаимодействия и их роль в условиях преемственности культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (63). С. 91–95.
3. Сайт агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://www.stat.tj/ru/> (дата обращения: 10.06.2015).
4. Салтыкова М. В. Концепты идентичности в этнофункциональной системе воспитания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 225–231.
5. Таджики: история, культура, общество : [сборник статей] / Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Институт исмаилитских исследований ; [сост. Р. Р. Рахимов ; отв. ред. М. Е. Резван]. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2014. 542 с.
6. Тихонова В. А. Глобализация и проблемы культурно-национальной идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (65). С. 22–26.
7. Тихонова В. А. Национально-культурные традиции и духовное развитие общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (58). С. 52–57.
8. Dodykhudoeva Leila R. Ethno-cultural heritage of the Western Pamirs. *Sat. Antropol.* 28 Supplement. 2004, no. 1, pp. 147–159.

References

1. Aronov A. A. About a problem of mentality of Russian culture: development by spurts. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 1 (63), pp. 38–45. (In Russian)
2. Dobrynina V. I., Kolesnikova I. V., Kalchenko A. G. Modern inter-generational interactions and their role in the conditions of continuity of culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 1 (63), pp. 91–95. (In Russian)
3. Statistical agency under the President of the Republic of Tajikistan. Available at: <http://www.stat.tj/ru/> (accessed: 10.06.2015).
4. Saltykova M. V. Identity concepts in an ethnofunctional educational system of the language per-

sonality. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 2 (64), pp. 225–231. (In Russian)

5. Rakhimov R. R., compiler *Tadzhiki: istoriia, kul'tura, obschestvo* [Tajiks: history, culture, society]. St. Petersburg, Publishing House of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), 2014. 542 p.

6. Tikhonova V. A. Globalization and problems of cultural and national identity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 3 (65), pp. 22–26. (In Russian)

7. Tikhonova V. A. National cultural traditions and spiritual development of society. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2014, no. 2 (58), pp. 52–57. (In Russian)

8. Dodykhudoeva Leila R. Ethno-cultural heritage of the Western Pamirs. *Sat. Antropol.* 28 Supplement. 2004, no. 1, pp. 147–159.

*

АКРАМ ХАН И ОБРЕТЕНИЕ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИНДИЙСКОГО ТАНЦА

УДК 7.01:790.3(540)

О. В. Рыжанкова

Краснодарский институт культуры и искусств

В статье предпринята попытка анализа взаимодействий существующих культурных и художественных традиций в процессе эволюции индийского танца в контексте глобализации и культурной модернизации. Рассматриваются основные виды индийского танца в связи с культурными изменениями под влиянием цивилизационных альтернатив «Запад – Восток». В работе исследуется специфика языка индийского танца, берущего свое начало от кочевых бардов Катхакарс Древней Северной Индии. Автор прослеживает трансформацию языка и кодов традиционной культуры (традиционного танца) в ходе постмодернизации. Преимущественное внимание уделено творчеству и новаторству Акрам Хана. Рассматриваются общие тенденции и конкретные постановки хореографа, элементы его новаторства и делаются обобщения, касающиеся мировоззренческой роли танца, его значения для культурной и социальной идентичности.

Ключевые слова: танец, индийский танец, танец как текст культуры, театр танца, Акрам Хан, глобализация, постмодерн.

O. V. Ryzhankova

Krasnodar State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation
(Minkultury), 40 Years of Victory str., 33, 350072, Krasnodar, Russian Federation

AKRAM KHAN AND THE ACQUISITION OF A NEW IDENTITY THE GENRE OF CONTEMPORARY INDIAN DANCE

In article an attempt of the analysis of interactions of the existing cultural and art traditions in the course of evolution of the Indian dance in the context of globalization and cultural modernization is made. Main types of the Indian dance in connection with cultural changes under the influence of civilization alternatives “West-East” are considered. In work specifics of language of the Indian dance originating from nomadic bards of Katkhakars of Ancient Northern India are investigated.

РЫЖАНКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры истории, культурологии и музееведения факультета дизайна, изобразительных искусств и гуманитарного образования Краснодарского университета культуры и искусств

RYZHANKOVA OLGA VLADIMIROVNA – doctoral student of the Department of History, Cultural Studies and Museology, Faculty of Design, Fine Arts and Humanities Education, Krasnodar State Institute of Culture

e-mail: 5082050@mail.ru
© Рыжанкова О. В., 2017

The author traces transformation of language and codes of traditional culture (traditional dance) during a postmodernization. The primary attention is paid to creativity and Akram Hang's innovation. The general tendencies and concrete statements of the choreographer, elements of his innovation are considered and the generalizations concerning a world outlook role of dance, its value for cultural and social identity become.

Keywords: dance, Indian dance, dance as text of culture, theater of dance, Akram Hang, globalization, postmodern.

Для цитирования: Рыжанкова О. В. Акрам Хан и обретение новой идентичности современного индийского танца // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3 (77). С. 116–125.

В статье предпринята попытка проанализировать возможное взаимодействие существующих традиций и процесса эволюции индийского танца в связи с глобализацией и культурной модернизацией. Фундаментальные и обобщающие научные работы по данной тематике, переведённые на русский язык, практически отсутствуют, поэтому в основу данной статьи положены преимущественно зарубежные источники на английском языке: работы таких авторов, как К. Катрак [8], П. Чакраворти [7], Л. Самсон [5], в которых индийский танец осмыслен с точки зрения ориентализма и интеркультурализма.

Также при изучении творчества Акрам Хана большое значение имеют книги Р. Митры («Акрам Хан. Танцует новый Интеркультурализм» [11]), работы учёного и критика С. Котхари [9], проследившего метаморфозы индийского классического танца Катхак. Большое количество информации, интервью, эссе размещено на официальном сайте танцевальной компании Акрам Хана [2].

В книге «Ориентализм» [4] Саида Эдварда Вади, американца арабского происхождения, учёного, культуролога, литературоведа, предпринята попытка анализа дилеммы «Запад – Восток», ко-

торая вовсе не является малозначимой, так как за ней скрывается философия западного доминирования: Восток многие столетия воспринимался как пассивный, экзотический, духовный, чувственный и нуждающийся в активном, цивилизованном Западе.

Однако в последние годы, вследствие бесконечных попыток деконструкции, этим взаимоисключающим дихотомиям («мы – они») исследователи начали оказывать пристальное внимание.

С появлением исследований диаспор и гибридного пространства, которое придает гетерогенность идентичности, пуританская сегрегация «мы – они» была поставлена под сомнение, а возникшая ситуация создала новые возможности для конструирования идентичности. Был брошен вызов гегемонии ориентализма, основанной на философии онтологического и эпистемологического различия «Востока» и «Запада», латентно содержащего формулу доминирования Запада над Востоком. Крайне интересно, что в условиях современной глобализации можно проследить воссоздание собственной идентичности современными художниками «незападного происхождения», но ведущими свою творческую деятельность на Западе.

Индийский танец, который насчитывает более 2 000 лет, во время британского правления был изгнан из храмов и практически умерщвлен. И. Кришна Айер и Рукмини Деви с момента провозглашения независимости Индии работали над тем, чтобы оживить традиционные формы танца, особенно Бхаратанатьям [3]. Правительство Индии добилось больших успехов в освещении многих малоизвестных региональных исполнительских искусств, которые не были знакомы широким массам [10].

Индийская культура насчитывает множество разновидностей танцевального искусства, в их числе не один, а несколько видов классического танца.

Бхаратанатьям – южный индийский танец, отличающийся наиболее точными и геометрически выверенными траекториями движений, существует более трёх тысяч лет.

Катхакали – юго-западный танец, больше похож на танцевальную драму, так как имеет много элементов театрального искусства.

Кучипуди, возникший в седьмом веке до нашей эры, отличается сдержанными движениями и быстрым ритмом.

Мохиньяттам – женственный танец, наполненный грациозностью, в нём много раскачивающихся движений.

Манипури – танец Северной Индии, имеет несколько ответвлений.

Одисси, танец из Восточной Индии, содержит в себе два характерных аспекта: разговорный и танцевальный.

Катхак – одна из семи форм индийского классического танца, берущая начало от кочевых бардов Катхакарс Древней Северной Индии. Но кодифицирован и признан как форма классического ин-

дийского танца Катхак был лишь в XX-м веке. До этого в Катхак оставалось много пространства для импровизации, так как эта форма танца не имела кодифицированного лексического языка. Сейчас он содержит следы храмового и ритуальных танцев. Реджиналд Мессе считает, что Катхак имеет «сказительные» корни, так как перевод «катха» с санскрита означает ‘рассказ’, а «каттхака» переводится как ‘тот, кто рассказывает истории’ из двух индийских эпосов – Рамаяны и Махабхараты.

Катхак имел твердые религиозные традиции в вишнуитскую эпоху, очень популярна была тема Кришны, в частности тема любви Радхи и Кришны. Также прослеживается, что в прошлом в традициях было взывание к божеству, обычно – к Ганеше, Сарасвати, Дурге или Шиве. Но оно вышло из употребления при дворе, заменившись на приветствие набоба или придворных.

Однако отсутствие жёсткой привязанности к храмовым традициям и ритуалам не дало этому стилю угаснуть и исчезнуть окончательно. Отчасти лишенный интеллектуальной и эстетической поддержки, как классический вид искусства и наделенный социально-развлекательной целью, Катхак продолжил развиваться вне храмов [5]. Сегодня учёными признано двойное наследие индийских и исламских традиций. Этот культурный синкретизм отличает Катхак от других форм индийского танца [11].

В Катхаке чистый танец, или Нритта, с его ритмичными переборами стопами, занимает основное место. В первую очередь это соло, в котором позвоночный столб исполнителя находится в вертикальном положении, а жесты рук более

широкие. Скорость работы ног, пируэты, уверенная, твёрдая стойка на обеих ногах – всё это особенности Катхак.

Скорость и неподвижность очень органично чередуются в этом стиле танца, эмоциональная выразительность отличается ярким наполнением, так как с помощью неё повествуется определенные сюжеты. С одной стороны, покой и гармония, самоконтроль, с другой – вихрь в виртуозном техническом мастерстве танцовщика. После приветствия, исполняемого в начале танца в медленном темпе, с чувством религиозного поклонения, танцор исполняет Тхаат, что в переводе означает изящную манеру держаться, фигуру, полную величественного спокойствия. Потом танцор украшает эту позу мельчайшими плавными движениями глаз, бровей, запястий, рук и груди. При виртуозном исполнении эти движения столь незаметны, что создают ощущение покоя и единства формы.

В Катхаке нет чёткого порядка представления сюжетов, но есть набор композиций, из которых танцор может выбирать, в какой последовательности их выстраивать. Катхак, как правило, исполняется в сопровождении Табла – североиндийского ударного инструмента, и колокольчиков Гхунгра, которыми танцовщики обматывают лодыжки своих ног.

Ритмы Катхака, которые выстукиваются ногами, имеют абсолютную математическую точность, которой танцовщики обучаются годами и подолгу совершенствуют свои навыки. В Таткааре (выбивании ритмов ногами) важен не просто самоконтроль, неподвижность верхней части корпуса и чёткое выбивание ритма, но и совершенный контроль над звучанием, чередованием громких и мягких ударов.

Катхак всегда считался воплощением красоты и воспринимался как вид искусства. Сегодня он утратил свой первоначальный смысл «повествования», сменив его на внимание к профессиональному техническому мастерству танцовщика.

Один из самых известных хореографов современности – британец бангладешского происхождения Акрам Хан является наиболее известным танцовщиком и постановщиком в мире современного танца. Он – один из немногих выходцев из национальных диаспор, кому удалось занять столь значимое место в современном танцевальном сообществе. История его успеха уникальна и заслуживает пристального внимания.

Акрам Хан создал танцевальную компанию, которая внесла значительный вклад в искусство Великобритании и за её пределами. Однако в русской искусствоведческой литературе творчество этого хореографа ещё не осмыслено систематически, о чём свидетельствует отсутствие статей и монографий, специально посвящённых творчеству этого крупнейшего новатора танцевального искусства современности.

Один из ведущих специалистов в этой сфере – Кету Катрак считает, что в основе практики А. Хана лежит не формалистический, а содержательный подход, посвящённый нюансам в жизни диаспоры: хореограф выносит на сцену жизненные проблемы людей, чьи «обложки паспорта отличаются по цвету» (в чём он заключается?). Этот социальный подтекст, по его мнению, отличает А. Хана от его британских и азиатских коллег.

А. Хан начал изучать хореографию в возрасте семи лет в Национальной академии индийского танца в Лондоне (NAID)

с гуру Шри Пратап Павар. Затем окончил школу современного танца в Лидсе. В детстве Хан принимал участие в спектакле «Книга Джунглей» Рави Шанкара. Впервые он вышел на сцену в возрасте 14 лет в легендарной постановке Питера Брука «Махабхарата» [6], с которой гастролировал по миру. В течение этого периода, как отмечает А. Хан, он «узнал много подсознательно» [2].

А. Хан разработал уникальный способ исполнения и постановки Катхак – как извлечение его из первоначального состояния и помещение его в современные рамки.

Процесс перевода древнего танца на современный язык потребовал особого погружения в прошлое, а также обоюдострый взгляд из прошлого в настоящее и из настоящего в прошлое. Осваивая современный язык танцевального искусства, хореограф со своими танцовщиками занимается самыми распространенными техниками: классическим балетом, техниками Марты Грэм, Хосе Лимона, техникой Release.

Ройона Митра считает важным – для определения новизны в интеркультурализме А. Хана – разграничить понятия между существительным «интеркультурализм» и прилагательным «межкультурный». «Поликультурность» представляет собой концептуальное, процессуальное, воплощенное жизненное состояние, возникшее из-за принадлежности к многочисленным культурам, нациям и вероисповеданиям. Сам же Акрам Хан считает термин «поликультурность» необходимым для художников, для того чтобы найти способ противодействия доминированию официально утвержденного мультикультурализма.

Творческий процесс Хана включает «знакомство» танцоров с техникой Катхак. Танцовщики внедряют индийский танец в свой стиль танца: современный, народный, классический, и в результате в импровизации рождается новый язык, в котором сложно отделить современный танец от Катхак. Рождается диалектика времён, стилей, разное становится одним целым.

А. Хан и его хореография находятся в «пограничном» состоянии – между современным и индийским танцем, этническими группами, национальностью и географией. О «пограничном» состоянии А. Хан говорит в спектакле «Ноль градусов»: находясь на пограничном паспортном контроле, оказавшись человеком «с другим цветом корочки паспорта», чем общая масса людей, ты находишься посередине между «хорошей жизнью и плохой», как между жизнью и смертью, и только работник таможенного контроля с надменным лицом решает здесь и сейчас твою судьбу.

Стиль А. Хана сочетает в себе абстрактные движения с рассказом, наполненным символизмом. Ему интересно различие реальности и иллюзии, использование языка чисел и математики, потому что в северной и южной индийской музыке и танце математика играет важную роль. Если в современном танце геометрические и географические структуры возникают по отношению к телу и пространству там, где математика появляется, то в индийском танце математика приходит из музыки.

Спектакль Хана “Polaroid Feet” (2001) начинается с исполнения кельтской музыки под Катхак, в котором танцовщик и исполнитель, играющий на Табла, вза-

имодействуют в диалоге друг с другом. После этого следует эпизод Ардхана-решвара, появления бога Шивы, наполовину мужчины, наполовину женщины, что выражает метафору сотворения. Далее Анандам – эпизод радости, блаженства, финальная часть, которая представлена Тараной (ритмический танец в стиле Катхак), так же как Тиллана [1] в Бхаратанатьям представляет истинное наслаждение от ритма и движения.

Спектакль “Ronin” (2003) показывает духовную борьбу Аржуны и диалог с богом Кришной об убийстве его собственной семьи (как рассказано в «Бхагавадгите»). Кришна призывает Аржуну выполнить свой долг и осознать, что истинная битва – эта та битва, что ведётся только за свою собственную душу.

Спектакль “Ma” (2005) создан в сотрудничестве с английским писателем Ханифом Куреиши и рассказывает историю «девушки, которая росла, чтобы стать женщиной», но не могла иметь ребенка. Она молится Богу, но Бог говорит ей, что семена, которые она посадила и взрастила, эти деревья и есть её дети, потому как она себя ощущает по отношению к ним как мать к своим детям.

Спектакль “Zero degrees” («Ноль градусов») создан совместно с танцовщиком Сиди Ларби Шеркуи и скульптором Энтони Гормли. А. Хан считает “Zero degrees” своей самой важной работой. Оба танцора – мусульманина, выросшие в Европе, вдохновленные одинаковой идентичностью, в спектакле задаются вопросом о «ядре жизни»: где всё берёт своё начало и где всё заканчивается? Сам спектакль есть постоянный поиск. Актёры ищут центр между двумя крайностями: жизнь – смерть, свет – тьма.

«Ноль градусов» – это впечатление А. Хана от его поездки по Индии и Бангладеш в компании с другом, где он стал свидетелем трагедии – в поезде умирал мужчина, и Хан был под глубоким впечатлением от того, что члены его семьи посоветовали ему не помогать жене умирающего человека, потому что он, как гражданин Великобритании бангладешского происхождения («иностранный свидетель»), должен избегать возможных бюрократических препон. Хореография Хана подчёркивает иронию положения человека, находящегося в родной стране, но утратившего принадлежность к ней.

В спектакле есть текст, где Хан вспоминает пограничный контроль, который свидетельствует о силе паспорта при идентификации личности и о том, как его отсутствие может превратить личность в никого. Артисты находятся на сцене на разных физических уровнях – Хан вертикально, Ларби на полу. Района Митра отмечает, что движения Хана обретают женственный характер, становятся мягкими, покорными, напоминающими рассказ о жене умирающего в поезде мужчины, напрасно просящей о помощи.

Постмодернистская интертекстуальность рассказа Хана глубоко ранит, показывая, что традиции и принципы постмодернизма могут быть органичны в творческом диалоге. Развиваясь между двумя пространствами, спектакль привлекает внимание к тому, что находится между границами, разделяющими личности, национальности и даже – жизнь и смерть.

Спектакль “Sacred monsters” («Священные чудовища») – балет, в котором участвует Хан с известной французской примой Сильвией Гиллем. На сцене, задекорированной бумагой, находятся оба

танцовщика, певица и четыре музыканта. В самом начале спектакля Сильвия сбрасывает с рук тяжёлые железные оковы в знак освобождения от рамок классического танца. Первое соло Гиллем поставил известный тайваньский хореограф Лин Хвай Мин.

В спектакле «Гнозис» (2009) Акрам Хан создаёт современные образы совместно с музыкантами, играющими музыку на традиционных музыкальных инструментах из Индии, Японии и Соединённого Королевства.

Хан черпает вдохновение из «Махабхараты»: Гандхари, преданная, любящая жена принимает решение завязать глаза, чтобы жить одними чувствами со своим слепым супругом. И хотя у неё есть возможность в любой момент избавиться от повязки, она сохраняет её даже во время родов, свадеб и даже смерти своих детей. Зрение и видение становятся метафорами, понятием внутреннего зрения и ощущения.

Спектакль «Ванһок» (2008) в одном постмодернистском действе объединяет танцоров из Тайваня, Южной Кореи, Южной Азии, Испании, Словакии, а также национальный балет Китая. С родного языка Хана, бенгальского, Ванһок переводится как 'носитель'. В контексте произведения танцовщики предстают, прежде всего, не как артисты, а как носители своей культуры, некоторой идентичности. Отвечая на главный вопрос: что есть «Дом», хореограф помещает исполнителей в терминал аэропорта, зону, не имеющую национальности, перекрёсток мира. Через истории, рассказанные танцорами, раскрываются не только характерные черты культуры их стран, но и их характеры, личные истории.

В связи с этим поучительна метафора, которую хореограф предложил в одном из интервью. В своём разговоре с Кету Катраком Хан поведал о личном впечатлении от одной поездки в лифте в Японии. В кабине, где одновременно находился он, гламурная японка в кимоно, африканец в национальной одежде и пара из Европы никто не смотрел друг другу в глаза, никто не произнёс ни слова. Вдруг лифт остановился между этажами, и присутствующие заговорили – каждый на своём родном языке: «Мы общались, нам нужно было разговаривать, так как мы вместе оказались в критической ситуации». Эта ситуация моделируется как пребывание в аэропорту, ведь, как кочевник эпохи глобализации, Акрам Хан проводит много времени в аэропортах и вокзалах [7].

«Вертикальная дорога» занимает место между жизнью и смертью: именно в этом месте дух отделяется от тела. Хан представил танцоров как жителей деревни, как ангелов и духов одновременно. Движения в хореографии напоминали медитативный акт молящегося, например, как у монахов-дервишей в Турции. Он отмечает, что хотел совместить эстетику разных костюмов с юбкой, которая будет открываться как цветок во время танца. Была использована цветовая палитра из различных оттенков земли и песка. Танцовщики были из разных стран, поэтому цвет земли соответствовал регионам этих стран. Выкройки ткани сочетали в себе традиционные европейские и азиатские стили дизайнера, а окончательная картинка костюма сочетает в себе образы как азиатского воина, так и греческой богини. Это отсылка к богу Аполлону, который надевает костюм в роли Бога

войны. Неоднозначность и двойственность костюма характеризует работу в целом [12].

Хореография Хана мультидисциплинарна и межкультурна. Она не только трансформировала современный британский танец, но и вдохновила молодое поколение современных танцовщиков в Индии.

Его хореография и манера работы связывает расы и оказывает неизгладимое впечатление на танцевальное сообщество во всём мире. Района Митра отмечает, что Хан создал новую идентичность жанра современного индийского танца.

Традиционный индийский танец есть нить, которая очерчивает всю траекторию изменений танца в Индии. Одни художники остаются близки к традиционным идиомам, меняя только внешние проявления – костюмы, музыку, другие – трансформируют народный лексический словарь изнутри, добавляя некоторым движениям стиль, создавая новую гибридную работу.

Именно игра с традициями и может дать возможность тому, кто хорошо освоил их формы, повторно осмыслить и традиционную, и современную хореографию. Сама традиционность имеет такую большую глубину и сложность, что она даёт танцору крылья, которые помогают взлетать до самых небес свободы. Это свобода через соблюдение дисциплины, а не свобода от дисциплины.

Интересный парадокс: у традиционной формы индийского танца такие богатые тона и формы, что, «играя» внутри его параметров, можно обрести определённую свободу.

Несмотря на то, что основой всей хореографии Акрам Хана, как правило,

является стиль Катхак, её сложно назвать южно-азиатской. Это обусловлено тем, что эстетика Хана мультикультурна: он сотрудничает с танцовщиками различных диаспор, «обмениваясь» опытом их традиционных танцев, включая танцы народов мира в свою современную хореографию, стремится к изучению и созданию совместно с лучшими людьми разных дисциплин искусства современных уникальных шедевров.

Стилистика его постановок формировалась и возникала под вдохновленностью раннего изучения индийского классического танца Катхак и того гибридного языка, который органично возник, когда Акрам изучал современный танец в подростковом возрасте. Правила были просты: рисковать, думать о великом и смелом, исследовать незнакомое, избегать компромиссов и рассказывать истории через танец, которые являются убедительными, актуальными и обладают художественной целостностью. Акрам Хан сам является мастером подбора тех жизненных стереотипных ситуаций, которые затем превращаются в модели и сюжеты для танцевальных спектаклей и постановок. Компания Акрам Хана производит вдумчивые, провокационные и амбициозные танцевальные проекты для международной глобализированной сцены и публики.

Современный индийский танец имеет быстро развивающийся танцевальный язык с несколькими идиомами на стыке классического индийского танца и западных форм хореографии: джазового танца, танца модерн, постмодернистского танца, боевых искусств, йоги, театрального искусства и современных визуальных технологий. Он отличается от совре-

менного танца на Западе, который имеет другую историю.

История современного индийского танца своими корнями уходит в танец модерн, имеет определенный общественный резонанс, будучи в то же время энергичным, мультидисциплинарным, включает в себя визуальное искусство, эклектичные глобальные звуковые и мультимедийные инструменты.

Развитие этой формы подразумевает, как описывает один из пионеров этого движения Чандра, личное «внутреннее» путешествие, путешествие, которое связывает «промежуточное», очищает реальность, чтобы дать возможность традициям хлынуть свободным потоком в нашу современную жизнь.

Работы Акрам Хана признаются как грамотно созданные языком танца нарративы из эпохи человека-кочевника времён глобализации. Сюжеты и язык хореографии постановок Хана адекватны времени информационной глобализации, которая совмещает архаику и постсовременность, традиционность и модерн, науку и религиозность, дикость, варварство и техноцентризм, цивилизованность. Наряду с содержательной наполненностью и глубиной, спектакли Акрам Хана содержат в себе интимность и эпичность. Постановки Хана как формы внутренне многообразны, сложны, объёмны, многомерны и в то же время – обыденны, приближены к повседневности, чувственны, лично ориентированы.

Примечания

1. Бхаратнатьям [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бхаратанатьям> (дата обращения: 16.04.2017).
2. Официальный сайт компании Акрам Хана. URL: akramkhancompany.net (дата обращения: 17.04.2017).
3. Рыжанкова О. В. Индийский танец в контексте культурной модернизации // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 2 (61). С. 120–124.
4. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006.
5. Самсон А. Ритмы радости: традиции классических индийских танцев: пер с англ. Фестиваль Индии в СССР, 1987. 144 с.
6. Carlson Marvin *Peter Brook's "The Mababharata" and Ariane Mnouchkine's "L'Indiade" as Examples of Contemporary Cross-Cultural Theatre*. *The Dramatic Touch of Difference: Theatre, Own and Foreign*. Tübingen, 1990.
7. Chakravorty Pallabi *Bells of Change: Kathak Dance, Women and Modernity in India*. Calcutta; London; New York: Seagull, 2008. 216 p.
8. Ketu H. Katrak. *Contemporary Indian dance: new creative choreography in India and the diaspora*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2011. 255 p.
9. Kothari Sunil. *Interview with Akram Khan*. Available at: <http://www.narthaki.com> (дата обращения: 16.04.2017).
10. Manish Rai. *Contemporary Classical and Modern Indian Dance*. Available at: http://www.academia.edu/5847946/Contemporary_Classical_and_Modern_Indian_Dance (дата обращения: 16.04.2017).
11. Mitra Royona *Akram Khan: Dancing New Interculturalism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. XVIII. 197 p.

12. Nakano Kimie *Desining costumes for Akram Khan company. Textiles in the performing art*. Edited by Ruth Little, Jamini. Available at: <http://www.akramkhancompany.net/wp-content/uploads/2015/12/Kimie-piece-Jamini-Dec2015.pdf>

References

1. *Bharatnatyam*. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бхаратанатъям> (accessed: 16.04.2017).
2. *Official site of the company Akram Khan*. Available at: akramkhancompany.net (accessed: 17.04.2017).
3. Ryzhankova O. V. The Indian dance in the context of cultural modernization. *Cultural Studies Russian South*. 2016, no. 2 (61), pp. 120–124. (In Russian)
4. Said E. [Said Edward Wadie] *Orientalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]*. St. Petersburg, Information and publishing agency “Russian World”, 2006.
5. Samson Leela. *Rhythm in joy: classical Indian dance traditions*. 1987. 144 c. (In Russian)
6. Carlson Marvin *Peter Brook’s “The Mahabharata” and Ariane Mnouchkine’s “L’Indiade” as Examples of Contemporary Cross-Cultural Theatre’*. *The Dramatic Touch of Difference: Theatre, Own and Foreign*. Tubingen, 1990.
7. Chakravorty Pallabi *Bells of Change: Kathak Dance, Women and Modernity in India*. Calcutta; London; New York: Seagull, 2008. 216 p.
8. Ketu H. Katrak. *Contemporary Indian dance: new creative choreography in India and the diaspora*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2011. 255 p.
9. Kothari Sunil. *Interview with Akram Khan*. Available at: <http://www.narthaki.com> (дата обращения: 16.04.2017).
10. Manish Rai. *Contemporary Classical and Modern Indian Dance*. Available at: http://www.academia.edu/5847946/Contemporary_Classical_and_Modern_Indian_Dance (дата обращения: 16.04.2017).
11. Mitra Royona *Akram Khan: Dancing New Interculturalism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. XVIII. 197 p.
12. Nakano Kimie *Desining costumes for Akram Khan company. Textiles in the performing art*. Edited by Ruth Little, Jamini. Available at: <http://www.akramkhancompany.net/wp-content/uploads/2015/12/Kimie-piece-Jamini-Dec2015.pdf>

*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ АФРИКАНЦЕВ В РОССИИ

УДК 378:316.61(6)

Н. С. Лондаджим

Московский государственный институт культуры

В статье затрагивается проблема адаптации иностранцев в России с учётом этнической группы. С каждым годом всё больше иностранных учащихся приезжает в Россию для получения высшего образования, и каждый иностранный студент объективно проходит процесс адаптации. Представлено описание уровней адаптации африканских студентов к российским условиям. Важным аспектом адаптации иностранцев к новой социокультурной среде является культурный шок, который также проанализирован автором применительно к указанной этнической группе. На основе анализа эмпирического материала предложен тезис о необходимости разработки методов успешного осуществления социокультурной адаптации с целью минимального переживания культурного шока и максимально лёгкой адаптации к чужой культурной среде.

Ключевые слова: культура, социум, адаптация, африканцы, студенты.

N. S. Londadjim

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, Khimki city, Moscow region, Russian Federation 141406

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF AFRICANS IN RUSSIA

In this article the issue of adaptation of foreigners in Russia taking into account an ethnic group is touched. Every year more and more foreign pupils comes to Russia for receiving the higher education and each foreign student objectively passes adaptation process. The description of levels of adaptation of the African students to the Russian conditions is also presented in article. An important aspect of adaptation of foreigners to the new social and cultural environment is cultural shock which is also analyzed by the author in article in relation to the specified ethnic group. On the basis of the analysis of empirical material the thesis about need of development of methods of successful implementation of social and cultural adaptation, for the purpose of the minimum experience of cultural shock and the easiest adaptation to others cultural environment is offered.

Keywords: culture, society, adaptation, students, Africans.

ЛОНДАДЖИМ НГОНИАМ СТЕЛЛА – аспирантка кафедры культурологии и международного культурного сотрудничества социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

LONDADJIM NGONYAM STELLA – doctoral student of Department of cultural studies and international cultural cooperation, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: londastel@yahoo.fr

© Лондаджим Н. С., 2017

Для цитирования: Лондаджим Н. С. Социокультурная адаптация африканцев в России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 126–136.

Любой человек, который оказывается в чужой для него культурной и социальной среде, проходит период адаптации. Именно от успешности протекания этого процесса зависит когнитивное восприятие человеком новой культурной картины мира. Особенно важна социокультурная адаптация, позволяющая человеку освоиться в новой культуре и принять новые ценности и нормы.

В настоящее время высшее образование претерпевает интернационализацию, международные контакты и взаимосвязи между различными странами всё более и более возрастают. По этим причинам очень ценится обучение за рубежом и расширение своих квалификационных навыков. Так, в России обучается по различным программам множество студентов из разных стран. И по этой причине проблема адаптации иностранных студентов в России, в том числе и африканцев, становится всё более актуальной.

От межкультурной адаптации студентов во многом зависит успешность их обучения и становления в качестве эффективных специалистов. Благодаря успешной адаптации студент быстро «вливается» в учебный процесс, повышается качество его подготовки.

Хотелось бы обратить внимание на то, что Россия, по сравнению с прочими европейскими странами, в меньшей степени принимает участие в программах академической мобильности. Но, тем не менее, много иностранцев, и африканцев в частности, обучается в российских вузах в рамках межгосударственных согла-

шений и при помощи межвузовского сотрудничества. При этом они попадают в условия, требующие совмещения учебной деятельности и освоения новых культурных норм. Поэтому на сегодняшний день для проживающих в России иностранцев вопросы социокультурной адаптации к российской действительности становятся первоочередными.

Анализируя процесс социокультурной адаптации, рассмотрим понятие «социокультурная адаптация».

Социокультурная адаптация – это понятие не новое, оно уже достаточно изучено на сегодняшний день российскими и зарубежными учёными. Распространённое понимание адаптационных процессов связано с физическим, физиологическим и социальным приспособлением к новой среде, в которой оказывается чужой человек [1]. В «Новом словаре методических терминов и понятий» указано, что социальную адаптацию следует понимать как процесс приспособления индивида к новым для него условиям жизни, нормам и ценностям, традициям в новой социальной среде [14, с. 24].

В социологии под адаптацией понимают особого рода процесс взаимодействия отдельного человека с группой или целой социальной средой, при прохождении которого этот человек принимает социальные нормы, ценности и традиции той или иной социальной группы [1].

В культурологии, согласно мнению российских учёных Г. В. Драч и Т. П. Матяш, социокультурная адаптация является «итоговым результатом приспособле-

ния отдельных лиц или целых социальных групп к меняющимся природным и социальным условиям путём смены видов социокультурной организации и регуляции, изменения социальных и культурных институтов общества, стереотипов мышления, принятых в данной культуре [10, с. 47]».

Кандидат психологических наук В. Г. Крысько определяет социокультурную адаптацию как сложный процесс, при условии успешного прохождения которого индивид формирует хорошую совместимость с новой культурной средой, принимает её традиции как собственные и применяет их в процессе своей жизнедеятельности [9, с. 185].

Исследовательница А. Гуляева говорит о том, что успешное принятие человеком новой культуры понимается как формирование гармонии с окружением, наличие чувства удовлетворённости и психологического благополучия к душевному здоровью [3, с. 18].

Обобщая все приведённые определения, можно сказать, что процесс межкультурной адаптации – действительно сложный и длительный, без него невозможно нормально жить и работать в новой культурной среде.

Отметим, что особенно сложный период адаптации проходят африканские студенты, попадая в совершенно иную природно-климатическую и социокультурную среду. Рассмотрим некоторые аспекты, которые связаны с адаптацией иностранцев. Так, студенту-африканцу необходимо идентифицировать себя со следующими статусами:

1) в качестве представителя своей страны и носителя своих социокультурных норм, традиций;

2) в качестве молодого человека со своими личностными характеристиками;

3) в качестве студента российского вуза, с точки зрения педагогической среды.

Все африканские студенты являются совершенно уникальными личностями. Именно поэтому у каждого отдельно взятого африканского студента процесс адаптации будет протекать по-особенному, со своими специфическими характеристиками. Для кого-то этот процесс будет протекать быстро и продуктивно, для кого-то – с большими трудностями. В данном аспекте выделяется несколько уровней адаптации:

1) высокий – характеризуется максимально возможным принятием новой социокультурной среды и ассимиляцией с ней;

2) средний – предполагает неполное принятие новой социокультурной среды и проявляется в добровольном принятии обязательных норм новой среды при сохранении собственных норм;

3) низкий – предполагает отказ африканского студента принять новую социокультурную среду, отсутствие желания идти на компромисс.

Высокий уровень адаптации встречается крайне редко. Средний уровень чаще всего наблюдается среди африканских студентов. Низкий уровень также встречается, но редко, и заканчивается в большинстве случаев отъездом недоучившихся студентов на родину.

Существует ещё и другая классификация уровней адаптации иностранных студентов:

• глубокий уровень предполагает наличие структурных изменений у иностранного студента в процессе социо-

культурной адаптации, а именно: изменения претерпевают цели, ценности, мотивации, способы взаимодействия с окружающей средой;

• поверхностный уровень характеризуется отсутствием значительных изменений у иностранного, в частности африканского, студента.

Хотелось бы остановиться в аспекте социокультурной адаптации на существующих концепциях адаптационных стратегий иностранных студентов. Таких концепций две:

- 1) концепция культурного шока;
- 2) W-образная кривая адаптации.

Любой человек, который попадает в незнакомую ему среду обитания, может испытать так называемый культурный шок. Понятие «культурный шок» вошло в обиход с 1960-х годов благодаря трудам американского антрополога К. Оберга (1954). Согласно его определению, культурный шок рассматривается в качестве адаптационного процесса к культурному стрессу, который испытывает человек при попадании в чужую культурную среду, и характеризуется возникновением чувства напряженности, отверженности, тревоги и неполноценности [25, с. 82].

Известный российский социолог и политолог А. Г. Ионин определяет культурный шок как некий конфликт норм и ценностей, которые имеются у человека (сформированы годами) и которые являются новыми (характерными для новой культурной среды) [5, с. 104].

Среди симптомов, характеризующих возникновение культурного шока у человека, хотелось бы выделить такие: отсутствие уверенности в себе и своих силах; постоянное чувство тревожности; беспо-

койство о качестве пищи, воды, чистоте посуды, гигиеничности; наличие чувства страха перед физическим контактом с представителями чужой культуры; возникновение бессонницы; депрессия; попытки самоубийства (в крайне запущенных случаях) [25, с. 33].

Тем не менее, при всех отрицательных характеристиках явления культурного шока, важно заметить, что есть и положительная сторона медали. Она связана с саморазвитием и личностным ростом человека, который испытывает культурный шок и преодолевает его успешно [25, с. 35].

Другими словами, культурный шок можно преодолеть, если приложить определённые усилия. Учёные даже разработали ряд методик, которые помогают минимизировать последствия культурного шока и получить от него только положительные результаты:

- 1) нужно чётко понимать, что возможность возникновения культурного шока присутствует и это нормально;
- 2) важно осознать, что это явление временное, которое при прохождении определённого отрезка времени обязательно исчезнет или минимизируется;
- 3) нужно не настраивать себя изначально негативно в новой социокультурной среде, а наоборот, искать в ней положительные стороны;
- 4) важно наладить контакты с окружающими людьми.

Другие исследователи также предлагают различные способы преодоления культурного шока [см., например: 5, с. 123]. Рассмотрим эти варианты.

Первый способ носит название «геттоизация». Данный вариант используется, когда человек не знает ни языка, ни

вероисповедания, ни прочих культурных особенностей новой социокультурной среды. И, конечно, он пытается как можно реже вступать в контакт с представителями новой среды и с другими её сферами. Чтобы иметь возможность общаться и нормально функционировать, индивид формирует в своём окружении культурную среду, которая включает только соотечественников. Можно сказать, что он прекращает связи с новой социокультурной средой и погружается в свою, близкую ему. Примерами такого рода поведения выступают замкнутые районы в крупных городах, которые изолируются от окружающего мира, например – китайские, мусульманские, индийские и прочие кварталы. Так, в районе Берлина Кройцберг сформировалась в течение нескольких десятилетий турецкая диаспора, где обитают турки и даже улицы имеют турецкий вид, с рекламой и информацией на турецком языке, имеются турецкие рестораны и бани и пр., при этом в данном районе турки могут прожить жизнь, так и не общаясь с немцами и не зная немецкого языка.

Второй способ – ассимиляция (противоположность геттоизации). При этом способе поведения индивид отказывается полностью от своей культуры и старается максимально принять новую. На его пути могут возникнуть проблемы по причине плохой пластичности самого человека или сопротивления новой культурной среды.

Например, такого рода сопротивление бывает в ряде европейских стран (Франция, Германия) по отношению к эмигрантам из России. Окружающие просто не рассматривают и не хотят принимать мигрантов как своих, несмотря на

владение ими языком и другими местными культурными нормами и ценностями.

Третий способ является промежуточным и рассматривается как культурный обмен. Но этот вариант не всегда может использоваться, так как он предполагает сотрудничество обеих сторон и желание контактировать. Но такое, однако, всё же существует, яркий пример: гугеноты, которые переселились в Германию после Варфоломеевской ночи и которые впоследствии сделали много шагов для сближения немецкой и французской культур.

Четвёртый способ представляет собой частичную ассимиляцию. Индивид принимает новую социокультурную среду только частично, в какой-то отдельной сфере: в профессиональной сфере; например, человек применяет культурные ценности чужой страны, а в семье продолжает пользоваться ценностями своей культурной среды.

Таким образом, можно сказать, что культурный шок – это важная составляющая культурного развития, которая приводит к обновлению традиционных культурных систем за счёт вхождения представителей других культур, которые при помощи взаимодействия вносят изменения в культурные традиции и ценности. Например, в России сейчас актуальны и популярны африканские танцы (африканада), так же как и африканские причёски (косички на длинные волосы).

Хотелось бы в аспекте данного вопроса привести цитату американского антрополога Ф. Бока, который в книге «Культурный шок» пишет: «Культура в самом широком смысле слова – это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом. Культура включает в себя все убеждения и все ожида-

ния, которые высказывают и демонстрируют люди ... *Когда ты в своей группе, среди людей, с которыми разделяешь общую культуру, тебе не приходится обдумывать и проектировать свои слова и поступки, ибо все вы – и ты, и они – видите мир в принципе одинаково, знаете, чего ожидать друг от друга. Но пребывая в чужом обществе, ты будешь испытывать трудности, ощущение беспомощности и дезориентированности, что можно назвать культурным шоком [23, с. 45]».*

В ходе межкультурной адаптации у человека может возникать различная реакция на чужую для него культуру. Так, исследователь М. Беннет выделил шесть типов реакции:

1) отрицание различий в культурах, то есть человек уверен, что все люди на Земле должны иметь одинаковые установки, ценности, нормы морали и поведения;

2) защита собственного культурного превосходства предполагает признание человеком существования других культур, но они для него являются опасными, так как могут нарушить сформированную систему культурных ценностей и сложившийся образ жизни; человек пренебрегает другими культурами; чужая культура для таких людей воспринимается как негативная;

3) минимизация культурных различий характеризуется признанием других культур и их ценностей, человек начинает искать общие черты со своей культурой и системой ценностей;

4) принятие существования межкультурных различий предполагает знание другой культуры, положительное отношение к ней, но при этом отсутствует

активное проникновение в чужую культуру;

5) адаптация к новой культуре предполагает позитивное к ней отношение, принятие её норм и ценностей, правил жизни при обязательном сохранении своей собственной культурной идентичности;

6) интеграция – этот вид реакции характерен для поликультурной личности, когда человек принимает чужие культурные ценности и воспринимает их как свои собственные [22, с. 58].

Существует много факторов, которые могут оказать влияние на успешность осуществления процесса адаптации, в частности, одним из них является степень отличия стран. Россия же и Африка значительно отличаются по многим областям: по климату, религии, языку, кухне, менталитету. Не менее важный фактор связан с причинами, по которым студент отправился учиться за границу. И здесь различия могут быть таковы: или по желанию родителей, то есть не по своей воле – конечно, в данном случае процесс межкультурной адаптации будет сложнее и длительнее. Или же студенты самостоятельно решили проходить обучение в России, поставили перед собой чёткие цели и планы на будущее – конечно, в данном случае адаптация будет быстрее и эффективнее, эта категория студентов готова адаптироваться к новой культурной среде.

По приезду африканского студента на обучение в Россию он сразу окунается с головой в иную, далёкую от него социокультурную, языковую и национальную среду. При этом социокультурные трудности, которые нас интересуют, возникают в разных областях:

- в бытовой сфере;
- в сфере возникновения и необходимости решения коммуникативных проблем и вопросов (в частности, с администрацией вуза, с преподавателями).

Это, например, могут быть непривычные для приезжего студента жилищные условия, отсутствие комфорта – всё это не даёт возможности стопроцентно сосредоточить своё внимание на получении знаний.

Проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов неоднократно привлекали внимание исследователей, поэтому мы приведём обобщённые данные по данной теме: 79,8 процентов иностранных студентов испытывают проблемы культурного и языкового барьера; 64,2 процента – испытывают проблемы с отличающимся климатом и питанием и 54,7 процентов – проблемы с непривычным стилем одежды и поведением в публичных местах [16, с. 25–26].

Отношения между русскими и африканскими студентами зачастую складываются гладко и позитивно, а также предполагают сотрудничество и кооперацию. Однако нельзя обойти стороной и негативные случаи, которые периодически возникают в виде разного рода конфликтов, нападений (крайние случаи неприятия африканцев), конкуренции на почве учебной деятельности, дискриминации [15, с. 54–55].

С целью выявления проблем, возникающих в процессе социокультурной адаптации, мы провели исследование среди африканских студентов Российского университета дружбы народов по шкале социальной дистанции Богардуса [24, с. 40–46]. Именно с помощью данной шкалы можно проанализировать выра-

женность социально-психологического принятия друг друга людьми разных национальностей, разных социокультурных областей.

Рассмотрим полученные результаты. Итак, согласно методике Богардуса, задаётся семь вопросов, касающихся отношений с представителями другой национальности. Каждый вопрос начинается со слов – «хотели бы вы видеть представителей российской расы в качестве...». А далее предлагается на выбор: близких родственников посредством брака; личных друзей; соседей, проживающих на моей улице; коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я; граждан моей страны; туристов в моей стране. Или – предпочёл бы не видеть их в моей стране.

Большая часть опрошенных (28 человек из 50) ответили, что хотели бы видеть русских в качестве личных друзей, 14 человек – в качестве коллег и 6 человек – как близких людей. И только 2 человека в принципе не хотели бы иметь отношения с русскими. При этом хотелось бы обратить внимание на следующее: из 6 человек (за близкие отношения) 5 было девушек и только 1 парень, а из 2, которые не хотели бы иметь вообще никаких отношений, – двое парней. То есть парни-африканцы относятся к местным жителям с большей неприязнью, чем девушки.

Были выявлены также и возрастные различия в ответах: опрашиваемые старшего возраста в целом более терпимы, чем молодые испытуемые. Для более молодых опрошенных характерен в значительной степени этноцентризм, то есть молодые люди других воспринимают чаще всего через призму своих социокультурных норм. Особенно это явление отмечается у девушек-африканок. Скорее

всего, это связано с культурными особенностями страны – девушки чаще проводят свободное время дома, они более стеснительны, их намного меньше приезжает в Россию, чем парней-африканцев, поэтому они нередко привлекают внимание прохожих, им труднее чувствовать себя в безопасности.

В процессе изучения вопроса адаптации африканцев в России было установлено, что благополучный исход социокультурного взаимодействия людей из двух разных культур определяется многими факторами, среди которых: наличие симпатий-антипатий со стороны представителей обеих культур; имеющийся в новой среде, куда попал студент, характер социальных, психологических, политических, духовных отношений; индивидуальные особенности студентов; социальные представления, стереотипы, установки, отношения или просто отсутствие опыта общения.

Противоречивость проблемы успешного прохождения процесса социокуль-

турной адаптации африканских студентов в России вызывает необходимость её дальнейшего детального исследования. Целесообразно было бы формирование разнообразных адаптационных программ для африканских студентов, попавших в Россию, которые будут направлены на формирование успешной адаптации и гармонизацию взаимоотношений с местным населением.

При осуществлении успешной социокультурной адаптации приехавший африканский студент приобретает значимый статус индивида в новой среде и испытывает удовлетворённость этой средой в целом. Если же процесс адаптации завершился безуспешно, то в большинстве случаев индивид покидает эту социальную среду. Социальная адаптация имеет объективную сторону, например, климатические, географические, политические, экономические условия жизни в определённой стране пребывания. И субъективную сторону – ценностные ориентации и индивидуальные особенности личности.

Примечания

1. Адаптация [Электронный ресурс] // Словарь иностранных слов русского языка : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1950/АДАПТАЦИЯ
2. Берри Дж. В. Иммиграция, рост культурного уровня и адаптация // Прикладная психология: международный обзор. 1997. № 7.
3. Гуляева А. Межкультурная адаптация детей мигрантов [Электронный ресурс] // Учительская газета : [веб-сайт]. Электрон. дан. № 32 от 10 августа 2010 года. URL: <http://www.ug.ru/archive/36439>
4. Жаркова А. А. Парадигмальный подход к социально-культурной деятельности молодёжи в современной ситуации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (65). С. 106–112.
5. Ионин А. Г. Культурный шок: конфликт этнических стереотипов // Психология национальной нетерпимости : хрестоматия / составитель Чернявская Ю. В. Минск : Харвест, 1998.
6. Канапьянова Р. М. От этнокультурной самоорганизации граждан к общегражданской идентичности: поиски, проблемы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 49–53.
7. Китов Ю. В., Гертнер С. А. Гендерные интересы в современной российской культурной реальности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 2 (52). С. 80–85.

8. Коган А. Н. Социальные силы человека // *Философские науки*. 1981. № 6.
9. Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения : курс лекций. Москва : Экзамен, 2002. 447 с.
10. Культурология в вопросах и ответах : учебное пособие для студентов вузов / [Драч Г. В. и др.] ; под ред. Г. В. Драча. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов-на-Дону : Феникс, 2001. 414 с.
11. Маклаков А. Г. Общая психология : психология в структуре современных наук, психические познавательные процессы, психические состояния и их регуляция, психология личности : учебное пособие для студентов вузов и слушателей курсов психологических дисциплин. Москва [и др.] : Питер, 2008. 582 с.
12. Малыгина И. В. Массовая культура и казус самоопределения, или Новые идентичности в древних одеждах // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 6 (50). С. 21–25.
13. Мостицкая Н. Д. Праздничность и повседневность как феномены культурной коммуникации (на примере православной традиционности) // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 2 (64). С. 105–110.
14. Новый словарь методических терминов и понятий : (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. Москва : ИКАР, 2010. 446 с.
15. Письменная Е. Е. Социальные эффекты и политика в сфере привлечения иностранных студентов в Российскую Федерацию. Москва : Экономическое образование, 2009.
16. Письменная Е. Е. Тенденции учебной иммиграции в Россию: современные тенденции. Москва : Экономическое образование, 2008.
17. Ремизов В. А. Культура личности (ценностно-мировоззренческий анализ) : монография. Москва, 2000. 216 с.
18. Солдатова Г. У., Пантелеев А. Б. Межкультурная компетентность и адаптация в инкультурной среде: подходы и технологии // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Педагогика. 2007. № 1. С. 12–23.
19. Тихонов Д. В. Как избежать неприятностей, отдыхая и путешествуя за границей. Москва : Смысл, 1997.
20. Чижиков В. М. Инновации в культурной динамике общества // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 4 (60). С. 10–17.
21. Beauchesne A., Limoges J. et Denise P. La distance sociale inter-ethnique dans le milieu scolaire. *Revue des sciences de l'éducation*. 1983. Vol. 9. № 3. P. 453–467.
22. Bennett M. J. A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity. *International Journal of Intercultural Relations*. 1986. № 10. Pp. 179–196.
23. *Culture shock: A reader in modern cultural anthropology*. Ed. by Philip K. Bock. New York : Knopf, Cop., 1970. XII, 379 p.
24. Emory S. Bogardus Measuring Social Distances. *Journal of Applied Sociology*. 9, (1925): 299–308. Available at: https://brocku.ca/MeadProject/Bogardus/Bogardus_1925c.html
25. Oberg K. Culture Shock Adjustments to New Cultural Environment. *Practical anthropology*. 1960. № 7.

References

1. Adaptatsiya [Adaptation]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/1950/АДАПТАЦИЯ
2. Berry J. V. Immigratsiya, rost kul'turnogo urovnya i adaptatsiya [Immigration, cultural growth and adaptation]. *Prikladnaya psikhologiya: mezhdunarodnyy obzor [Applied psychology: an international overview]*. 1997, no. 7.

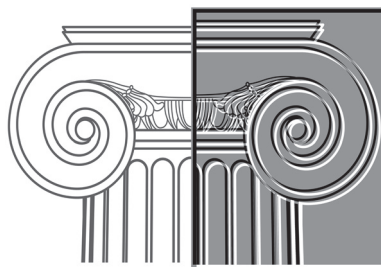

3. Gulyaeva A. Mezhekul'turnaya adaptatsiya detey migrantov [Intercultural adaptation of migrant children]. *Uchitel'skaya gazeta [Teacher's newspaper]*. 2010, no. 32. Available at: <http://www.ug.ru/archive/36439>
4. Zharkova A. A. The paradigmatic approach to social and cultural activities of youth in the contemporary situation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 3 (65), pp. 106–112. (In Russian)
5. Ionin L. G. Kul'turnyy shok: konflikt etnicheskikh stereotipov [Cultural shock: the conflict of ethnic stereotypes]. In: Chernyavskaya Yu. V., ed. *Psikhologiya natsional'noy neterpimosti: kbrestomatiya [Psychology of national intolerance: reader]*. Minsk, Harvest Publishing house, 1998.
6. Kanapyanova R. M. Ot etnokul'turnoy samoorganizatsii grazhdan k obshchegrazhdanskoy identichnosti: poiski, problemy [From the ethnocultural self-organization of citizens to common citizenship: searches, problems]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2011, no. 3, pp. 49–53.
7. Kitov Yu. V., Gertner S. L. Gendernyye interesy v sovremennoy rossiyskoy kul'turnoy real'nosti [Gender interests in the contemporary Russian cultural reality]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2013, no. 2 (52), pp. 80–85.
8. Kogan L. N. Sotsial'nye sily cheloveka [Social forces of the human]. *Filosofskie nauki [Philosophical sciences]*. 1981, no. 6.
9. Krysko V. G. *Etnopsikhologiya i mezhnatsional'nye otnosheniya. Kurs lektsii [Ethnopsychology and international relations. Course of lectures]*. Moscow, Publishing house "Exam", 2002. 447 p.
10. Drach G. V., ed. *Kul'turologiya v voprosakh i otvetakh [Culturology in questions and answers]*. 2nd edition. Rostov on Don, Publishing house "Phoenix", 2001. 414 p.
11. Maklakov A. G. *Obshchaya psikhologiya : psikhologiya v strukture sovremennykh nauk, psikhicheskiye poznavatel'nyye protsessy, psikhicheskiye sostoyaniya i ikh regulyatsiya, psikhologiya lichnosti [General psychology: psychology in the structure of modern sciences, mental cognitive processes, mental states and their regulation, personality psychology]*. Moscow, etc., PITER Publishing House, 2008. 582 p.
12. Malygina I. V. Massovaya kul'tura i kazus samoopredeleniya, ili Novyye identichnosti v drevnikh odezhdakh [Mass Culture and the Case of Self-Determination, or New Identities in Ancient Clothing]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2012, no. 6 (50), pp. 21–25.
13. Mostitskaya N. D. Festive and everyday life as phenomena of cultural communication (on the example of the Orthodox tradition). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 2 (64), pp. 105–110. (In Russian)
14. Azimov E. G., Shchukin A. N., ed. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy: (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [New vocabulary of methodical terms and concepts: (theory and practice of teaching languages)]*. Moscow, Ikar Publisher, 2010. 446 p.
15. Pismennaya E. E. *Sotsial'nyye efekty i politika v sfere privlecheniya inostrannykh studentov v Rossiyskuyu Federatsiyu [Social effects and policies in the sphere of attracting foreign students to the Russian Federation]*. Moscow, Publishing house "Economic Education", 2009.
16. Pismennaya E. E. *Tendentsii uchebnoy immigratsii v Rossiyu: sovremennyye tendentsii [Trends in educational immigration to Russia: current trends]*. Moscow, Publishing house "Economic Education", 2008.
17. Remizov V. A. *Kul'tura lichnosti (tsennostno-mirovozzrencheskiy analiz) [Culture of the person (value-ideological analysis)]*. Moscow, 2000. 216 p.

18. Soldatova G. U., Panteleev A. B. Intercultural competence and adaptation in foreigncultural environment: approaches and technologies. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Pedagogics*. 2007, no. 1, pp. 12–23. (In Russian)
19. Tikhonov D. V. *Kak izbezhat' nepriyatnostey, otdykbaya i puteshestvuya za granitsey* [How to avoid trouble, relaxing and traveling abroad]. Moscow, Publishing House "Smysl", 1997.
20. Chizhikov V. M. Innovation in the cultural dynamics of society. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2014, no. 4 (60), pp. 10–17. (In Russian)
21. Beauchesne A., Limoges J. et Denise P. La distance sociale inter-ethnique dans le milieu scolaire. *Revue des sciences de l'education*. 1983. Vol. 9. № 3. P. 453–467.
22. Bennett M. J. A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity. *International Journal of Intercultural Relations*. 1986. № 10. Pp. 179–196.
23. *Culture shock: A reader in modern cultural anthropology*. Ed. by Philip K. Bock. New York : Knopf, Cop., 1970. XII, 379 p.
24. Emory S. Bogardus Measuring Social Distances. *Journal of Applied Sociology*. 9, (1925): 299–308. Available at: https://brocku.ca/MeadProject/Bogardus/Bogardus_1925c.html
25. Oberg K. Culture Shock Adjustments to New Cultural Environment. *Practical anthropology*. 1960. № 7.

*

СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДУСТРИИ ДОСУГА В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

УДК 379.8

Л. В. Секретова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

В статье обосновывается актуальность проведения научных исследований в области индустрии досуга в аспекте социально-культурной деятельности. Подчёркивается важность ценностно-смысловой проблематики, а также опасность возникновения негативных явлений, которые сопутствуют развитию индустрии досуга. Ведётся поиск приоритетных направлений исследования феномена индустрии досуга, предпринимается попытка его систематизации. Освещается опыт проведения научно-практических семинаров, обобщающих результаты исследований индустрии досуга, поднимаются вопросы качественной подготовки кадров для индустрии досуга.

Ключевые слова: индустрия досуга, технологии социально-культурной деятельности, подготовка профессиональных кадров.

L. V. Sekretova

Dostoevsky Omsk State University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Prospect Mira, 55-A, 644077, Omsk, Omsk Region, Russian Federation

RESEARCH OF THE LEISURE INDUSTRY IN RUSSIA: THE SOCIAL AND CULTURAL ASPECT

In article the urgency of research in the field of the leisure industry in the aspect of social and cultural activities. Stresses the importance of axiological issues, and the risk of adverse phenomena that accompany the development of leisure industry. The search is conducted the priority directions of research of a phenomenon of the leisure industry, attempted systematization. Describes the experience of scientific-practical seminars, summarizing the results of studies the leisure industry, raised issues of personnel training for the leisure industry.

Keywords: leisure industry, technology, social and cultural activities, professional training.

Для цитирования: Секретова Л. В. Исследования индустрии досуга в России: социально-культурный аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 138–146.

СЕКРЕТОВА ЛЮДМИЛА ВАЛЕРИАНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-культурной деятельности Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

SEKRETOVA LYUDMILA VALERIANOVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Head of Department of social and cultural activity, Dostoevsky Omsk State University

e-mail: Sekretova.l@mail.ru

© Секретова Л. В., 2017

Вторая половина XX – начало XXI века в России знаменовались мощным развитием индустрии досуга, ставшей одной из ведущих тенденций формирования новой модели цивилизации. Старт этому процессу был положен более столетия назад появлением кинематографии и последовавшей за этим организацией массового публичного кинопоказа. На рубеже веков этот процесс продолжился, ускоряясь, опираясь уже на новейшие информационные компьютерные технологии и неисчерпаемые ресурсы Интернет.

Учреждения и организации, оказывающие культурно-досуговые услуги в качестве основных (клубы, театры, музеи, парки культуры и отдыха) или сопутствующих (туристские, санаторно-курортные, лечебно-оздоровительные, торгово-развлекательные, ресторанные и другие) стараются обновить перечень предлагаемых давно знакомых видов досуговых занятий или наполнить их новым содержанием, украсить средствами выразительности привычные организационно-методические формы, достаточно умело развивая на профессиональном уровне креативные идеи отдельных творческих личностей и групп. И вот уже концерты и фестивали преобразуются в музыкальные свето-лазерные представления или в опен-эйра (open-air), выставки – в перформансы и инсталляции, дебаты и диспуты трансформируются в ток-шоу, традиционные качели и карусели получают новую жизнь в разнообразных аттракционах, игры и развлечения молодёжи обретают популярность в виде флешмобов, квестов и т.д.

Каждый раз «новая» форма отличается от «старой» не только свежим названием (как правило, транскрипцией

иностранного понятия), но и средствами её технологического и технического воплощения, включающими механизмы и конструкции сценического оснащения, игровые автоматы и приставки, тренажеры, компьютерное, музыкальное, лазерное и световое оборудование. Данные изменения являются, прежде всего, следствием научно-технического прогресса, который охватывает не только сферы труда и быта, но и досуг. Всё это дало основания В. З. Дуликову дать следующее определение понятию «индустрия досуга»: *«индустрия досуга – это отрасль по созданию оптимальных условий для досугово-рекреационной деятельности человека, в том числе предоставлению ему разнообразных досуговых услуг – на основе использования информационно-компьютерных технологий и новейших технических средств [2, с. 125]».*

Наряду с внедрением в сферу досуга информационно-компьютерных технологий, следует также отметить перемены в ценностно-смысловом наполнении досуговых форм, которые выражаются в смещении иерархии приоритетов, заложенных создателями новых форматов досуговых программ и досуговых учреждений в целом. От информационно-просветительного, творчески развивающего, насыщенного традиционными и значимыми для личности и общества смыслами содержания к гедонистическому, развлекательному, рекреационному и игровому контенту массового потребителя благ и услуг. В результате становятся привычными себялюбиво-показные акции подростков и взрослых, зависимых от селфимании, суицидальный контекст общения и поведения детей и молодёжи в социальных сетях, убийственно-жестокий –

в компьютерных играх, наркотически-эротический в ночных клубах, травмоопасный – в подростковых и молодёжных объединениях экстремальной направленности и т.д.

В процесс организации досуга внедряются основанные на научных знаниях из различных областей технологические принципы и технологии. В России, как и на Западе, создается мощная отрасль отечественной экономики – индустрия досуга. Она охватывает целый ряд аспектов: экономических, идеологических, нормативно-правовых, психологических, научно-технических, информационно-технологических, промышленных, социально-культурных и других. Количество индустрий, так или иначе затрагивающих сферу досуга, непрерывно возрастает, что вызывает необходимость их систематизации и классификации. Опыт наших исследований индустрии досуга, толчком к началу которых послужил Федеральный государственный образовательный стандарт 2010 года по направлению подготовки «Социально-культурная деятельность» и профилю «Социально-культурные технологии в индустрии досуга», привёл к выводу о целесообразности классифицировать досуговые индустрии по их направленности, функциям и сферам проявления.

В области отдыха и развлечений: индустрия отдыха, индустрия семейного досуга, индустрия детского отдыха и досуга, анимационная индустрия, индустрия развлечений, игровая индустрия, клубная индустрия, индустрия кинопоказа, индустрия праздника, шоу-индустрия, индустрия интимного досуга (sex-индустрия), океаническая индустрия, индустрия рыболовства и другие.

В области путешествий, поездок, встреч и знакомств: индустрия туризма, корпоративная трэвел-индустрия (corporate travel industry), индустрия гостеприимства, гостиничная индустрия, event-индустрия, MICE-индустрия (индустрия встреч), индустрия знакомств и т.д.

В области физической культуры и спорта: индустрия спорта, индустрия экстремального спорта (серфинг, дайвинг, скалолазание, сноубординг, катание на горных лыжах и другие).

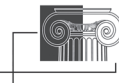
В области оздоровления: банная индустрия, фитнес-индустрия, wellness-индустрия, индустрия здоровья, индустрия здорового образа жизни и другие.

В области создания красоты: индустрия красоты (салоны красоты и клиники пластической хирургии), индустрия моды (фэшн-индустрия) и другие.

В сфере торговли и общественного питания: индустрия быстрого питания, индустрия кафе и ресторанов, торгово-досуговая индустрия и другие.

Творческие индустрии, обеспечивающие современный уровень организации досуга: индустрии СМИ, компьютерная индустрия, звукозаписывающая индустрия, музыкальная индустрия, фестивальная индустрия, индустрия танца, индустрия кинопроизводства и другие.

Приведенная выше классификация является результатом продолжения наших исследований, которые впервые заметно были представлены в сборнике статей «Социально-культурная деятельность в условиях модернизации России», изданном по материалам всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся в Санкт-Петербургском университете культуры и искусств в январе 2013 года [8].

Обращая внимание на ценностно-смысловое содержание досуговых индустрий, необходимо поддержать вывод В. А. Есакова о том, что «сложившаяся в стране новая социокультурная ситуация, предполагающая свободу культурного выбора людей, на деле привела их к зависимости от той продукции, которая им предлагается. Как правило, основными чертами такой продукции являются прибыльность и незамысловатость. В результате всё большее значение приобретает массовая культура, для многих являющаяся единственно понятной и приемлемой. И это следствие провалов в сфере образования и просвещения [3, с. 20]».

Таким образом, на данном этапе исследований необходимо глубоко разобратся, что такое «индустрия досуга», в каких видах она сегодня развивается, какие факторы послужили её развитию, какие ценности она транслирует, с помощью каких технологий оказывает воздействие на социум и, наконец, какими должны быть государственные и общественные механизмы влияния на неё. Какова при этом роль вузов культуры, ведь именно они способны подготовить кадры, которые смогут реализовать технологии социально-культурной деятельности в индустрии досуга на благо личности и общества.

В последнее десятилетие XX века и на протяжении начавшегося XXI-го ведущие учёные в области социально-культурной деятельности, такие, например, как Е. М. Акулич, М. А. Ариарский, Г. М. Бирженюк, М. Э. Вильчинская-Бутенко, А. Д. Жарков, А. П. Марков, О. Ю. Мацукевич, В. Е. Новаторов, Г. Н. Новикова, Г. В. Оленина, В. Д. Пономарев, В. М. Рябков, Е. Ю. Стрельцова, В. В. Туев, Г. Л.

Тульчинский, Т. Т. Фисюк, Н. В. Шарковская, А. И. Юдина и другие, вели активную разработку социально-культурных технологий применительно к различным сферам общественной практики. Их исследования послужили научно-методологической базой для дальнейшей подготовки специальных трудов, в которых освещаются социально-культурные технологии в индустрии досуга и даются авторские трактовки самого этого понятия – индустрия досуга. В их числе труды Г. А. Аванесовой [1], В. З. Дуликова [2], В. А. Есакова [3], Е. М. Ключко [4], В. В. Чижикова [9], Н. Н. Ярошенко [10; 11]. Нельзя не признать в исследовании данной темы лидерства кафедры социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры.

Определённая работа по организации исследований индустрии досуга была проведена и на кафедре социально-культурной деятельности ОмГУ имени Ф. М. Достоевского. Необходимость разработки курсов новых дисциплин для бакалавров и магистров по профилю «Социально-культурные технологии в индустрии досуга» в рамках направления подготовки «Социально-культурная деятельность» потребовала интеграции теоретических наработок и практического опыта для создания актуальных учебных пособий. С этой целью, по инициативе кафедры социально-культурной деятельности ОмГУ имени Ф. М. Достоевского, были проведены два научно-практических семинара всероссийского уровня с международным участием: «Развитие досуговых индустрий в Западно-Сибирском регионе» (2013) [6] и «Развитие досуговых индустрий: история, теория и практика российских регионов» (2015) [7], оба

раза – с изданием сборников материалов докладов и выступлений.

Об актуальности тематики семинаров свидетельствует интерес, проявленный к ней со стороны учёных и практиков самых различных регионов. Семинар, который первоначально планировался как межрегиональный, стал всероссийским с международным участием. Материалы, присланные на семинар 2013 года, позволили аккумулировать научные идеи и практический опыт развития досуговых индустрий тринадцати городов России (Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Иркутск, Исьилькуль, Казань, Кемерово, Омск, Сургут, Томск, Тюмень, Чебоксары, Челябинск), а также Германии (Баден-Баден), Португалии (Лиссабон), Таджикистана (Душанбе) [6]. В сборнике материалов семинара 2015 года приняли участие коллеги из десяти городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Кемерово, Омска, Томска, Тюмени, Челябинска, Ханты-Мансийска, а также Украины – г. Николаев [7].

Среди участников – девять заведующих кафедрами социально-культурной деятельности! В числе авторов сборников – преподаватели учреждений высшего и среднего профессионального образования, научные работники, специалисты и руководители учреждений сферы культуры и искусства, аспиранты и студенты. Широкая география присланных заявок и статей позволила раздвинуть границы темы и поднять первоначально планируемый межрегиональный статус семинара до всероссийского с международным участием.

Разделы сборника материалов семинара посвящены раскрытию: научно-теоретических и методологических ос-

нований развития досуговых индустрий и социально-культурной деятельности; исследованию генезиса и культурно-исторической роли досуга; анализу ценностно-смысловых аспектов современной индустрии досуга; обобщению и критической оценке современных культурных практик в индустрии досуга; изучению воспитательного, развивающего и социализирующего потенциала досуга и социально-культурной деятельности в работе с детьми и молодёжью.

В комплексе материалы обоих сборников позволяют говорить о том, что коллегам удалось продвинуться к достижению поставленных организаторами целей. Предложения и рекомендации, сформулированные в большинстве статей авторов, могут представлять интерес для руководителей и специалистов учреждений культуры, организаторов молодёжного и корпоративного досуга, а также аспирантов, магистрантов, студентов гуманитарных специальностей, направлений и профилей подготовки. Учитывая возрастающую значимость развивающейся индустрии, следует продолжить проведение семинаров и конференций по проблемам индустрии досуга для поиска оптимальных способов и механизмов решения имеющихся проблем.

Развитие отрасли «индустрия досуга» обусловило потребность в специально подготовленных кадрах. В 2010 году был утверждён Федеральный государственный стандарт третьего поколения по направлению подготовки бакалавров «Социально-культурная деятельность», в котором были обозначены пять профилей подготовки, и в их числе профиль «Социально-культурные технологии в индустрии досуга». Многие вузы куль-

туры России включились в разработку образовательных программ по данному профилю. Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского впервые осуществил набор студентов для обучения по данному профилю в 2011 году.

Осуществление омской кафедрой профессиональной подготовки бакалавров по профилю «Социально-культурные технологии в индустрии досуга» повлекло за собой не только изменения в направлениях научных исследований преподавательского корпуса, но и включение в перечень примерных тем выпускных квалификационных работ таких, которые раскрывают разнообразные грани современной индустрии досуга (социально-культурные, идеологические, правовые, экономические и т.д.).

На протяжении 2014–2016 годов выпускниками уже было выполнено несколько работ в области индустрии досуга. В 2017 году кафедрой был расширен перечень примерных тем в данной области, рекомендуемых студентам для исследования. В их числе, например, такие темы:

- Актуальные проблемы развития отечественной индустрии досуга.
- Многообразие досуговых индустрий в столице и регионах.
- Влияние досуговых индустрий на формирование досуговой культуры личности и общества.
- Деятельность департамента культуры по развитию досуговых индустрий.
- Организация частных предприятий индустрии досуга: модели и модификации.
- Современные проблемы нормативного регулирования индустрии досуга.

- Правовое обеспечение доступности и качества услуг досуговых индустрий.

- Разработка комплекса критериев эффективности досуговых индустрий.

- Специфика технологий менеджмента и маркетинга на предприятиях индустрии досуга.

- Перспективы развития досугового кластера в регионе.

- Роль технологий mass-media, кино-, фото-, видеотворчества в развитии индустрии досуга.

- Развитие индустрии досуга в торговых центрах.

Специфика профессиональной деятельности в индустрии досуга, необходимость владения, с одной стороны, «новыми» формами и, с другой стороны, умением вкладывать в них как традиционные, так и актуальные современные ценности диктуют высокие требования к подготовке бакалавров.

Первое требование – это многосторонность подготовки, состоящая в изучении дисциплин из различных научных областей: культурологии, истории, экономики, культурной политики, правоведения, менеджмента, маркетинга, информационно-компьютерных технологий, педагогики досуга, и, конечно, – в овладении знаниями основных технологий социально-культурной деятельности: рекреационно-игровых, анимационных, информационно-просветительных, культуротворческих, проектных и других.

Второе требование относится к формированию личных качеств специалистов, работающих в индустрии досуга. В дополнение к социальным качествам, обычно предъявляемым к работникам (дисциплинированность, ответственность, соответствие нормам и правилам

корпоративной культуры организации и т.п.), требуется воспитывать активность, коммуникабельность, креативность, доброжелательность, выносливость, постоянное стремление к познанию нового, оптимизм.

Третье требование – практикоориентированность, профилизация, подготовка к работе в условиях конкретного вида индустрии досуга. Этому могут способствовать практики студентов (учебная, производственная и преддипломная) и стажировки в эффективно работающих досуговых центрах, на предприятиях индустрии досуга; изучение успешного отечественного и зарубежного опыта; выполнение курсовых работ, выпускных квалификационных работ по актуальной для новой отрасли – индустрия досуга – теме.

Таким образом, актуальность обращения к заявленной теме обусловлена той особой ролью, которую играет досуг, соответственно и способ его организации и проведения, в формировании образа будущего мира через инкультурацию личности, через её социализацию и хоминизацию. Сегодня этот способ всё более детерминируется влиянием индустрии досуга, само появление и развитие которой объективно обусловлено миро-

выми тенденциями глобализации, отечественными моделями коммерциализации досуга, экономизации культуры, с одной стороны, и стремительным развитием высокотехнологичного промышленного производства, творческих отраслей экономики, с другой стороны. Немаловажно, а может быть, для Российской Федерации и наиболее важно, что значимость продолжения исследований в области индустрии досуга подтверждается Указом Президента России В. В. Путина об «Основах государственной культурной политики» (2014), в котором актуализированы понятия «культурная деятельность», «творческие индустрии», а также поставлена задача, имеющая непосредственное, прямое отношение к профессорско-преподавательскому сообществу вузов культуры, а именно: «Развитие государственной системы подготовки творческих кадров с использованием уникальных отечественных традиций. Повышение качества подготовки профессиональных кадров для всех видов культурной деятельности... [5]». Именно на решение данной актуальной задачи направлена научно-исследовательская, учебно-методическая и преподавательская работа кафедр социально-культурной деятельности российских вузов.

Примечания

1. *Аванесова Г. А.* Культурно-досуговая деятельность: Теория и практика организации : учебное пособие для студентов вузов. Москва : Аспект Пресс, 2006. 236 с.
2. *Дуликов В. З.* Индустрия досуга: к интерпретации понятия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 121–127.
3. *Есаков В. А.* Управление культурой в условиях мегаполиса : автореферат дис. на соиск. учён. степ. доктора культурологи : 24.00.01 / Есаков Валерий Анатольевич ; Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2008. 42 с.
4. *Клюско Е. М.* Современное состояние категориального аппарата теории досуга (по материалам зарубежных исследований) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1 (69). С. 171–181.

5. Основы государственной культурной политики : утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 N 808 [Электронный ресурс] : [веб-сайт]. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf
6. Развитие досуговых индустрий : материалы Всероссийского научно-практического семинара с международным участием (Омск, 14 мая 2013 г.) / науч. ред., ред.-сост. Л. В. Секретова. Омск : Изд-во Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, 2013. 264 с.
7. Развитие досуговых индустрий: история, теория и практика российских регионов : материалы второго Всероссийского научно-практического семинара с международным участием (Омск, 19 мая 2015 г.) / редкол. : Л. В. Секретова (отв. ред.) и др. Омск : Омск : Изд-во Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, 2015. 200 с.
8. Секретова Л. В. Индустрия досуга: социально-культурный аспект // Социально-культурная деятельность в условиях модернизации России : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, 24–25 января 2013 г. / М-во культуры РФ, СПбГУКИ ; науч. ред. М. А. Ариарский, В. И. Еременко ; ред.-сост. М. Э. Вильчинская-Бутенко. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУКИ, 2013. С. 47–55. (Труды СПбГУКИ; т. 195).
9. Чижиков В. В. Культурные индустрии в контексте массовой культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 6 (62). С. 61–77.
10. Ярошенко Н. Н. Воспитательный потенциал современной индустрии досуга // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4 (44). С. 28–35.
11. Ярошенко Н. Н. Социокультурные функции индустрии досуга // Развитие досуговых индустрий: история, теория и практика российских регионов : материалы второго Всероссийского научно-практического семинара с международным участием (Омск, 19 мая 2015 г.) / редкол. : Л. В. Секретова (отв. ред.) и др. Омск : Омск : Изд-во Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, 2015. С. 18–28.

References

1. Avanesova G. A. *Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost' : Teoriya i praktika organizatsii* [Cultural and recreational activities: Theory and practice of organization]. Moscow, Publishing house «Aspect Press», 2006. 236 p.
2. Dulikov V. Z. Leisure: the interpretation of the notion. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2014, no. 3 (59), pp. 121–127. (In Russian).
3. Esakov V. A. *Upravleniye kul'turoy v usloviyakh megapolisa. Avtoreferat diss. dok. kul'tur.* [Management of culture in a megacity. Synopsis Doc. Cultural Studies diss.]. Moscow, 2008. 42 p.
4. Klyusko E. M. Modern state of the categorical apparatus of the theory of the leisure (on materials of foreign studies). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2016, no. 1 (69), pp. 171–181. (In Russian).
5. *Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: utverzhdeny Ukazom Prezidenta RF ot 24.12.2014 N 808* [Fundamentals of state cultural policy approved by Presidential decree of 24.12.2014 N 808]. Available at: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf
6. Sekretova L. V., ed. *Razvitie dosugovykh industry. Materialy Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminar s mezhdunarodnym uchastiyem (Omsk, 14 maya 2013 g.)* [Development of leisure industries. Materials of the All-Russian scientific and practical seminar with international participation (Omsk, May 14, 2013)]. Omsk, Publishing house of Dostoevsky Omsk State University, 2013. 264 p.
7. Sekretova L. V., ed. *Razvitie dosugovykh industriy: istoriya, teoriya i praktika rossiyskikh regionov. Materialy vtorogo Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminar s mezhdunarodnym*

uchastiyem (Omsk, 19 maya 2015 g.) [Development of leisure industries: history, theory and practice of Russian regions. Materials of the second All-Russian scientific and practical seminar with international participation (Omsk, May 19, 2015)]. Omsk, Publishing house of Dostoevsky Omsk State University, 2015. 200 p.

8. Sekretova L. V. Industriya dosuga: sotsial'no-kul'turnyy aspekt [Leisure industry: socio-cultural aspect]. In: Ariarsky M. A., Eremenko V. I., ed. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' v usloviyakh modernizatsii Rossii. Sbornik statey po materialam vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 24–25 yanvarya 2013 g. [Social and cultural activity in the context of Russia's modernization. A collection of articles on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, January 24–25, 2013].* St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2013. Pp. 47–55.

9. Chizhikov V. V. Cultural industries in the context of mass culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2014, no. 6 (62), pp. 61–77. (In Russian).

10. Yaroshenko N. N. Educational potential of modern leisure industry. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2015, no. 4 (44), pp. 28–35.

11. Yaroshenko N. N. Sotsiokul'turnyye funktsii industrii dosuga [Sociocultural functions of the leisure industry]. In: Sekretova L. V., ed. *Razvitie dosugovykh industriy: istoriya, teoriya i praktika rossiyskikh regionov. Materialy vtorogo Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminar s mezhdunarodnym uchastiyem (Omsk, 19 maya 2015 g.) [Development of leisure industries: history, theory and practice of Russian regions. Materials of the second All-Russian scientific and practical seminar with international participation (Omsk, May 19, 2015)].* Omsk, Publishing house of Dostoevsky Omsk State University, 2015. Pp. 18–28.

*

Краеведческая деятельность как фактор сохранения родного языка

УДК 371:39

М. М. Атласова

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

Статья посвящена вопросам приобщения детей и подростков к национальным языкам и культуре, созданию педагогических условий организации краеведческой деятельности. Тематические проекты, посвященные изучению малой родины, способствуют развитию патриотизма. Прошлое и настоящее родного села или города, толкование названий его улиц, изучение основных памятников и достопримечательностей, биографий знаменитых земляков – всё это обогащает духовный мир человека.

Ключевые слова: Крайний Север России, обряд, фольклор, краеведческая деятельность, социально-культурная деятельность.

M. M. Atlasova

North-Eastern Federal University in Yakutsk, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Belinskogo str., 58, 677000, Yakutsk, The Sakha (Yakutia) Republic, Russian Federation

LOCAL HISTORY ACTIVITY AS FACTOR PRESERVATIONS OF THE NATIVE LANGUAGE

The article is devoted to the issues of familiarizing children and adolescents with national languages and culture, creating pedagogical conditions for organizing local history activities. Thematic projects dedicated to the study of a small homeland, contribute to the development of patriotism. The past and present of the native village or city, the interpretation of the names of its streets, the study of the main monuments and attractions, biographies of famous countrymen – all this enriches the spiritual world of human.

Keywords: Far North of Russia, rite, folklore, regional studies, social and cultural activity.

Для цитирования: Атласова М. М. Краеведческая деятельность как фактор сохранения родного языка // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 147–153.

АТЛАСОВА МИХНАСА МИХАЙЛОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания якутского языка, литературы и национальной культуры Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова

ATLASOVA MIKHNASA MIKHAILOVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Department of teaching technique the Yakut language, literature and national culture of Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, North-Eastern Federal University in Yakutsk

e-mail: mikhnasa@mail.ru

© Атласова М. М., 2017

В Якутии разработка национально-региональной образовательной концепции началась ещё в конце прошлого века, что способствует сегодня широкому использованию положительного педагогического опыта народа, сохранению и развитию национальной культуры и традиций. Этим и определяется интерес к национально-региональным компонентам образования и национальным традициям воспитания.

Однако в диссертационных исследованиях и публикациях по краеведческой деятельности, где анализируется состояние практики, подчёркивается отрывочность, несистематичность этой работы в педагогической деятельности школьных коллективов. В одной школе хорошо организована работа по ознакомлению учеников с местным материалом в учебном процессе. В другой – школьники активно вовлечены в деятельность музея, который функционирует автономно в общей системе работы школы. В третьей – творчески работают фольклорные группы и т.д. Анализ практики краеведческой деятельности школьников в Якутии даёт аналогичные результаты: в полной мере система целенаправленной работы по приобщению детей к культуре своего народа в условиях школы создана не везде, тем не менее краеведческая деятельность привлекает и детей, и взрослых.

Передовой опыт школ и коллективов, где разрозненно представлена та или иная картина краеведческой деятельности школьников, показывает богатые возможности отдельных направлений этой деятельности для приобщения их к национальной культуре. Рассмотрим это на опыте некоторых школ. Чтобы получить более яркое представление, про-

анализируем опыт школ, расположенных в различных природно-экономических регионах.

Перечень районов, приравненных к районам Крайнего Севера, огромен и охватывает по площади большую часть северной и восточной части России. Крайний Север находится в большой отдаленности от территорий Центральной России. Климат здесь чрезвычайно суровый, что обусловлено многолетней мерзлотой. Бесконечные просторы тундры заселены самыми выносливыми и сильными народами Севера. Коренным населением северных областей России являются народы Севера, Дальнего Востока и Сибири: многочисленные буряты, якуты, карелы, тувинцы, коми и другие. Есть и малочисленные народы. В российской тундре живут ненцы, чукчи, саамы, эскимосы, нанайцы, коряки, эвенки и другие народы, пытающиеся сохранить свои традиционные промыслы и хозяйство. Большая часть из них ведёт кочевой и полукочевой образ жизни. Кроме коренного населения, здесь живут и работают люди разных национальностей.

В Якутии проживают представители коренных малочисленных народов Севера: эвены, эвенки, юкагиры, долганы, чукчи. Сохранение их самобытности является одной из приоритетных задач национальной политики, поэтому языки народов Севера признаются официальными в местах их проживания, ими пользуются так же, как и государственным языком. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года, в Якутии проживает: эвенов – 14 809 чел., эвенков – 21 269 чел., юкагиров – 1 283 чел., долган – 1 905 чел., чукчей – 665 чел. Национальные языки – эвенский, эвенкийский, юкагирский, чу-

котский – изучаются в более сорока школ республики.

В наши дни в столице Якутии ежегодно устраиваются и национальные праздники. Эвинэк – национальный праздник, символизирующий встречу Нового года у эвенгов. Обычно он начинался с мая циклом обрядов, а кульминацией становился обряд встречи солнца – в июне в период летнего солнцестояния на специальном священном месте у двух ритуальных деревьев. Эти деревья означали небесные ворота. Убивали жертвенного оленя, символизирующего старый год. Когда утром солнце поднималось, в ритуальном круговом танце, перешагнув через небесные ворота, люди обращались к духу матери-солнца с просьбой дать счастливую судьбу людям, послать охотничью удачу. Движение через второй костер по ходу солнца символизировало переход к Новому году.

Праздничная программа Эвинэк теперь включает в себя и парад муниципальных наслегов, традиционный хороводный танец «Һэдьэ», конкурсы национальных костюмов, национальных блюд, эвенских песен, национальных кукол, спортивные состязания, кидание оленьего маута, прыжки через нарты, весёлые старты для детей.

Бакалдын – национальный праздник эвенков. Программа традиционного эвенкийского праздника Бакалдын начинается с совершения обрядов: очищения, поклонения речке, умамливания ритуального столбика, кормления огня. В полдень поднимается флаг Ассоциации эвенков республики. Проводятся выставки «Лучшая экспозиция» и «Знаменитые земляки». После поздравительных выступлений идет праздничная концертная

программа «По заветам предков», затем начинаются конкурсы на лучший эвенкийский костюм, спортивно-развлекательная программа, созданная на основе игр народов Севера: мас-реслинг, ловля хариуса, бросание оленьего маута, эвенкийский футбол и т.д. Параллельно идут конкурсы запевал хороводов, другие этноконкурсы, во время совершения специальной церемонии «Эстафета Бакалдына» вручается следующему северному улусу.

На национальных праздниках молодёжь, участвуя в обрядах, соприкасается с народными корнями, начинает чувствовать свой род ближе. При этом молодые люди получают от взрослых традиционные знания и умения. А самое главное – через них им прививается любовь к традиционным занятиям, и в какой-то степени всё это обеспечивает усвоение ими необходимых норм отношений, поведения в определённом коллективе.

Опыт сохранения родных языков, литературы, фольклора народов Севера в республике накоплен достаточный. Проводятся экспедиции, экскурсии, походы – как формы организации краеведческой деятельности, которые выполняют образовательную и воспитательную функции. Их можно отнести к видам общественно полезной работы. В практике деятельности образовательных учреждений они занимают определённое место, хотя, как показывает анализ работы данных учреждений, они проводятся эпизодически, от случая к случаю. А там, где они стали традиционными, познавательные походы и экскурсии составляют органическую часть педагогического процесса.

Сама по себе экскурсия является самобытным, творческим, увлекательным

методом познания и воспитания. Социально значимые функции, выполняемые экскурсиями, имеют особое значение на современном историческом этапе, отличающемся снижением культурно-образовательного уровня общества и некоторой утратой им патриотических ориентиров. Образовательная функция экскурсий играет важную роль в получении объективных знаний по различным отраслям науки, будь то история, природное наследие или социальные явления.

Во все времена экскурсоведение поддерживало традиции конкретных исторических исследований, строя процесс познания на обращении к подлинным источникам и умении извлечь из них важную информацию. Воспитательная функция экскурсий оказывает воздействие на проявление самостоятельности, индивидуального творческого подхода. Попутно экскурсии выполняют организующую роль, объединяя людей, заполняя их досуг, давая возможность удовлетворять их творческие интересы. В какой-то мере они являются связующим звеном между государственной политикой в области просвещения и культуры и деятельностью общественности.

Актуализация экскурсионной деятельности неизбежно способствует активизации мероприятий по сохранению культурно-исторических объектов территорий и музейных коллекций, подъёму культурного уровня народа, увеличению посещаемости музеев. Обращение к опыту экскурсионной практики может оказать значительную помощь во внедрении прогрессивных методов воспитания патриотизма. Например, Намская общеобразовательная школа расположена в центральном сельскохозяйственном

улусе (районе) республики. Население в основном якуты, занято разведением крупного рогатого скота, коневодством, отчасти земледелием. Воспитательная работа школы направлена на привитие учащимся любви к малой родине, поскольку именно через бытовой уклад своего народа старшее поколение передает детям свой жизненный опыт, знания, своё отношение к жизни. Краеведение раскрывает связь родного края, города, села с великой Родиной, помогает уяснить неразрывную связь, единство истории каждого города, села с историей жизни страны, почувствовать к ней причастность каждой семьи и признать своим долгом, честью стать лучшим наследником лучших традиций родного края. Помимо этого, ученикам прививаются полезные навыки, например, умение общаться с людьми, задавать вопросы, поддерживать разговор.

Знаменательна творческая работа опытного учителя начальных классов О. М. Кириллиной. Ольга Михайловна во внеурочной деятельности со школьниками работает по проекту «Родной край». Цель – через изучение этнографии, культуры жителей данной территории, особенностей быта, природы местности приобщить детей к культуре народа саха. Для учеников начальных классов на переменах организуются различные игры предков. Малыши с удовольствием играют в жмурки, участвуют в перетягиваниях палок и каната; мальчиков привлекает подъём тяжестей. Также нравятся детям древняя популярная игра в зверей, птиц. Дети с удовольствием отгадывают якутские загадки, соревнуются в знании пословиц и поговорок. Так, дети уже с младших классов через изучение национальных игр, загадок, фольклора получа-

ют сведения о природных явлениях, животном и растительном мире своего края, о видах национальных игр.

Содержание курса «Родной край» состоит из тематических рассказов об истории семьи, родного улуса, республики. Основная тематика: история родного края; исторические памятники улуса; знакомство с жизнью и деятельностью знаменитых земляков и их ролью в становлении и развитии улуса, республики. А также географическое расположение, природные ресурсы, климатические условия родного улуса и республики, природа родного края.

Занятия состоят из теоретических и практических частей – обзорных экскурсий, где учащиеся выступают не только как слушатели, но и как активные участники экскурсии (из состава самих детей отбирается группа школьных экскурсоводов).

В Хабаровском крае существует интересный опыт сохранения родного языка. В нанайской общеобразовательной школе, где дети разных национальностей все до единого изучают родной язык малочисленного народа – нанайцев. И вот почему. В классе обычно учатся двадцать – двадцать пять учеников, все они – представители различных национальностей: в основном русские, украинцы и представители малочисленных народов. Если учить только нанайцев родному языку, то дети видят по расписанию, что у них уроков больше, чем у других школьников, поэтому у них пропадает желание посещать уроки нанайского языка, так как одноклассники в это время уходят домой отдыхать.

По этой же причине в отдельных регионах сохраняется ограниченность в

образовании на родных языках, изучении и использовании родного языка. Постепенно происходит отчуждение от родных корней. Великий русский педагог К. Д. Ушинский утверждал, что если нет языка, тем более нет народа [6, с. 227].

Поэтому очень мудро поступает педагогический коллектив названного образовательного учреждения: по расписанию теперь каждый школьник учит нанайский язык с первого класса. И порой малыши лучше понимают и знают этот язык, остальные подтягиваются за ними. При этом решается еще одна социальная задача: у коренных народов должны быть перспективы на будущее и должно быть право на дальнейшее существование.

Основными методами освоения национального языка выступают: объяснительно-иллюстративный; метод демонстрации: схемы, карты, таблицы; поисковый метод: работа с экспонатами, литературой и т.д.; метод упражнения, где часто применяются викторины, интеллектуальные игры, экскурсии. Формы работы используются различные: коллективно-индивидуальные, групповые: беседы, экскурсии; самостоятельное обращение к художественной, справочной литературе; работа с материалами историко-этнографического музея.

Планируемые результаты реализации программы следующие: ученик научится уважать культуру, традиции, обычаи родного народа; осуществлять поиск нужного иллюстративного и текстового материала из дополнительной литературы; фиксировать полученную информацию с помощью инструментов ИКТ, при этом он действует с творческим коллективом, где нужно уметь найти общий язык, договориться, прийти к общему решению.

Критерии результативности: общее состояние уровня знаний учащихся о родном крае; участие в районных, региональных, республиканских поисково-исследовательских конференциях, конкурсах, ученических чтениях; активность учащихся во внеурочной деятельности; уровень удовлетворенности родителей и учащихся жизнедеятельностью класса, школы, родного села.

Все указанные виды школьной краеведческой деятельности по приобщению учащихся к народной культуре имеют общую психолого-педагогическую основу. Психолого-педагогические исследования подчёркивают, что важную роль для занятий каким-либо видом деятельности играют потребности человека, на основе которых развиваются интерес и увлечённость.

Потребности должны быть сформированы. Они, как известно, являются одним из основных свойств личности, во многом определяющим её отношение к природе, обществу и человеку, степень её активности. При приобщении учащихся к национальной культуре необходимо опираться на потребности в познании, эстетическом наслаждении народным искусством, в общении с людьми, в активной общественной деятельности.

Другими словами, потребности развиваются в процессе деятельности. И только формируя потребности через активное включение подростков в творческое созидательное преобразование быта, культуры народа, можно успешно приобщить их к национальным обычаям, искусству в тесной связи со всеми другими сторонами воспитания.

Примечания

1. Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск : Наука, 2008. 494 с.
2. Атласова М. М. Технологические особенности приобщения к национально-этнической культуре. Якутск : Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2015. 200 с.
3. Атласова М. М. Школьное краеведение в контексте национальной культуры. Москва, 2010. 177 с.
4. Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности : учебник : для студентов высших учебных заведений по специальности «Социально-культурная деятельность». Москва : МГУКИ, 2007. 479 с.
5. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность : учебник. Москва : МГУК, 2004. 539 с.
6. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 томах / [вступ. ст., сост. и примеч. С. Ф. Егорова] ; Академия педагогических наук СССР. Москва : Педагогика, 1988–1990. Том 5. 1988. 526 с.
7. Ярошенко Н. Н. Педагогические парадигмы теории социально-культурной деятельности : диссертация на соиск. учён. степ. доктора педагогических наук : 13.00.05 / Ярошенко Николай Николаевич ; Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2000. 414 с.

References

1. Alekseev N. A. *Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia]*. Novosibirsk, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2008. 494 p.

2. Atlasova M. M. *Tekhnologicheskiye osobennosti priobshcheniya k natsional'no-etnicheskoy kul'ture* [Technological features of familiarizing with national-ethnic culture]. Yakutsk, Publishing House of the North-Eastern Federal University, 2015. 200 p.
3. Atlasova M. M. *Shkol'noye krayevedeniye v kontekste natsional'noy kul'tury* [School local studies in the context of national culture]. Moscow, 2010. 177 p.
4. Zharkov A. D. *Teoriya i tekhnologiya kul'turno-dosugovoy deyatel'nosti* [Theory and technology of cultural and leisure activities]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2007. 479 p.
5. Kiseleva T. G., Krasil'nikov Yu. D. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'* [Socio-cultural activity]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2004. 539 p.
6. Ushinsky K. D. *Pedagogicheskiye sochineniya, v 6 tomakh. Tom 5* [Pedagogical works, in 6 volumes. Vol. 5]. Moscow, Publishing House «Pedagogy», 1988. 539 p.
7. Yaroshenko N. N. *Pedagogicheskiye paradigmy teorii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti. Diss. dok. ped. nauk* [Pedagogical paradigms of the theory of socio-cultural activity. Dr. ped. sci. diss.]. Moscow, 2000. 414 p.

*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ВЫСТАВОЧНОГО ПРОСТРАНСТВА И МЕСТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАЛЕРЕИ СТУДЕНЧЕСКОГО ЦЕНТРА (г. ЗАГРЕБ, ХОРВАТИЯ)

УДК 7.036(497)

Л. Швоб

Московский государственный институт культуры

Понятия «пространство» и «место» являются интересными и актуальными объектами научных исследований во многих гуманитарных дисциплинах и практиках, таких как философия, социология, этнология, антропология, история искусств, кураторская практика и т.д. В данной статье понятия подвергнуты анализу в сфере истории искусства и кураторской практики на примере деятельности Галереи Студенческого центра (Галерея СЦ) в Загребе с начала 1970-х годов до сегодняшнего дня. В дополнение к определению и категоризации пространства показаны его функции и значение в пределах искусства и кураторской практики. Пространство всегда в соотношении с произведением искусства (живописи) – двумерно. В хронологическом порядке представлено использование и исследование пространства современными художественными формами (определение и динамика). Также объясняется понятие «место», его функции во времени и то, в каком оно отношении с пространством.

Ключевые слова: пространство, место, концептуальное искусство, кураторская практика, художественное вмешательство, современное искусство, Галерея Студенческий центр, Загреб, Хорватия.

L. Svob

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE USE OF THE POTENTIAL OF ART AND EXHIBITION SPACE, AND PLACE IN THE ACTIVITIES OF THE GALLERY OF THE STUDENT CENTER (ZAGREB, CROATIA)

The concepts of „space“ and „place“ are interesting and relevant objects of research in many humanities and social sciences, like philosophy, sociology, ethnology, anthropology, art history, curatorial practice and other. The article analyzes this concept in the field of art history and

ШВОБ ЛУЦИЯ – магистр истории искусств, аспирантка кафедры истории, истории культуры социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры
SHVOB LUCI – master of arts history, doctoral student of Department of history, cultural history, Faculty of humanities and social sciences, Moscow State Institute of Culture

e-mail: lucija.svob@gmail.com

© Швоб Л., 2017

curatorial practice using the example of the Student Centre Gallery (SC Gallery) in Zagreb from the beginning of 1970s to the present day. In addition to the definition and categorization of space, the article further shows the function and meaning of space within art and curatorial practice. Space is always connected with work of art (painting) – in two directions. The use and study of space is presented in chronological order with contemporary art forms (definition and dynamics). The article also explains the concept of „place“, its function in time, and its relation to space.

Keywords: space, place, conceptual art, art intervention, curatorial practice, contemporary art, Student Centre Gallery, Zagreb, Croatia.

Для цитирования: Швоб А. Использование возможностей художественного и выставочного пространства и места в деятельности Галереи студенческого центра (г. Загреб, Хорватия) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 154–162.

Существуют различные теории и определения пространства и места. От позиции и цели, с которыми эти понятия связываются, зависит и их интерпретация. Антропологическое, историческое или философское толкование этих понятий ориентируется на разные виды пространств и мест, с которыми мы в той или иной степени сопрягаемся, которые замечаем или игнорируем, включая отношения и факторы, влияющие на эти сопряжения. Ряд различных теорий и интерпретаций данных понятий необходимо рассмотреть с точки зрения музеологии и музейного дела, а именно – «пространство» и «место» галереи или музея в культуре, «пространство» и «место» музейного предмета в экспозиции и т.д.

На примере Галереи СЦ в Загребе и её многолетней деятельности проанализируем понятия «пространство» и «место», вместе с их функцией, предназначением, изменениями и их корреляцией. В данном случае мы эти термины свяжем с кураторской практикой, которая включает в себя создание выставки. Основную роль в анализе будут играть произведения искусства и художник, а пространство будем рассматривать и в области искусства.

Пространство можно рассматривать в трёх аспектах: *архитектурное, художественное и выставочное (галерейное)*.

Архитектурное пространство – это пространство, созданное с помощью средств архитектуры. Оно имеет объём, пропорции и размеры, свою функцию и эстетику. Галерея СЦ находится в части павильона, который был отдан студентам в 1959 году для досуговой и культурной деятельности. Само здание можно рассмотреть с точки зрения архитектурного пространства: оно состоит из двух частей – небольшого квадратного зала с вогнутым фасадом и продолжения в виде прямоугольного помещения для показа выставок.

Художественное пространство – это пространство, которое создано (придуманно), определено и воплощено художником (скульптором). Художественное пространство является произведением искусства.

Методы оформления этого пространства и создание художественного произведения изучаются искусствоведением (практика) и эстетикой (теория).

Выставочное (галерейное) пространство – это пространство, которое используется для создания выставки.

В. Мизиано отмечает, что «без пространства нет выставки [2, с. 128]». В данном случае имеются в виду все три пространства.

Естественно, ведущую роль в выставке всегда играют художественные произведения и их внутренние пространства, так же как и их связь со своими создателями. Тем не менее куратор является тем, кто «исследует» пространство самой выставки (идеи и архитектурного пространства (интерьера), и художественного, и выставочного) и использует его возможности – от изменения конфигурации пространства (физически) до диалога с его атмосферой (духовно).

Ниже в тексте приведены некоторые примеры, показывающие взаимоотношение художественного и выставочного пространства, к которому пришли кураторы в ходе создания выставок.

Интересным фактом является то, что Галерея СЦ начала свою деятельность в 1961 году – как раз в то время, когда актуальные художественные тенденции требовали нового понимания выставочного пространства.

Развитие концепции белого куба [2, с. 132–133] можно заметить уже в конце 50-х годов XX века в творчестве «нового реализма» [12, р. 424–425]. Один из её представителей, Ив Кляйн, показал выставкой «Вакуум» пустое пространство галереи “*Iris Clerté*” в Париже в 1958 году. Помимо «новых реалистов», темой «пространство и место» занимались скульпторы минималистического искусства [12, р. 373–375], авторы концептуального искусства [12, р. 309–313], боди-арта [12, р. 118–119], лэнд-арта [12, р. 341–343] и перформанса. Эти художественные формы обеспечивают совер-

шенно новое восприятие пространства и требуют нового подхода в представлении таких работ. Особый акцент сделан на взаимодействии художника, создающего работу, с куратором, помогающим использовать выставочное пространство. Место же образуется посредством интеракции художественного произведения с выставочным пространством и посетителями, обмена информацией и идеями. С появлением новых форм искусства и нового подхода к пространству и месту в кураторской практике, Галерея СЦ, следуя этим тенденциям, становится подходящим примером формирования и развития «аутентичного места» на протяжении нескольких десятилетий.

Новый подход к пространству и формированию места (1969–1979). Это период определения деятельности Галереи СЦ и преобразования её в интерактивное и динамичное место с целью продвижения новых форм художественной и культурной жизни Загреба, так называемый золотой период. В то время руководителем Галереи был Желимир Кощевич, молодой куратор, открытый к экспериментальному и междисциплинарному подходу в кураторской практике. Свои идеи он брал из разных источников, в том числе из общения с художниками. Ж. Кощевич следил за европейской и мировой художественной сценой. Ценный опыт он получил в стокгольмском Музее современного искусства, который возглавлял известный куратор Понтус Хультен (1924–2006). Вдохновившись новым опытом и пониманием пространства галереи как средства художественного выражения и экспериментирования, Ж. Кощевич активно включается в работу по созданию нового типа экспозиций.

Выставкой “*Hit parada*”, открытой в 1967 году, заканчивается традиционный способ представления искусства. Выставочное пространство начинает само превращаться в произведение искусства. К экспонатам приравниваются и элементы украшения экспозиции, например – воздушные шары, свисающие с потолка. Посетители берут или прокалывают воздушные шары и таким образом принимают участие в выставке, хотя это не являлось целью куратора и художника. Роль посетителя становится активной, посетитель превращается в непосредственного участника, в какой-то мере даже экспонат выставки, то есть становится со-творцом.

С 1967 года начинается новый период в выставочной практике Галереи СЦ. В течение этого периода Ж. Кощевич интенсивно занимался поиском соотношения художественного и выставочного пространства.

Презентацию пустого пространства можно было увидеть в уже упомянутой выставке Ива Кляйна «Вакуум», а в 1969 году была открыта «Выставка женщин и мужчин», которая изначально ассоциировалась именно с выставкой И. Кляйна, – пространство галереи было совсем пустым и потихоньку заполнялось посетителями. Именно посетители стали экспонатами выставки и своим присутствием формировали его.

Многие выставки под руководством Ж. Кощевича возникали спонтанно, без строгого подхода и методологии и часто трансформировались в оригинальные идеи (например, выставка “*Hit parada*”). Ж. Кощевич поддерживал и «шагал в ногу» с новыми формами искусства и выражениями концептуальных художников.

Он давал им полную свободу в оформлении выставочного пространства. В результате выставочное пространство переместилось за пределы стен Галереи и получило название выставки-акции. Первой такой выставкой-акцией стала “*Akcija total*”.

«Появление» искусства на улице и трансформация повседневного места выставки были поначалу непонятны посетителям. Например, художники Борис Бучан и Давор Томичич расположили серии своих плакатов с геометрическими узорами на городских информационных тумбах, билбордах, создавая новое ощущение пространства.

Какое-то время спустя Галерея СЦ организует выставки-акции с произведениями, созданными именно в выбранном пространстве. Одним из таких проектов стал «Гулливер в Стране чудес» (1971), проходивший на берегу реки Кораны в Карловце, городке недалеко от Загреба. Группа художников под названием “*zagrebački plastičari*” [10, р. 23] («Загребский кружок»), появившись на берегу реки либо распределяла на местности инсталляции (металлические предметы Брацы Димитриевича), либо взаимодействовала с уже существующими на месте объектами и приглашала жителей и прохожих включиться в процесс создания нового места и пространства (например, окрашивание понтонного моста на реке, автор Ягода Калопер).

Некоторые выставки-акции смогли заинтересовать жителей. Такой явилась “*Pučke svečanosti*” («Народный праздник»), которая проводилась в одном из районов Загреба, где жители и прохожие взаимодействовали с художниками в добавлении новых культурных содержа-

ний в местную среду. Это создало место активной коммуникации и стало общей целью для художников и жителей этого района.

Различие в использовании пространства, сначала галерейного, а затем публичного, отметил художник Брацо Димитриевич, который обратил внимание на восприятие человеком пространства. В своей работе “*Suma 680*” Б. Димитриевич поместил на пол Галереи СЦ 680 окрашенных банок, с которыми посетители могли делать что угодно – составлять пирамидки, башенки, перемещать их внутри выставочного пространства и т.п.

Выставка “*Slučajni prolaznici*” («Неожиданные прохожие», 1971) проходила на главной площади Загреба. В ней было активизировано «пространство, внутри которого создаётся изменение нашего представления о том же самом пространстве [8, р. 262]». Для создания такого эффекта на здании, где обычно размещались изображения государственных чиновников бывшей Югославии, были размещены фотографии большого формата с лицами обычных людей.

За достаточно короткий, но плодотворный период деятельности Галереи СЦ, благодаря энергичности Ж. Кошевича и смелости его кураторской практики, сформировалось «живое и неповторимое место» [3, с. 135].

Место, действующее внутри себя, и сети искусства новых медиа (1979–1989). Поддерживая и стимулируя новые формы искусства и развивая идею о галерее как об эластичном, открытом пространстве, в котором находят себе место самые разнообразные виды деятельности – лекции, кинопоказы, концерты и дискуссии [1, с. 40], Галерея СЦ продолжила

работу в 80-х годах XX века под руководством Владимира Гудца и Младена Лучича. Галерея не перестала внедрять новые технологии, особенно склоняясь к видео-арту [12, р. 659–660] и разнообразным течениям искусства городской культуры. Галерея СЦ активно сотрудничала с галереями, пропагандирующими те же виды и направления искусства, такими как “*Poodrum*” [6, р. 116] в Загребе, Галерея ŠKUC в Любляне и СКЦ в Белграде [4, с. 109].

В. Гудац и М. Лучич сформировали непрерывность «золотого периода» Галереи СЦ, интересуясь разнообразными формами искусства, которые были недостаточно поняты или ещё никогда не представлялись публике, как это было с произведениями видео-арта и цифрового искусства [12, р. 305–306]. Такими формами искусства занимались художники Варя Орлич и Дарко Фриц. Они создали «пространство в пространстве» [9] работой “*Peep show*” (1986). В рамках новосозданного пространства отделённого тонкими бумажными «стенами» с разрезами на уровне глаз, стояла Варя Орлич, которая резала бумажные стены в форме спирали, в то время как на них Фриц показывал видео. В конце перформанса осталась спираль [7, р. 80].

Ещё один интересный пример «пространства в пространстве», который не относится к художественному пространству, был создан “*Antimuzej*” благодаря художнику Владимиру Додига Трокута. “*Antimuzej*” – это собрание самых различных предметов: произведений искусства, археологических находок, бытовых предметов. «Процесс, который содержит все те вещи, которые не охвачены текущей формой осознания культуры, и про-

цессы, которые существуют на окраинах культурных норм, уникальным образом открываются для сознания людей [13]». В Галерее СЦ выставка “*Antimuzej*” была представлена двумя стеллажами.

Руководство Галереи не занималось администрированием и рекламой – не было объявлений о выставках, не публиковались каталоги или выставочные программы. Поэтому её деятельность оказалась «герметичной» для проникновения широких масс посетителей. Галерея действовала посредством общения с художниками и небольшими молодёжными группами, и в результате информация распространялась только среди определенных лиц. Наряду с этим, принятие, то есть «открытие» “*Antimuzej*” убедительно отражает взгляд альтернативного места, «галереи в качестве концептуального произведения искусства (с или без посетителей) [7, р. 50]».

Место, которое соединяет современную и традиционную кураторскую практику (90-е годы XX века). Недолгий период в начале 90-х годов XX века Галереей СЦ руководят художники Дамир Бартол Индош и Хелена Клакочар.

Д. Индош был членом междисциплинарного театра с символическим названием “*Kugla glumište*” («Театр сферы») (1975–1989). Идея театра заключалась в отмене концепции театра в виде куба со строго заданным пространством для актеров и зрителей, и вместо этого предлагалась новая концепция сферы, которая открывала больше возможностей для театральных постановок. Опыт новации нового руководителя в театральной среде дал возможность углубить междисциплинарную деятельность галереи. В галерее стали организовываться выстав-

ки, соединяющие музыку с визуальным искусством.

Через год концепция деятельности Галереи изменилась из-за социально-политической ситуации в Хорватии (распад Югославии и гражданская война в Хорватии (1991–1995)). В связи с резкими политическими, социальными и экономическими изменениями вектором внутренней политики Хорватии с 1991 года становится формирование государством своей национальной идентичности. Разумеется, что в таких условиях, как гражданская война, во всех сферах культуры, в том числе и в выставочной деятельности, начинает особо подчёркиваться патриотический и даже националистический характер.

После краткого руководства художников Д. Индоша и Х. Клакочар, на должность куратора приходит Лиляна Домич. Она, руководствуясь общей тенденцией развития Галереи, не нарушая традицию поддержки инноваций, умело соединяла традиционное художественное выражение с течениями в современном искусстве. За своё руководство в период с 1991 года по 1995 год Л. Домич постоянно включала в выставки произведения хорватских художников, известных своим традиционным стилем с патриотическими и религиозными акцентами, наряду с инсталляциями и видео-артом молодых художников. Таким «постмодернистским образом» [7, р. 63] понимая и представляя искусство, Л. Домич превратила Галерею СЦ в место надежды, которое соединяет людей разных взглядов на искусство и жизнь в целом.

Восстановление узнаваемой концепции деятельности Галереи СЦ (2000-е годы). В конце 90-х годов XX века дея-

тельность Галереи СЦ возвращается к форме экспонирования современного искусства, создавая место для продвижения художников нового поколения.

Как только руководителями Галереи стали Божиця Матасич и Ксения Бароница, начинают организовываться интересные проекты, в том числе и международные. По примеру практики 1970-х годов, они используют открытый подход к различным художественным выражениям, тщательно отбирают молодых художников, позволяя им создавать галерейное пространство самостоятельно.

Три автора, занимающиеся в основном видеoinсталляциями, Давор Мезак, Данко Фришич и Фране Рогич, вместе выставили работу «Три комнаты», которая представляет собой интересный пример неожиданного участия художников и посетителей в художественном пространстве. После технических проблем, связанных с оборудованием «комнат», авторы меняют концепцию и содержание в последний момент. Не успевая подготовиться к открытию выставки, они работали во время открытия – входили посетители и спонтанно общались с художниками [7, р. 126]. Таким образом выставка переросла в спонтанный перформанс.

Дамир Медвешек и Дарко Павлич, художники сценографии Национального театра в Загребе, «перенесли» пространство своей повседневной жизни из театра в галерею. Вся галерея была покрыта большими окрашенными подкладками, на которых обычно рисовали, что давало возможность посетителю находиться в пределах изображения [7, р. 127].

Следуя своей изначальной цели, Галерея СЦ до сих пор существует как место, постоянно находящееся в динамике,

открытое и готовое представлять самые актуальные течения в современном искусстве и указывать на вопросы, которые волнуют художников, отражать проблематику настоящего.

Неисчерпаемая тема пространства и места в области искусства и кураторской практики получает своё новое начало в 1960-х годах с появлением концептуального искусства и новыми стилистическими направлениями. Концептуальное искусство характеризуется процессом исследования и анализа формирования художественного произведения и его взаимоотношений с внешним миром. Появляется новое восприятие и понимание художественного пространства, которое влияет прямо на форму экспонирования и на отношения между тремя пространствами: архитектурным, художественным и выставочным.

В небольшом хронологическом обзоре многолетней деятельности Галереи СЦ можно проследить за изменениями этого места, его выставочной деятельности и направлений в экспонировании художественного искусства. Это динамичное и интерактивное место, где, начиная с 70-х годов XX века, творятся, собираются, сохраняются и транслируются культурные ценности и новые художественные практики общественной жизни Загреба.

В последнее десятилетие XX века и в начале 2000-х Галерея СЦ несколько изменилась – от соединения традиционных и современных форм представления до установления вновь узнаваемых тенденций побуждения и непрерывной поддержки инноваций в кураторстве как руководстве творчеством и экспонированием.

Примечания

1. Джейкоб М. Д. Места с прошлым [Электронный ресурс]// Теории и практики : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://special.theoryandpractice.ru/places-with-the-past> (дата обращения: 12.05.2016.).
2. Мизиано В. Пять лекций о кураторстве. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015. 231 с.
3. Обрист Х. У. Краткая история кураторства. Москва : Ад Маргинем, 2012. 256 с.
4. Швоб Л. Феномен галерей студенческих культурных центров в течение 1970-х годов в Югославии: возникновение связей между культурной, художественной и общественной деятельностью // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 108–113.
5. Auge M. *Non places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London, 1995. Pp. 75–115.
6. Bago I. A Window and a Basement: Negotiating Hospitality at La Galerie Des Locataires and Podroom—The Working Community of Artists. *Artmargins 1: 2–3*. Massachusetts, 2012.
7. Glavan D., Topić L. *Galerija studentskog centra— 40 godina*. Zagreb, 2005. 196 s.
8. Goldberg R. Space as Praxis. *Studio International*, New York, 1975. Pp. 251–262.
9. Marjanić S. Darko Fritz-Performativni sraz novih medija. *Zarez*. 03/2015. URL: <http://www.zarez.hr/clanci/performativni-sraz-novih-medija> (дата обращения: 12.05.2016).
10. Matičević D. Zagrebački krug. *Nova umjetnička praksa*, 1966–1978. Zagreb, 1978. S. 21–29.
11. O'Doherty B. *Inside the white cube: the Ideology of the Gallery Space*. San Francisco, 1999. P. 113.
12. Švuković M. *Pojmovnik suvremene umjetnosti*. Zagreb, 2005. 854 s.
13. Trokut V. D. O Antimuzeju. URL: <http://anti-muzej.com/o-antimuzeju> (дата обращения: 12.05.2016).
14. *Galerija Nova. Nevidljiva povijest izložbi*. Zagreb, 2008. № 18. S. 8–12.

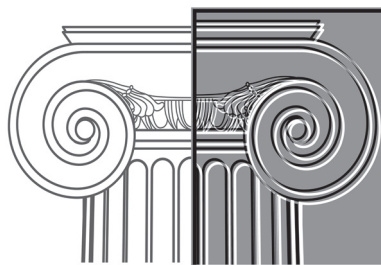
References

1. Dzheikob M. D. *Mesta s prošlym [Designated with the past]*. Available at: <http://special.theoryandpractice.ru/places-with-the-past> (accessed: 12.05.2016.).
2. Miziano V. *Pyat' leksi o kuratorstve [Five lectures on curating]*. Moscow, Ad Marginem Press, 2015. 231 p.
3. Obrist Kh. U. *Kratkaya istoriya kuratorstva [Brief history of curating]*. Moscow, Ad Marginem Press, 2012. 256 p.
4. Svob L. The phenomenon of student cultural centers galleries during the 1970s in Yugoslavia: The emergence of relations between the cultural, artistic and social activities. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 3 (71), pp. 108–113. (In Russian).
5. Auge M. *Non places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London, 1995. p. 75–115.
6. Bago I. A Window and a Basement: Negotiating Hospitality at La Galerie Des Locataires and Podroom—The Working Community of Artists. *Artmargins 1: 2–3*. Massachusetts, 2012.
7. Glavan D., Topić L. *Galerija studentskog centra— 40 godina*. Zagreb, 2005. 196 s.
8. Goldberg R. Space as Praxis. *Studio International*, New York, 1975. Pp. 251–262.
9. Marjanić S. Darko Fritz-Performativni sraz novih medija. *Zarez*. 03/2015. URL: <http://www.zarez.hr/clanci/performativni-sraz-novih-medija> (accessed: 12.05.2016).

10. Matičević D. Zagrebački krug. *Nova umjetnička praksa*, 1966–1978. Zagreb, 1978. S. 21–29.
11. O'Doherty B. *Inside the white cube: the Ideology of the Gallery Space*. San Francisco, 1999. P. 113.
12. Šuvaković M. *Pojmovnik suvremene umjetnosti*. Zagreb, 2005. 854 s.
13. Trokut V.D. *O Antimuzeju*. URL: <http://anti-muzej.com/o-antimuzeju> (accessed: 12.05.2016).
14. *Galerija Nova. Nevidljiva povijest izložbi*. Zagreb, 2008. № 18. S. 8–12.

*

БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ БИБЛИОТЕКАРЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

УДК 351.85:378

Г. А. Алтухова

Московский государственный институт культуры

В статье показаны особенности и специфика библиотечной профессии в условиях глобализации и информатизации общества, отмечаются основные направления разработки библиотекой собственных ориентиров информационной, образовательной и культурно-просветительской работы. Автор рассматривает современное направление библиотечно-информационной деятельности с позиций компетентностного подхода, который представлен двумя полярными направлениями: компетентность как универсальный признак личности библиотечного специалиста и компетентность как индивидуальные качества, проявляющиеся в выполнении им профессиональных обязанностей.

Ключевые слова: библиотечная профессиология, глобализация и информатизация общества, компетентностный подход в библиотечно-информационной деятельности.

G. A. Altukhova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

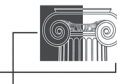
PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE LIBRARIAN IN THE ERA OF GLOBALIZATION AND INFORMATION SOCIETIES

The article shows the features and specifics of the library profession in the context of globalization and Informatization of society, pointing out the main directions of development of a library of its own benchmarks informational, educational and cultural – educational work. The author considers the current direction of the library-informacionnoy activities from the standpoint of the competence approach, which is represented by two polar directions: competent as a universal personality trait library specialist and competence as an individual quality, which is manifested in the discharge of his professional duties.

АЛТУХОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотекведения и книговедения социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

ALTUKHOVA GALINA ALEKSEEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Department of Library Science and Bibliology, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: gala88940@yandex.ru
© Алтухова Г. А., 2017

Keywords: library professionals, globalization and informatization companies, competence-based approach in library and information activities.

Для цитирования: Алтухова Г. А. Профессиональные компетенции библиотекаря в эпоху глобализации и информатизации общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 164–171.

Информатизация изменила все сферы человеческой деятельности, в том числе и содержание работы библиотек. Библиотека сегодня – один из социальных и культурных институтов, востребованных обществом, её отличает от других, близких по направлению социальных институтов, то, что в современной библиотеке соблюдается принцип равенства всех слоёв населения, независимо от социального статуса, возраста, национальности, места жительства, пола и т.д. Равноправное сотрудничество библиотечного специалиста и пользователя способствует снижению социальной напряжённости в обществе и утверждению социальной справедливости.

Библиотека разрабатывает собственные ориентиры информационной, образовательной и культурно-просветительной работы с населением. Не отказываясь от зарекомендовавших себя на протяжении веков традиционных форм и методов непрерывного образования и обучения населения, библиотекарь решает сложные задачи своевременного и качественного доступа к информации, использует рациональные способы управления изменениями, позволяющими прогнозировать развитие библиотеки, повышать престиж профессии, формировать её имидж.

Библиотечная профессионалогия – это сформировавшееся в рамках библиотековедения научное направление, изучает специфику трудовой деятельности библиотекарей как социальной группы.

В предмет этого изучения входит исследование профессиональных требований к библиотечным специалистам, изучение содержания и форм их труда, определение престижа профессии. Проблематика профессионалогии также охватывает широкий круг вопросов, в том числе проблемы общения, язык, этикет, имидж, а также образование и профессиональное самобразование, нравственные ценности и нормы.

Особенностью библиотечной профессии является её двойственность: с одной стороны, неизменной ценностью труда библиотекаря является деятельность, направленная на раскрытие фонда, продвижение знаний и информации, выполнение образовательной, информационной, культурно-просветительной функций, а с другой – библиотекарь является хранителем накопленных мировой цивилизацией знаний, культурных ценностей и информации. Обе эти функции реализуются во взаимодействии, и каждая из них имеет большое значение для формирования профессиональных знаний, умений и навыков и библиотекаря, и пользователя.

Профессия библиотекаря носит как индивидуальный, так и коллективный характер. В отличие от других профессий, подразумевающих работу с людьми и документами, библиотекарь не только управляет библиотечной деятельностью, но и сотрудничает с пользователями, коллегами, общественными организа-

циями. Библиотекари защищают корпоративные интересы и объединяются в профессиональные союзы. Эта деятельность строится на обратной связи с субъектами воздействия, с учётом множества объективных обстоятельств и окружающих факторов. Библиотекарь согласовывает свои действия с действиями коллектива, учится у коллектива, обогащает свою профессиональную деятельность опытом коллег и взаимосвязями с пользователями.

Организуя доступ к документам, библиотекарь обеспечивает устойчивое развитие общества, его гуманистический характер. В условиях технизации и компьютеризации общества гуманитарная парадигма деятельности библиотеки приобретает особую актуальность и трансформируется в новые направления.

Библиотекарь, игнорирующий гуманистические ценности библиотечного труда, равнодушный к общественным проблемам, не уважающий читателей и коллег, является большим социальным и профессиональным злом, за которое дорого платит общество.

Творчество библиотекаря разнообразно, оно проявляется в эффективном применении имеющегося опыта, в умении видеть варианты решения одной и той же проблемы и нестандартные подходы к разработке новых форм, средств, приёмов и методов передачи информации. Чтобы успеть за стремительным темпом развития новых информационных технологий, библиотекарь изучает передовой опыт, постоянно учится, повышает свою профессиональную квалификацию. Внедрение новшеств в процесс библиотечного обслуживания сводится: к обучению библиотекаря творческому отношению к

труду; к рационализации библиотечных процессов; к поиску проблем, ждущих своего совершенствования; к овладению методикой аналитической и научно-критической деятельности специалиста.

Побудительными мотивами в деятельности библиотекаря выступают цели его труда, в достижении которых он опирается на современные научные исследования, передовую библиотечную практику, согласует свои действия с потребностями общества. Некоторые общие характерные черты российской модели современной библиотеки находят своё отражение в целом ряде законодательных актов, а также документов, принятых профессиональным сообществом. Среди них – Федеральный закон «О библиотечном деле» (1994), «Об обязательном экземпляре документов» (1994), «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (2006); Модельный стандарт деятельности публичных библиотек (2008) и другие. В них отражаются главные цели и задачи библиотечного развития, определены социальные функции библиотеки.

Целями профессиональной деятельности современного библиотекаря являются: осуществление государственной политики в сфере культуры, науки и образования, содействие развитию и модернизации общества, повышение престижа библиотечной профессии и гуманизация библиотечного обслуживания.

К основным задачам профессиональной деятельности библиотекаря относятся:

- обеспечение свободного и равного беспрепятственного доступа к накопленным мировой культурой знаниям, их сохранение для общественного пользова-

ния, совершенствование и расширение номенклатуры предоставляемых населению услуг; доступность (близкое расположение) библиотеки, удобный для пользователей режим работы, рациональная организация справочно-поискового аппарата, понятные читателю правила пользования ресурсами библиотеки, комфортные условия работы в библиотеке и соблюдение принципа бесплатности;

- создание в библиотеке комфортной информационно-образовательной среды, компьютеризация библиотечно-информационных процессов; внедрение новых информационных технологий, укрепляющих позиции библиотеки в информационном обществе;

- превращение библиотек в центры решения гуманитарных проблем, досуга, культуры и общения, совершенствование традиционных и внедрение в практику работы новых библиотечных технологий;

- развитие социальной роли библиотек, воспитание гражданского самосознания, патриотизма, возрождение духовности, нравственности и экологической культуры населения;

- совершенствование профессионального мастерства библиотекаря, повышение квалификации, развитие методической, консультационной помощи пользователям, внедрение в процесс обслуживания передового опыта и лучших достижений науки и практики.

В оценке профессиональных качеств библиотекаря широко используется компетентностный подход, который представлен двумя полярными направлениями: компетентность как универсальный признак личности специалиста и компетенции как индивидуальные качества, проявляющиеся в выполнении профес-

сиональных обязанностей. Компетентность – это обладание знаниями, позволяющими судить о чём-либо. Под компетенцией библиотекаря понимаются требования к личностным качествам сотрудников библиотеки (или к какой-то отдельной группе сотрудников). В данном понимании понятие «компетенции» используется при оценке знаний и опыта, необходимых для эффективной профессиональной деятельности сотрудников библиотеки. К основным компетенциям современного библиотекаря можно отнести гностические (знаниевые) компетенции.

Знания – это отражение человеком объективной действительности в форме фактов, представлений, понятий и законов науки. Они представляют собой коллективный опыт человечества. Библиотекарь анализирует возникающие в повседневной практике ситуации, формулирует профессиональные задачи, изучает читателей (его возрастные, индивидуальные особенности, личностные качества, взаимоотношения с коллегами), извлекает новые знания из профессиональной литературы. С помощью научных знаний библиотекарь улучшает процесс своей деятельности и одновременно развивает свою зрелость как специалист и личность в целом. Профессиональные знания (методологические, теоретические, методические и технологические) формируют у специалиста развитое профессиональное мышление, способность анализировать и синтезировать приобретённые знания, применять их на практике.

Библиотеки стремятся стать центрами знаний, выполнять функции непрерывного образования и просвещения, привлекая к работе с пользователями

специалистов ведущих отраслей знаний: историков, филологов, искусствоведов и других. Методические знания связаны с освоением библиотекой новых информационных технологий, повышением квалификации библиотечных кадров, помогают библиотекарю самостоятельно принимать профессиональные решения, владеть необходимыми навыками разработки и совершенствования системы обслуживания пользователей. Теоретические знания помогают библиотекарю в организации своей деятельности и в решении различных проблем, возникающих в его повседневном труде, способствуют систематизации результатов познавательной деятельности. Информационная компетенция библиотекаря связана с модернизацией общества, с развитием информационных технологий, с помощью которых расширяются границы библиотеки. Библиотеки сегодня являются важнейшими информационными центрами по сбору и распространению информации, а библиотекари – навигаторами в огромном мире информации и знаний, которые способствуют доступу к мировым информационным ресурсам, помогают пользователю ориентироваться в традиционной книжной и электронной среде. Функциональная компетенция – это умения извлекать новые знания из различных источников, из исследования собственной деятельности в трудовой сфере, а именно – это умения:

- самостоятельно работать с различными источниками информации;
- анализировать возникающие в процессе трудовой деятельности ситуации;
- формулировать профессиональные задачи, добывать новые знания, необходимые для их продуктивного решения,

- изучать, обобщать и внедрять передовой опыт.

Вместе с тем библиотекарь продвигает информацию в читательскую аудиторию, поскольку источник информации, книга или электронный документ, остаётся невостребованным, пока библиотечный специалист не начнёт с ним работать.

Коммуникативная компетенция определяет сложные процессы взаимодействия в библиотечной среде, заключающиеся в обмене информацией, восприятии и понимании партнёрами общения. С этой целью библиотека расширяет свои социальные функции, проводя всё большее количество обучающих курсов, лекций, мероприятий, посвящённых встречам с известными в своей области специалистами, обсуждению документов. В комфортных условиях информационно-образовательной среды библиотеки организуются клубы по интересам, курсы иностранных языков, художественные секции и другие мероприятия, приближающие документы к пользователю. Современная библиотека становится центром общественной жизни, предоставляя возможности для проведения публичных собраний, различных «Дней» (города, информации, открытых дверей, библиографии и т.д.), организуя доступ к библиотечному фонду, существующим информационным сетям, к средствам массовой информации, осуществляя связи с населением, местными и федеральными властями, социальными службами, государственными и частными предприятиями.

При коммуникативном воздействии библиотекарь имеет намерения:

- установить контакт и деловые отношения в библиотечной среде, соблюдая

при этом определённый статус и роли участников общения;

- дать или получить нужную информацию или обменяться ею;
- избрать оптимальные пути общения в библиотечной среде.

В коммуникативном процессе, которым управляет библиотекарь, выделяют вербальную и невербальную коммуникацию. Вербальная коммуникация осуществляется посредством речи. Речь – это слепок характера, индивидуальности, силы мысли, многообразия идей, способности к творческому мышлению. Библиотекарь – не простой передатчик информации, а заинтересованный собеседник, со своим мнением, со своим индивидуальным отношением к решаемой проблеме, со своим пониманием происходящих событий. Навыки речевой культуры библиотекаря говорят о своеобразии его личности, об уровне духовного и интеллектуального потенциала, о внутренней культуре и способности установить эмпатию – эмоционально воспринять другого человека, проникнуть в его внутренний мир и принять его. Невербальная коммуникация повышает эффективность общения, усиливает не только степень понимания слов, но и позволяет оценить поведение участников общения, их мимику, жесты, движения, позы, интонацию, направленность взгляда и т.д. Невербальная коммуникация позволяет участникам общения полнее выразить свои чувства, показывает, насколько они владеют собой, как в действительности люди относятся друг к другу.

В многофункциональной деятельности библиотекаря, более чем в какой-либо другой профессии, общество ценит не только уровень образования, объём

специальных знаний, умений, навыков специалистов, но и моральные качества, под которыми понимаются устойчивые проявления нравственного сознания в принятии решений, поведении и самопрезентации. Здесь моральный облик библиотекаря занимает особое место, а иногда играет и главную роль в решении профессиональных задач. Библиотечная этика формируется на основании характерных обязанностей и задач профессии, с учётом тех ситуаций, в которых могут оказаться библиотечные специалисты. Моральные требования, которые возникают при выполнении библиотекарем профессиональных обязанностей, облегчают выбор правильной линии поведения, ограждают его от этических ошибок.

Труд библиотечного работника не может быть строго формализован. Поэтому от него требуется не только высокая квалификация, но и глубокое осознание своего морального долга перед обществом, коллегами и пользователями. Ведущая категория библиотечной этики – профессиональный долг. В этой категории более чётко сформулированы ценности и нормы-требования к библиотечному специалисту, предъявляемые ему обществом. Особое внимание обращают библиотечные специалисты на такую этическую категорию, как ответственность. Ответственность библиотекаря обусловлена не только моральной, но и общей ценностной ориентацией специалиста: его заботой о благе библиотеки, коллектива, о результатах нравственного действия чтения на пользователей. Категория совести применительно к библиотечной профессии – это нравственная позиция, «нравственный взгляд» библиотечного специалиста на окружающую

действительность, на место профессии в библиотечном мире, эта категория влияет на результат интеллектуальной и эмоциональной духовной деятельности библиотекаря.

Честь (профессиональная честь) – это осознание достоинства и долга перед обществом, коллективом, читателями. Профессиональная честь библиотечного специалиста проявляется в ответственном отношении к своему долгу и обязанностям, готовности выполнить свой долг при любых условиях и подчас непростых обстоятельствах, в которых сегодня находится библиотека. Для поддержания чести библиотечной профессии важно и её признание как библиотекарем, так и коллективом, и оценка реального вклада библиотечного труда в развитие общества. Профессиональные компетенции библиотекаря формируются на всех уровнях деятельности: методологическом (знание закономерностей развития профессии), теоретическом (законы, принципы и правила библиотековедения, информатики и психологии и пр.), методическом (уровень конструирования про-

цесса обслуживания), технологическом (комплектование фондов, выполнение запросов пользователей и других технологических процессов). Это требует от библиотекаря достаточно развитого профессионального мышления, способности отбирать, анализировать и синтезировать приобретённые знания для достижения целей и задач библиотеки. Всё возрастающее число источников и каналов получения информации, революционных способов её передачи принуждает библиотеку к популяризации своих возможностей.

Как отмечает Е. Ю. Гениева, «сейчас библиотека как, может быть, ни один из социальных институтов, испытывает мощное влияние конкурентной среды и в силу этого находится в активном поиске своего будущего и естественным путём рождает интереснейшие и сугубо практические варианты решений [4]». Поэтому вопросы повышения престижа библиотечной профессии, улучшения её имиджа, соответствия требованиям времени сегодня как никогда актуальны и требуют большой работы по популяризации библиотечной профессии.

Примечания

1. Алтухова Г. А. Основы библиотечного имиджа. Москва : Литера, 2008. 224 с.
2. Алтухова Г. А. Профессиональная идеология как целостный свод идей, ценностей и норм // Библиотечное дело. 2010. № 5. С. 16–20.
3. Алтухова Г. А. Т. Ф. Каратыгина: «Федор Иванович Каратыгин: педагог, ученый, человек, стоявший у истоков МГУКИ» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 4. С. 249–253.
4. Гениева Е. Ю. Библиотека как институт модернизации, или Ноев ковчег цивилизации // Библиотечное дело. 2011. № 21. С. 6.
5. Дворкина М. Я. Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. Москва : ФАИР, 2009. 256 с.
6. Кодекс этики Российского библиотекаря [Электронный ресурс] : принят Конференцией Российской библиотечной ассоциации, XVI Ежегодная сессия, 26 мая 2011 года, город Тюмень // Российская библиотечная ассоциация : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://www.rba.ru/content/about/doc/codex.php>

References

1. Altukhova G. A. *Osnovy bibliotecnogo imidzha [Fundamentals of library image]*. Moscow, Publishing house "LITERA", 2008. 224 p.
2. Altukhova G. A. Professional'naya ideologiya kak tselostnyy svod idey, tsennostey i norm [Professional ideology as a holistic body of ideas, values and norms]. *Bibliotечноe Delo [Library Science]*. 2010, no. 5, p. 16–20.
3. Altukhova G. A. T. F. Karatygina: "Fedor Ivanovich Karatygin: pedagog, uchenyy, chelovek, stoyavshiy u istokov MGUKI" [T. F. Karatygina: "Fedor Ivanovich Karatygin: a teacher, a scientist, a man who stood at the origins of MSUCA"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2010, no. 4, pp. 249–253.
4. Genieva E. Yu. Biblioteka kak institut modernizatsii, ili Noyev kovcheg tsivilizatsii [Library as an Institute for Modernization, or Noah's Ark of Civilization]. *Bibliotечноe Delo [Library Science]*. 2011, no. 21, p. 6.
5. Dvorkina M. Ya. *Bibliotечно-informatsionnaya deyatel'nost': teoreticheskiye osnovy i osobennosti razvitiya v traditsionnoy i elektronnoy srede [Library-information activity: theoretical bases and features of development in the traditional and electronic environment]*. Moscow, Publishing house "FAIR", 2009. 256 p.
6. *Kodeks etiki Rossiyskogo bibliotekarya: prinyat Konferentsiyey Rossiyskoy bibliotечноy assotsiatsii, XVI Yezhgodnaya sessiya, 26 maya 2011 goda, gorod Tyumen'* [Code of Ethics of the Russian Librarian: adopted by the Conference of the Russian Library Association, XVI Annual Session, May 26, 2011, Tyumen]. Available at: <http://www.rba.ru/content/about/doc/codex.php>

*

КУРСОВАЯ РАБОТА КАК ВИД УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ПОДГОТОВКИ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

УДК 378.14:023.5

Н. В. Лопатина, К. В. Ивина

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена курсовой работе как инструменту привлечения будущих библиотекарей к научно-исследовательской, проектной и инновационной деятельности. Представляется опыт кафедры библиотековедения и книговедения Московского государственного института культуры по организации выполнения курсовых работ в бакалавриате по направлению «Библиотечно-информационная деятельность». Специально изучается место курсовой работы в подготовке магистров библиотечно-информационной деятельности. Анализируются экономическая и педагогическая эффективность курсовой работы.

Ключевые слова: библиотечно-информационное образование, бакалавриат, магистратура, библиотекарь, курсовая работа, учебная деятельность, вид учебной деятельности, педагогическая эффективность.

N. V. Lopatina, K. V. Ivina

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

COURSE WORK AS A LEARNING ACTIVITY IN THE STRUCTURE OF THE TRAINING LIBRARY AND INFORMATION PROFESSIONALS

The article attracts attention to course work as a means of attracting future librarians to research, design and innovation. We present the experience of the Department of library science and bibliography Moscow State Institute of Culture on the organization of coursework at the bachelor degree

¹ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой библиотековедения и книговедения социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

LOPATINA NATALYA VIKTOROVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Library Science and Bibliology, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture

²ИВИНА КАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления информационно-библиотечной деятельностью, декан социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры

IVINA KARINA VLADIMIROVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Department of management of library and information activities, Dean of Faculty of humanities and social studies, Moscow State Institute

e-mail: dreitser@rambler.ru¹, ivinakarina@mail.ru²

© Лопатина Н. В., Ивина К. В., 2017

in “Library and information activities”. Specifically, we study the choice of coursework in preparation of masters in library and information work. Economic and pedagogical effectiveness of the course work are analyzed.

Keywords: library and information education, undergraduate, graduate, librarian, course work, educational activity, pedagogical effectiveness.

Для цитирования: Лопатина Н. В., Ивина К. В. Курсовая работа как вид учебной деятельности в структуре подготовки библиотечно-информационных специалистов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 172–180.

Сегодняшний день библиотечно-информационного образования диктует необходимость индивидуального подхода к обучающемуся в процессе формирования профессиональных компетенций [3]. В этих условиях принципиальную значимость приобретает привлечение студента к научной, исследовательской, инновационной, проектной деятельности, осуществляемой вузами самостоятельно или в рамках взаимодействия с практикой. Традиционным, но теряющим актуальность и эффективность решением этой задачи выступает курсовая работа.

В современных педагогических практиках курсовая работа понимается как индивидуальное задание, самостоятельно выполняемое студентом для закрепления теоретического и методического знания, полученного в ходе обучения. Между тем актуальные задачи методики библиотечно-информационного образования определяют перспективность внедрения иного, более сложного понимания сущности курсовой работы – как вида учебной деятельности.

Современная педагогическая наука рассматривает учебную деятельность как комплекс, системно интегрирующий учебную задачу, учебное действие, контроль и оценку. Трактую курсовую работу как вид учебной деятельности, мы по-

лучаем возможность сконцентрировать педагогические усилия не только на формулировке задания (тематики курсовой работы), формализованном контроле его выполнения и оценке, но и на организации учебных действий.

Сама постановка педагогической задачи организации учебных действий, выполняемых в ходе подготовки курсовой работы, расширяет границы педагогического воздействия. В данном случае педагог акцентирует свои усилия не только на тексте курсовой работы, как на основном результате, но и непосредственно на процессе научного исследования.

Такой подход позволяет избежать упрощения дидактической цепочки «от реферата к курсовой работе, от курсовой к дипломной работе», которая в представлении большинства студентов, а также, к сожалению, и ряда педагогов воплощается в накоплении содержания, материала, текста (по модели «два реферата – курсовая работа, две курсовые работы – значительная часть диплома»).

Учебно-деятельностное понимание курсовой работы воплощает описываемую дидактическую цепочку в постепенном и поступательном овладении методами, приёмами и навыками исследовательской работы, в готовности к само-

стоятельному применению на практике теоретических знаний, полученных в результате обучения будущих библиотекарей. В этом случае прикладное объяснение выглядит следующим образом: от овладения навыком работы с литературой – к поиску, отбору, критической оценке, обобщению по теме (реферат) – к применению полученного теоретического и методического знания для познания и преобразования библиотечно-информационных явлений и процессов (курсовая работа) и далее – к самостоятельной аналитической деятельности в отрасли, к выработке оригинального решения типовой профессиональной задачи, к самостоятельной, авторской проектной деятельности, к научно обоснованному доказательству собственной точки зрения по актуальным проблемам библиотечного дела, библиографии, книжной культуры (дипломная работа). Иными словами – от отдельных действий к комплексному научно-исследовательскому проекту.

Кафедра библиотековедения и книговедения Московского государственного института культуры в ходе научно-практических исследований, проводимых в русле теории и методики профессионального библиотечно-информационного образования, сделала попытку дифференцировать жанры курсовой работы, оценить их педагогическую эффективность для подготовки будущего библиотекаря и выявить те, которые максимально комплексно формируют профессиональные компетенции, стимулируют активность учебной и исследовательской деятельности, развивают значимый круг личностных компетенций, в первую очередь – самостоятельность, ответственность, мотивацию, интерес к профессии.

Проведённое педагогическое исследование будущих бакалавров библиотечно-информационной деятельности показало, что наибольшую результативность имеют следующие форматы курсовой работы (см. таблицу 1).

Приведём в качестве примера применения разнообразия форматов курсовых работ тематику курсовых проектов, выполняемых студентами МГИК (с дифференцированным подходом к выбору темы в зависимости от формы обучения – очной или заочной) по дисциплине «Библиотековедение» (включающей модули по истории библиотечного дела):

- «Структура библиотечно-информационной деятельности в библиотеках определённого типа (по выбору студента)»;
- «Культурно-просветительская функция библиотек и её реализация в конкретной библиотеке (по выбору студента)»;
- «Типологический анализ библиотек региона (по выбору студента)»;
- «Универсальная научная библиотека в информационной и культурной среде региона (по выбору студента)»;
- «Электронные библиотеки в жизни региона (по выбору студента): социологическое исследование»;
- «Разработка профессиограммы трудовой деятельности автора работы [рекомендуется для работающих студентов]»;
- «Современный библиотекарь глазами читателей: социологическое исследование»;
- «Библиотекарь в литературе, кинематографе, изобразительном искусстве (автор и герой, по выбору студента) [Источниковедческий поисковый и критико-рецензионный проект]»;

Таблица 1

Историографическое исследование	Исследование истории изучения темы, вопроса, проблемы, включающее анализ публикаций различных авторов, внёсших вклад в разработку данной темы.
Практико-ориентированное исследование / проект	Нацелен на решение практических задач библиотечного дела, отражающих интересы участников проекта. Эти проекты отличает чётко обозначенный с самого начала результат, который должен быть использован в деятельности конкретной библиотеки. Например, разработать программу, план деятельности, типологию и классификацию и т.п.
Аналитическое исследование	В ходе исследования осуществляется сбор информации о конкретной библиотеке, библиотечной сети и т.п., с целью анализа, обобщения, выявления и объяснения проблем, разработки вариантов или путей их решения, подготовки рекомендаций для внедрения.
Социологическое исследование	Эмпирическое социологическое исследование направлено на получение первичной социологической информации о библиотеке, отдельных аспектах библиотечной деятельности. Респондентами выступают читатели и библиотекари. Социологическое исследование должно опираться на использование специальных для социологии конкретных научных методов, приёмов и процедур.
Проектная деятельность	Решение значимой проблемы / задачи (исследовательской, информационной, практической), требующей интегрированного знания, исследовательского поиска её решения и разработки практических рекомендаций по её решению, внедрённых или готовых к внедрению в практику.
Моделирование	Построение и изучение моделей библиотек, библиотечно-информационных процессов или явлений с целью получения объяснений этих явлений.
Практико-ориентированное изучение официальных материалов	Анализ официальных документов, регламентирующих и освещающих деятельность общественных библиотечных организаций, с целью извлечения из источников информации, которая может быть полезна для решения исследовательских задач и проблем современных библиотек.
Историко-архивное исследование	Поиск материалов о библиотеках и / или библиотекарях, хранящихся в различных архивах.

• «Библиотека в историко-культурной среде региона (по выбору студента)» и т.д.

По ходу освоения образовательной программы содержание курсовых работ усложняется, усиливается их практико-ориентированный и проектный характер. Так, по дисциплине «Библиотечный фонд» тематика курсовых работ определена заявками работодателей. Студентам предлагается, например, подготовить аналитическую справку о фонде конкретной библиотеки или его подсистемы с констатацией состояния, критическими замечаниями, самостоятельно разработанными рекомендациями и предложениями (анализ осуществляется по критериям, предлагаемым в учебной и научной литературе по фондоведению).

Второй вид курсовой работы – разработка модели подсистемы фонда для конкретной библиотеки с учётом специфики факторов, значимых для комплектования библиотечного фонда. Факторы выявляются посредством изучения учебной и научной литературы по фондоведению и анализа деятельности конкретной библиотеки. На основе полученных данных самостоятельно разрабатывается модель подсистемы фонда, представляется и объясняется в курсовой работе.

Третий вариант – создание проектов локальных документов (документов для конкретной библиотеки) по управлению фондами. Предлагается два задания – создание альбома управленческой документации с учётом особенностей системы делопроизводства конкретной организации и разработка регламента (документа, который перечисляет и описывает по порядку этапы (шаги), которые должна предпринимать группа участников для

выполнения производственного процесса) обработки фонда.

Четвёртый вариант – проекты, выполняемые на стыке нескольких дисциплин:

- социологическое исследование как основа для принятия решений по комплектованию;

- создание навигатора (электронного гипертекстового библиографического указателя, указателя гиперссылок на интернет-ресурсы) законов и подзаконных актов, касающихся вопросов комплектования;

- разработка дизайн-проекта помещения отдела комплектования и обработки;

- разработка педагогической и просветительской программы (программы мероприятий) по формированию у читателей культуры использования библиотечного фонда.

Одним из остро актуальных и практико-ориентированных вопросов теории и методики библиотечно-информационного образования выступает уточнение роли курсовой работы в магистерской подготовке [2]. ФГОС ВПО и ФГОС ВО магистратуры по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» представляют собой редкий случай образовательных стандартов, в которых не регламентируется представление научных результатов в виде опубликованных работ.

Этот кейс оказывается очень показательным для оценки организации образовательного процесса в конкретном вузе, так как нередко наблюдается непонимание смысла научно-исследовательской работы магистранта как учебного действия. Неверным было бы говорить о том,

что это свойственно только вузам культуры или другим вузам, осуществляющим подготовку магистров библиотечно-информационной деятельности. Это отмечается и исследователями, изучающими теорию и методику профессионального образования в других отраслях.

Например, И. Д. Белоконь показывает, что «анализ современной практики организации и научно-методического обеспечения исследовательской работы в военных вузах показал, что не прослеживается система формирования исследовательских навыков курсантов в образовательном процессе. Выполнение самостоятельных научных работ курсанты связывают с эпизодическим выполнением заданий исследовательского типа (подготовка рефератов, докладов, составление отчетов, выполнение дипломных работ). И хотя при этом у курсантов формируется некоторый опыт исследовательской деятельности, однако уровень сформированности научно-творческих способностей недостаточен [1]».

Формируемая у магистрантов системная готовность к научно-исследовательской деятельности в библиотечно-информационной сфере, её структура и содержание, рассматриваемые в поле наиболее эффективных теоретико-педагогических подходов к научному творчеству, активности познания и самореализации, определяет целесообразность обращения к методам организации проектной деятельности. Опыт реализации магистерских программ по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» позволяет говорить об их эффективности, благодаря возможности одновременной концентрации усилий на овладении предметом деятельности (что

сегодня нередко игнорируется библиотечно-информационным образованием), на создании личностных установок, необходимых для научной работы, и на формировании готовности к осуществлению полного цикла научного исследования в условиях, максимально повторяющих реальные условия профессиональной деятельности (например, условие политематичности и многозадачности, параллельного ведения различных исследовательских проектов, «режима deadline» и т.д.). Умение одновременно осуществлять не связанные друг с другом научно-исследовательские проекты, способность быстро переключаться на новую тематику и встраиваться в новый исследовательский коллектив (работа с различными научными руководителями), готовность к грамотному тайм-менеджменту выступают важнейшими ориентирами подготовки, которые диктует время. В этой ситуации форма курсовой работы по базовым дисциплинам позволяет решить эту педагогическую задачу.

Несмотря на имеющиеся сегодня нормативные ограничения, мы считаем педагогически целесообразным включение в учебный план как минимум двух курсовых работ, не связанных с выпускной квалификационной работой магистра. В первую очередь, это курсовая работа по дисциплине, которая формирует знание истории и методологии библиотечно-информационных наук.

Основная цель данной курсовой работы заключается не только в овладении важнейшим навыком историографического исследования, но и в формировании умения видеть теоретические лакуны и противоречия в библиотековедении, библиографоведении и книгове-

дении и смежных науках, а также выявлять приоритетные направления научных исследований.

Данная компетенция представляет особую важность не только для магистра как исследователя, но и как для специалиста в области научно-информационной деятельности, которая является одним из значимых направлений библиотечно-информационной деятельности.

Социальная и экономическая значимость этой компетенции, не заявленной в ФГОС, но определяемой нами как педагогический ориентир, обусловлена мировым опытом и современными тенденциями управления наукой и инновационной политикой на уровне государства, региона, отрасли и востребованностью специалистов, готовых к информационно-аналитической деятельности такого содержания [9].

Вторая курсовая работа рекомендуется по дисциплине, формирующей овладение методикой преподавания специальных дисциплин. В её основе – самостоятельное осуществление комплексного педагогического проекта, интегрирующего все знания, умения и навыки педагогической деятельности, полученные в вузе в ходе изучения дисциплин соответствующего содержания и направленности, учебной практики (по формированию первичных профессиональных умений и навыков).

В данном случае студент магистратуры получает возможность применить весь комплекс сформированных педагогических компетенций, осознать свои умения и компетентность, подвести итог учебным действиям.

Педагоги получают возможность комплексно оценить результаты освое-

ния магистерской программы в аспекте готовности выпускника к педагогической деятельности.

Недостаточное внимание к курсовым работам как виду учебной деятельности нередко связано с недооценкой экономической эффективности данной формы индивидуальной работы со студентом.

Изучение нормативных документов показывает, что научно-методическое руководство выполнением курсовой работы во временных нормативах педагогического труда оценивается более чем скромно – от 1 до 3 часов. При этом объём решаемых педагогических задач несравнимо более высокий.

Следует также отметить, что не любой педагог обладает готовностью к научно-методическому руководству выполнением курсовой работы, что, как правило, выступает причиной привлечения к данной работе ведущих преподавателей, активно занимающихся исследовательской деятельностью. Их уникальный опыт и возможность встраивать студентов в актуальные и перспективные исследовательские проекты, стимулировать их профессиональное развитие и активность, делают более высокими показатели окупаемости инвестиций в образовательные проекты.

В настоящей статье мы рассмотрели курсовые работы в структуре библиотечно-информационного образования, но подробного разбора заслуживают и другие составляющие его содержания, методики, его организационно-педагогические условия. Чему учить и как учить – наши главные вопросы, которые требуют профессионального общения и обсуждения, к которому мы приглашаем всех наших коллег.

Примечания

1. Белоконов И. Д. Курсовая работа как средство формирования основ исследовательской деятельности курсантов военного вуза : диссертация на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Белоконов Ирина Дмитриевна ; Ставропольский государственный университет. Ставрополь, 2006. 189 с.
2. Варганова Г. В. Магистратура как фактор профессиональной регуляции библиотечно-информационной отрасли // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67). С. 191–194.
3. Иванова Г. А. Библиотечно-информационная деятельность в культуре современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 5. С. 156–160.
4. Ключев В. К. Библиотечно-информационное образование: поиск новых решений // Культура и образование: научно-информационный журнал для вузов культуры и искусств. 2011. № 1. С. 35–37.
5. Ключев В. К. Новые реалии и перспективы высшего библиотечно-информационного образования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 1 (17). С. 79–85.
6. Ключев В. К. Профессиональная педагогическая подготовка студентов, обучающихся по направлению «Библиотечно-информационная деятельность»: компетентностный подход к профилизации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 1 (75). С. 142–151.
7. Ключев В. К., Ивина К. В. Организационно-содержательные аспекты развития магистратуры по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 174–182.
8. Кузичкина Г. А., Мазурицкий А. М., Калегина О. А. Индивидуальная траектория обучения как база профессиональной карьеры и личностного развития студента-бакалавра // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4-1. С. 65–68.
9. Лопатина Н. В., Zubov Ю. С., Нефетин О. П. Информационно-аналитическое обеспечение приоритетных направлений науки и техники: отраслевой и дифференцированный подходы // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. 2017. № 5. С. 15–21.

References

1. Belokon I. D. *Kursovaya rabota kak sredstvo formirovaniya osnov issledovatel'skoy deyatel'nosti kursantov voyennogo vuza. Diss. kand. ped. nauk [Course work as a means of forming the foundations of the research activity of military cadets. Cand. ped. sci. diss.]*. Stavropol, 2006. 189 p.
2. Varganova G. V. Masters degree program as a factor of professional regulation of library and information branch development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 5 (67), pp. 191–194. (In Russian)
3. Ivanova G. A. Library and information activities in modern Russia culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2013, No. 5 (55), pp. 156–160. (In Russian)
4. Klyuev V. K. Bibliotechno-informatsionnoe obrazovanie: poisk novykh reshenii [Library and information education: the search for new solutions]. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2011, No. 1, pp. 35–37.
5. Klyuev V. K. New realities and prospects of the higher library and information education.

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History. 2015, No. 1 (17), pp. 79–85. (In Russian)

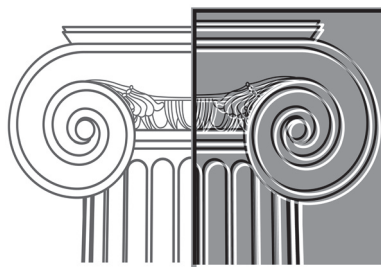
6. Klyuev V. K. Professional teacher training students in "Library and Information Activities": competence approach to profiling. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2017, no. 1 (75), pp. 142–151. (In Russian)

7. Klyuev V. K., Ivina K. V. Organizational aspects of content development of master degree in direction "Library and Information Activities". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 3 (71), pp. 174–182. (In Russian)

8. Kuzichkina G. A., Mazuritsky A. M., Kalegina O. A. Individual learning path as the basis of professional career and personal development of undergraduate students. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2013, no. 4-1, pp. 65–68. (In Russian)

9. Lopatina N. V., Zubov Yu. S., Neretin O. P. Informazionno-analiticheskoe obespechenie prioritnikov napravlenii nauki i tekhniki: otraslevoi i differenzirovannii podhody [Information-analytical support of priority directions of science and technology: a sectoral and differentiated approaches]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty [Scientific and technical information. Series 1. Organization and technique of information work]*. 2017, no. 5, pp. 15–21.

*

ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ И РЕСУРСЫ ДЛЯ ЕЁ РАЗВИТИЯ

УДК 37.03

В. И. Петрушин

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается иерархическая структура личности, которая в своём развитии движется от биологического начала, связанного с алиментарным питанием и выживанием, к началам социального и духовного порядка, в которых человеку свойственно проявлять свои лучшие антропологические свойства и качества. Понятие *диеты* в статье рассматривается в узком и в широком смысле. Диета в узком смысле подразумевает обычное потребление алиментарных продуктов питания, необходимых для биологического выживания организма. Диета в широком смысле полагает, что, как сказано ещё в Библии, «не хлебом единым жив человек». В качестве продуктов «питания» для становления и развития человека могут и должны выступать все явления и события, как социокультурного, так и политического плана, с которыми человек сталкивается в своей повседневной жизни. Принципиальным моментом для осуществления поступательного развития личностного роста является общение с образами искусства, которые демонстрируют развивающейся личности образы желаемого будущего, сначала на уровне физического тела, а затем – на уровне психологических, социальных и духовных ценностей. Последние представляют собой *Бытийные ценности*, которые, согласно А. Маслоу, олицетворяют собой нравственное здоровье и высшее антропологическое совершенство человека.

Ключевые слова: экзистенция, диета, пирамида Маслоу, иерархия структуры личности, *Бытийные ценности*, художественное образование, культура, искусство.

V. I. PetrushinMoscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Russia, Moscow region, Russian Federation

HIERARCHICAL STRUCTURE OF PERSONALITY AND THE RESOURCES FOR ITS DEVELOPMENT

The article discusses the hierarchical structure of personality, which in its development is moving from a biological outbreak associated with nutritional food and survival, to the beginnings of

ПЕТРУШИН ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры культурно-досуговой деятельности факультета социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

PETRUSHIN VALENTIN IVANOVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Department of cultural and leisure activities, Faculty of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: valpetr-psy@yandex.ru
© Петрушин В. И., 2017

social and spiritual order, in which men tend to show their best anthropological properties and qualities. The concept of diet in the article has a narrow and in a broad sense. Diet in the narrow sense, involves the regular consumption of nutritional food, essential for biological survival of the organism. Diet in the broad sense believes that, as it stated in the Bible, «not by bread alone». Products “food” for the formation and development of man should be all things and events as socio-cultural and political plan, with which man is faced in his daily life. A fundamental point for the implementation of progressive personal development is communicating with images of art that demonstrate of developing the individual images of a desired future, first at the level of the physical body, and then at the level of psychological, social and spiritual values. The latter are Existential values, which, according to Abraham Maslow, a represent moral health and higher anthropological perfection.

Keywords: existence, the diet, the pyramid Maslow, the hierarchy structure of personality, Existential values, art education, culture, art.

Для цитирования: Петрушин В. И. Иерархическая структура личности и ресурсы для её развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 182–191.

Становление и развитие личности на сегодняшний день насчитывает большое количество исследований, рассматривающих данную проблему на основе разных подходов. Психоанализ и гештальт-терапия, когнитивно-поведенческий подход и психосинтез сходятся в том, что человек становится личностью, обретает культурные и социальные навыки, проходя жизненный путь через несколько этапов (ступеней) от животного состояния к тому, что называют Homo sapiens. Эти этапы и ступени образуют определенную иерархию, они соподчинены и одновременно независимы друг от друга. Каждый из этих этапов имеет своё особое качество и сферу главных интересов. В личностной иерархии каждый последующий этап развития интегрирует и вбирает в себя достижения предыдущего этапа, в то же самое время на каждом новом отрезке жизни личность обретает некоторую новую идентичность, которая отличает её от предыдущего уровня развития. Это особенно наглядно представлено в известной концепции возрастного раз-

вития американского психолога Эрика Эриксона. В отечественной психологии уровневый подход к развитию личности можно проследить в работах С. Л. Рубинштейна, К. К. Платонова, В. С. Мерлина, А. В. Петровского. Каждый переход на новый уровень личностного развития говорит о том, что человек перерастает тот уровень, на котором он находится, ему становятся тесны те рамки существования, на которых он функционирует в данный момент. Попадая на новый уровень развития, человек увеличивает свою внутреннюю энергетику, приобретает большее количество возможностей для реализации своих внутренних потенций. Так происходит личностный рост человека, увеличивающий мощь его разнообразных возможностей.

Одним из важнейших условий развития и перехода на следующий уровень является окружение – природное, психологическое и социальное, которое подпитывает человека необходимыми ресурсами. Сначала эти ресурсы имеют грубо материальную природу, но при по-

следовательном переходе на следующий уровень материальные объекты питания меняются на психологические, социальные и информационные.

Диета – два подхода

В мире существует огромное количество разнообразнейших диет. Ответ на запрос в поисковой системе Яндекс говорит о существовании более 28 000 диет, и каждый год количество разных диет только растет. Парадокс заключается в том, что огромное количество диет по большому счёту не делает человека счастливым, а если и встречаются оптимистические здоровяки, у которых всё в жизни прекрасно и здорово, при ближайшем рассмотрении это нередко оказывается инфантильная личность, которая удручает своей наивностью и узким кругом жизненных интересов.

На проблему диетического питания как способ поддержания жизнедеятельности человека можно смотреть с двух точек зрения – с узкой и широкой.

Диета *в узком смысле*, то есть в *традиционном* понимании этого слова, подразумевает обычное потребление *аллиментарных* продуктов питания, необходимых для биологического выживания организма.

Диета *в широком смысле* этого слова предполагает, что, как сказано ещё в Библии, «не хлебом единым жив человек». Это означает, что в качестве продуктов питания для становления и развития человека могут и должны выступать все явления и события, с которыми человек сталкивается в своей повседневной жизни. При таком подходе продуктами питания, оказывающими своё влияние не только на тело, но и на личность человека

в целом, становится культурная среда и профессиональное сообщество, в которой он обитает, книги, которые он читает, музыка, которую он слушает, картины, которые он видит, эмоции и чувства, которые он наиболее часто при этом испытывает. Всё вместе – это особые характеристики социального момента, то, что социальные психологи и психиатры определяют как Дух времени, Дух эпохи (немецкое *Zeitgeist*).

Диета и лишний вес. В чём проблема?

Почему возникает проблема лишнего веса? Почему многие люди, желая оставаться стройными, здоровыми и красивыми, тем не менее постоянно переедают? Можно без особого труда предположить, что, скорее всего, для определённой части наших современников, имеющих лишний вес, еда рассматривается как способ получения ощущения радости жизни, тех недостающих положительных эмоций, которые могут защитить от разного рода неприятностей и стрессов. От них ведь можно легко избавиться при помощи невинных удовольствий в виде обильного стола. Для таких людей сам процесс проживания жизни становится средством для получения её главной радости – вкусной еды. Такие люди живут преимущественно для того, чтобы есть. Сократ, как известно, отличался от таких людей тем, что он ел «для того, чтобы жить». Но радость радости – рознь. Есть радость высокая, и есть радость низкая. Подлинную радость бытия, которая связана с процессом творчества и социальным признанием, ни один самый вкусный и роскошный обед дать не может, потому что по большому счёту такая радость не отвечает сущностным,

то есть экзистенциальным потребностям человека. И напрасно пытаться её получить за счёт поглощения всё большего количества какой бы то ни было самой вкусной и изысканной еды. Более точный и правильный ответ можно получить, если рассмотреть ситуацию лишнего веса с точки зрения экзистенциальной философии и того подхода, который был предложен Виктором Франклом.

В. Франкл, вошедший в историю психологии как автор идеи «поиска смысла», считал, что именно смысл является главной движущей силой становления и развития личности [10]. В этом он расходился с Фрейдом, который полагал, что человеком движет «принцип удовольствия». В зависимости от того, какими ценностями руководствуется человек, проходя свой жизненный путь, какие цели он перед собой ставит, какими смыслами он наполняет своё существование, получается и тот результат, к которому человек, в конце концов, и приходит. Тот, кто удовлетворится простым поглощением вкусной еды, скорее всего, станет обладателем лишнего веса. Тот, кто будет иметь смыслы более высокого порядка, например, интересного общения или поиска истины, с подобной проблемой вряд ли столкнется. Говоря проще и более прямолинейно, человек не сможет скорректировать свой вес и поддерживать его на приемлемом уровне до тех пор, пока он не изменит свои жизнеопределяющие ценности и не найдёт, помимо вкусной еды, новые радости жизни, связанные с другими смыслами существования. Подлинную радость жизни человек испытывает при достижении поставленных целей. Эта радость тем сильнее, чем больше трудностей и испытаний человеку

пришлось преодолеть для их достижения. А. Эйнштейну принадлежит уникальная по своей значимости мысль о том, что *«невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень [1]»*.

Вывод из этого напрашивается однозначный – худеет не тело, образно говоря, сначала должна «похудеть» личность человека, в которой изменяются ценностные ориентиры, благодаря чему появляются новые жизненные смыслы и цели, которые вызывают новые действия и новые поступки. Наше тело естественным образом худеет, когда достижение оптимального физического веса оказывается связанным со смыслообразующим ответом на вопрос «для чего?». В такие моменты все силы оказываются втянутыми в решение стоящей перед человеком задачи. Так худеет спортсмен перед соревнованием, зная, что его ожидает контрольное взвешивание перед выходом на ринг или на помост. Так худеет или набирает вес актер, зная, что это требуется для исполнения его роли в фильме или спектакле. Так бабушка, любящая своего внука, сбрасывает свой лишний вес, чтобы иметь возможность лучше следить за своим проворным внуком, играть с ним, бегать наперегонки и всюду поспевать за ним.

Суть экзистенции

Экзистенциальному направлению в психологии положили начало в середине XIX века работы датского философа Сёрена Кьеркегора. Основные постулаты философии С. Кьеркегора строятся на том, что человек проживает свою жизнь, соотнося её с чувствами и с переживани-

ями своих современников, вместе с которыми он разделяет чувства и страсти человеческого бытия. В этом бытии звучат голоса любви и страха, долга и совести, отчаяния и решимости. В своём развитии человек проходит три ступени духовного перерождения – *эстетическую*, *этическую* и *религиозную* [5]. Находясь на *эстетической* ступени¹, человек поглощён своими переживаниями, идущими от его непосредственных ощущений, он живёт настоящим моментом, не думает о прошлом и будущем. Это – жизнь простого обывателя, не склонного к размышлению о высоких материях. На второй стадии – *этической*, человек задумывается о тех нормах поведения в различных поступках, которые делают его человеком в отношениях к другим людям и к окружающему миру. На третьей стадии – *религиозной*, основой существования человека становится *вера*, суть которой составляют ощущения присутствия в жизни высших смыслов и высших ценностей, по отношению к которым человек ощущает свой долг и обязанность воплощать их в своей реальной жизни.

Свою подлинность человек обнаруживает в критических точках своего существования, в экстремальных моментах борьбы и переживаемых им страданиях, в моменты нахождения перед лицом смерти или осуществления кардинального жизненного выбора.

Примерно через сто лет после Кьеркегора, в середине двадцатого века, Аб-

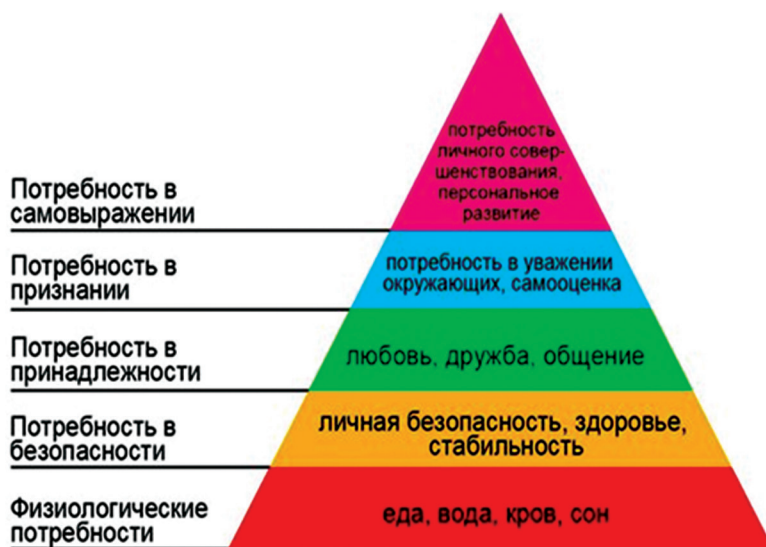
рахам Маслоу дополнил эти представления и отметил значимость пиковых переживаний (*peak experience*) в жизни самоактуализованного человека, которые возвышают его над обыденностью жизни и делают Человеком в подлинном смысле этого слова [6].

Экзистенциальная диета и личностный рост

Для построения авторской концепции *экзистенциальной диеты* мы воспользуемся моделью личности А. Маслоу, построенной в виде пирамиды на основе ведущих потребностей в жизнедеятельности организма. На нижнем уровне этой пирамиды располагаются потребности в биологическом выживании, на высшем – потребности в самореализации и самоактуализации, в которых проявляется трансцендентная сущность человека. Эта потребность проявляется в стремлении человека выходить за пределы своего биологического существования, в направленности его деятельности на преобразование окружающего его социума (см. рисунок 1).

Рассматривая модель потребностей личности А. Маслоу как аналог живого организма, нетрудно прийти к выводу, что, для нормального развития и функционирования каждого уровня личности человека, на нём должно быть предоставлено соответствующее «питание», которое на каждом уровне обладает своей специфичностью. Если мы перевернем пирамиду А. Маслоу и поставим её на вершину, то в этом случае мы получим объективную значимость и ценность каждого этапа непрерывно растущей и развивающейся личности. С ростом и развитием в сознании человека всё большее место

¹ Отметим, что в XIX веке понятие *эстетический*, введённое в современный словарь немецким философом Баумгартеном, относилось, прежде всего, к чувственным ощущениям, идущим от органов чувств, а не к чувству прекрасного, как это есть в настоящее время.

Converlab.com

Рисунок 1

занимают социально значимые ценности. И если на нижних уровнях внимание человека сосредотачивается на потреблении материальных жизненных благ, то на более высоких – на их производстве – сначала материально-физических благ, а затем – информационно-философских (см. рисунок 2).

Основатель гештальт-терапии Фриц Перлз полагал, что эмоции, идеи и представления человек поглощает и усваивает точно так же, как он усваивает и поглощает обычную еду. Идеи и представления способны вызывать в организме человека те же самые безусловные рефлексы, что и реальные физические продукты. Рвотный рефлекс может быть вызван как некачественной едой, так и сильным переживанием неприятного эпизода в жизни человека.

Отметим, что термин «воспитание» состоит из предлога *вос* и самого слова

Рисунок 2

питание, что подразумевает восхождение от простого алиментарного физического питания к питанию более высокому, связанному уже не с пищевыми продуктами, а с усвоением психологических и социальных правил и норм поведения. Поэтому специфическое «питание» че-

ловека психоэмоциональными, профессиональными и духовными отношениями и идеями представляется автору этих строк вполне приемлемым.

Экзистенциальная диета представляет собой совокупность условий, как материальных, так и нематериальных, то есть психологических, социальных и информационно-духовных, при которых личность человека развивается наиболее адекватно и человек может выйти на уровень своего *Бытия*, прийти к своей экзистенциальной сущности как к наиболее полному раскрытию возможностей своей личности, соблюдая принципы и правила специфической диеты каждого уровня, последовательно переходя с одного уровня «питания» на другой.

На первом уровне перевёрнутой пирамиды А. Маслоу мы будем говорить о *физиологической диете*, которая даёт организму алиментарное питание необходимыми жирами, белками, углеводами и витаминами.

На втором уровне, который А. Маслоу отводил потребностям в *безопасности*, мы расположим *функциональную диету*, в задачи которой входит «питание» организма физическими нагрузками для развития крепости мышц и здорового дыхания, что обеспечивает функциональную готовность всех систем организма к слаженной работе.

Можно здесь говорить и о подъёме уровня внутренней энергетики человека, представив и сравнив энергетику двух людей весом в 100 кг. Но при этом один человек будет носить на себе 100 кг жира, а другой – 100 кг мышц. Естественно, что у человека, обладающего развитой мускулатурой, энергетика организма будет мощнее и сильнее.

Третья подструктура, которая связана у А. Маслоу с личностным статусом в малой группе, для своего развития нуждается в *эмоциональной / психологической/ диете*, которая питает уже не столько тело, сколько сферу чувств и настроений, возникающих в межличностных отношениях. Во многих случаях доброе слово и слова любви оказываются для человека важнее, чем вкусная еда.

Четвертый уровень в пирамиде Маслоу связан с потребностями приобретения *социального статуса*. В современном социуме это соотносится с *профессиональными достижениями* человека, которые позволяют ему вносить свой вклад в развитие социума. Поэтому мы вправе говорить о *социальной диете*, которая основана на деятельности в профессиональном сообществе. Подобная диета, понимаемая как ограничение любой информации, не связанной с профессиональным развитием, проявляется в чтении специальной литературы, в деловом общении с коллегами по работе, в стремлении быть в курсе того, что на избранном человеком поприще с его точки зрения делает этот мир лучше. Вклад человека в социально значимое дело при помощи избранной профессии даёт ему радость социального признания, которая вырастает из дел и поступков, которые человек совершает для развития науки, культуры, общественных отношений. В конечном счете в результате деятельности многих личностей социум в том или ином отношении становится более совершенным, более умным, более добрым и более здоровым. Диета *духовная* связана с высшими устремлениями человека, которые в концепции А. Маслоу связаны с ценностями *Бытия*. В их число

входят такие сложные и прекрасные по своей сути понятия и представления, как *Истина, Добро, Красота, Цельность, Единство противоположностей, Жизненность, Уникальность, Совершенство, Необходимость, Завершенность, Справедливость, Порядок, Простота, Богатство, Непринужденность, Игра, Самодостаточность* [9]. Приближение к этим ценностям и их освоение, по мысли А. Маслоу, составляет конечную цель психотерапии. Такое приближение возможно в процессе творческой самореализации и самоактуализации через занятие любимым делом, результаты которого приносят пользу не только конкретному человеку, но и окружающему его социуму.

Таким образом, процесс взросления человека проходит поэтапно, сначала – через биологическое и физическое созревание, затем через включение в межличностное общение в малых группах и, наконец, через получение профессиональных знаний и навыков в своей социальной группе. Каждый переход на более высокий уровень личностного развития помогает человеку приобрести более мощный источник энергии для личностного развития.

Об искусстве

Принципиально важным является то, что социализация, как процесс усвоения ценностей, передаваемых от старшего поколения к молодому, происходит не только через семью, но во многом через символические образы искусства, которые подрастающее поколение впитывает через фильмы, музыку, образы изобразительного искусства, литературные романы и театральные постановки. Для

каждого уровня целостной *экзистенциальной диеты* оптимальным сопровождением можно было бы считать подбор музыкальных, изобразительных, драматических и лирических литературных произведений, кинофильмов и театральных спектаклей, которые отражают и выражают ценности соответствующего уровня.

«... Художественное образование или, лучше сказать, образование посредством искусства, – пишет А. Маслоу в своей последней книге “Новые рубежи человеческой природы”, – значимо не столько для появления художников или произведений искусства, сколько для появления лучших людей. Если мы чётко ориентируемся на гуманистические цели образования, если надеемся, что наши дети станут в полной мере людьми и будут продвигаться к реализации своих потенций, то, насколько я могу судить, единственный существующий сегодня вид образования, содержащий хотя бы слабый намёк на такие цели, – это художественное образование. Вот почему, – заключает великий гуманист XX века, – я интересуюсь образованием посредством искусства: оно представляется мне примером правильного образования [6]».

В современных средствах массовой информации (главным образом в отечественном телевидении) ценностное содержание предлагаемых произведений искусства, как правило, не поднимается выше третьего уровня и, в общем, на нём останавливается. Мы слышим огромное количество песен о любви, как счастливой, так и не очень, однако практически нет песен и литературных произведений, раскрывающих тему *призвания* и радости от творческого труда, служения профес-

сии, а также тех высших *Бытийных ценностей*, содержание которых раскрыто в работах А. Маслоу. А. Маслоу подчеркивал важность пиковых переживаний в жизни человека и постижения для этого произведений искусства из классического наследия. В своих исследованиях он обнаружил, что его реципиенты «о пиковых переживаниях сообщают в связи с впечатлениями от классической музыки. Мне не встретилось пиковых переживаний, вызванных Джоном Кейджем или фильмами Энди Уорхола, или абстрактно-экспрессионистской живописью, или ещё чем-либо в этом роде. Пиковые переживания, рождающие большую радость, экстаз, видение другого мира или другого уровня бытия приходят благодаря классической музыке – творениям великих классиков [6]».

Таким образом, классическое искусство, несущее в себе мощь и силу пиковых переживаний, становится важнейшим условием развития не только отдельно взятого человека, но и всего социума в целом, внося в его жизнь ту же самую гармонию и упорядоченность, которые приносят радость и счастье.

Таким образом, классическое искусство, несущее в себе мощь и силу пиковых переживаний, становится важнейшим условием развития не только отдельно взятого человека, но и всего социума в целом, внося в его жизнь ту же самую гармонию и упорядоченность, которые приносят радость и счастье.

Примечания

1. Альберт Эйнштейн: Цитаты и афоризмы / Калапрайс Э. (сост.). Москва : Колибри, Азбука-Аттикус, 2015. 322 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди : психология человеческих взаимоотношений ; Люди, которые играют в игры : психология человеческой судьбы / [пер. с англ. А. Грузберга]. Москва : Эксмо, 2014. 566 с.
3. Дондурей Д. Б., Роднянский А. Развлекательное ТВ. Шутки в сторону // Искусство кино. 2006. № 4.
4. Дорфман Л. Я. Методологический анализ теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина // Методология и история психологии. 2008. Том 3. № 3. С. 106–121.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет : диалектическая лирика Иоханнеса де Силенцио / пер. с дат., вступ. ст., коммент. и прим. Натальи Исаевой и Сергея Исаева. Москва : Академический проект, 2014. 154 с.
6. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы : [как открыть высшие ценности в себе и в мире] / под ред. Г. А. Балла, А. В. Киричука, Д. А. Леонтьева ; [пер. с англ. Г. А. Балла, А. П. Попогребский]. 2-е изд., испр. Москва : Альпина нон-фикшн : Смысл, 2011. 494 с.
7. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / [предисл. Е. А. Климова]. Москва : Педагогика, 1986. 254 с.
8. Платонов К. К. Структура и развитие личности / отв. ред. А. Д. Глоточкин ; АН СССР, Ин-т психологии. Москва : Наука, 1986. 254 с.
9. Рубинштейн С. А. Бытие и сознание. Человек и мир. Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2003. 508 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла : пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева ; вступ. ст. Д. А. Леонтьева [с. 5–21]. Москва : Прогресс, 1990. 366 с.

References

1. Kalaprais E, comp. *Al'bert Eynsbteyn: Tsitaty i aforizmy* [Albert Einstein: Quotes and aphorisms]. Moscow, Publishing house "Attikus", 2015. 322 p.
2. Bern E. [Berne Eric Lennard] *Igry, v kotoryye igrayut lyudi: psikhologiya chelovecheskikh*

vzaimootnosheniy; Lyudi, kotoryye igrayut v igry: psikhologiya chelovecheskoy sud'by [Games in which people play: the psychology of human relationships; People who play games: the psychology of human destiny]. Moscow, Publishing House "Eksmo", 2014. 566 p.

3. Dondurey D. B., Rodnyansky A. Razvlekatel'noye TV. Shutki v storonu [Entertaining TV. Jokes aside]. *Iskusstvo Kino [Film Art]*. 2006, no. 4.

4. Dorfman L. Ya. Metodologicheskiy analiz teorii integral'noy individual'nosti V. S. Merlina [Methodological analysis of the theory of integral individuality of V. S. Merlin]. *Methodology and History of Psychology*. 2008, vol. 3, no. 3, pp. 106–121.

5. Kyerkegor S. [Kierkegaard S.] *Strakh i trepet: dialekticheskaya lirika Iokhannesa de Silentsio* [Fear and trembling: the dialectical lyrics of Johannes De Silencio]. Moscow, Publishing house «Academic Project», 2014. 154 p.

6. Maslou A. [Maslow A.] *Novyye rubezhi chelovecheskoy prirody: kak otkryt' vysshiye tsennosti v sebe i v mire* [New frontiers of human nature: how to discover the highest values in themselves and in the world]. 2nd edition. Moscow, Publishing house "Alpina Non Fiction", Publishing House "Smysl", 2011. 494 p.

7. Merlin V. S. *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essay on the integral study of individuality]. Moscow, Publishing House "Pedagogy", 1986. 254 p.

8. Platonov K. K. *Struktura i razvitiye lichnosti* [Structure and development of personality]. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1986. 254 p.

9. Rubinshteyn S. L. *Bytiye i soznaniye. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. Human and the World]. St. Petersburg, PITER Publishing House, 2003. 508 p.

10. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Human in search of meaning]. Moscow, Progress Publishers, 1990. 366 p.

*

МОДЕЛЬ МУЗЫКАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО МАСТЕРСТВА

УДК 378.978

Н. И. Степанов

Московский государственный институт культуры

В результате многолетних исследований реальной исполнительской практики выявлено, что достижение музыкантом-исполнителем высокого уровня мастерства становится возможным, если он обладает *знаниями* о процессах, происходящих во время игры (координация, внимание, эмоции, самоконтроль, целесообразность – КВЭСЦ), условиях, качествах и своих игровых возможностях и *умеет* ими воспользоваться. Это составляет не только культурный базис его музыкального мышления, но и позволяет ему реально управлять действиями в соответствии с уровнем достигнутой им культуры действий, чувствований и представлений. Усвоенные сознанием музыканта-исполнителя законы, условия, положения, принципы превращаются на практике в нормы профессионального поведения, а в теории – в модель музыкально-исполнительского мастерства.

Ключевые слова: исполнительская культура, координация, внимание, эмоции, самоконтроль, целесообразность – КВЭСЦ, условия, способы, качества.

N. I. Stepanov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

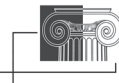
THE MODEL OF MUSICAL PERFORMANCE SKILLS

As a result of years of research, studying real performance practice revealed that the achievement of a performing musician of a high level of skill is possible if he has knowledge about the processes taking place during the game (coordination, attention, emotions, self-control, appropriate QUESTS), conditions, qualities and his capabilities and knows how to use them. It is not only the cultural basis of his musical thinking, but also allows it to actually control the action, in accordance with the achieved level of culture actions, feelings and perceptions. Assimilated by the consciousness of the musician-by the laws, conditions, provisions, principles turn into practice in the rules of professional conduct, and in theory – in model of musical performance skills.

СТЕПАНОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры оркестрового дирижирования факультета музыкального искусства Московского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный деятель Всероссийского музыкального общества, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук

STEPANOV NIKOLAY IVANOVICH – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Professor of Department of orchestral conducting, Faculty of musical arts, Moscow State Institute of Culture, Honored worker of culture of the Russian Federation, Honored worker of the all-Russian musical society, corresponding member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences

e-mail: nivstep@rambler.ru
© Степанов Н. И., 2017

Keywords: performance culture, the model of performance skills, the system of laws QUEST (coordination, attention, emotions, self-control, practicability), the conditions, methods, quality.

Для цитирования: Степанов Н. И. Модель музыкально-исполнительского мастерства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 192–197.

Модель исполнительского мастерства музыканта может быть представлена в виде следующих структур. Это в первую очередь структура исполнительского действия при *извлечении* звука из музыкального инструмента, структура *сознания* музыканта, отражающего все условия, соблюдаемые им в процессе игры на инструменте, структура *навыков*, позволяющих музыканту исполнять произведение, структура игрового движения со всеми необходимыми *качествами*, позволяющими ему действовать эффективно, структура *способа* взаимодействия исполнителя с инструментом.

Как показывает реальная исполнительская практика, в данной модели раскрывается *система* закономерностей, условий, принципов, которые музыканту-исполнителю позволяют успешно осуществлять музыкально-исполнительские действия. Эти действия представляют собой сложный умственный и психофизический процесс, который предполагает, что исполнитель структурирует свои действия в соответствии с закономерностями. Они уже открыты и интерпретированы в музыкально-исполнительской деятельности.

Все процессы наиболее наглядно могли бы быть представлены в виде схем, в которых последовательно и логично отражались бы все взаимосвязи и взаимозависимости *координации* игровых движений, действие *внимания*, отражение музыкальных *эмоций* в реальном

звуче, *самоконтроль* игровых действий и соблюдение условий *целесообразности* – КВЭСЦ. Это – система компонентов музыкально-исполнительского действия, которые структурированы логически, где представлены все процессы организации игровых движений на всех этапах извлечения звуков из музыкального инструмента, обладающие функциями саморегулирования: при разборе произведения, подготовке его к исполнению и в момент его публичного показа. Данная модель представлена нами в виде структур компонентов музыкально-исполнительского действия, отражающих происходящие в момент игры на инструменте процессы: Координацию игровых движений, действие *Внимания*, реализацию *Эмоций* играющего, *Самоконтроль*, *Целесообразность* – КВЭСЦ.

1. Структура действий музыканта в момент извлечения звука опирается на знание закономерностей процессов КВЭСЦ с выходом к сознанию исполнителя.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ:

- «координация и представления являются, по сути, одним и тем же» (Дж. Х. Джексон [4]);
- «внешнее и внутреннее внимание (*восприятие*. – Н. С.) тормозят (*представления* – Н. С.) друг друга [8]»;
- закономерность «предвосхищающей эмоциональной коррекции поведения» (А. Запорожец [5]). Следует сказать о том, что это важнейший содер-

жательный компонент музыкального исполнительства;

- самоконтроль должен совершаться «на полной ориентировочной основе» (П. Гальперин [3]);

- игровые движения музыканта приобретают целесообразный характер тогда, когда у него сложились представления о том, **что** он должен делать, **как** делать и **когда**. Тем самым становится возможным выполнение трёх *условий* целесообразности (П. Анохин [1]).

В результате сознание музыканта, усваивая данную структуру игровых действий, получает в своё распоряжение научно обоснованные *нормы* поведения и *критерии* оценки результата действий – законы. Наглядно это представлено в виде схем (схемы 1, 2 в учебном пособии «Народное музыкально-инструментальное исполнительство: теория и методика обучения» (Санкт-Петербург : Лань, Планета музыки, 2014. 224 с., ноты)).

2. Структура сознания (мышления), носителем которой является музыкант-исполнитель, представлена как научными знаниями, так и информацией о реальных действиях. Это сознание отражает специфику исполнительской деятельности, содержание которой основано на этих знаниях и действиях (схема 2, там же).

3. Следующим компонентом исполнительского действия являются условия, при которых совершаются игровые действия. Должны формироваться *навыки* извлечения выразительных звуков. Их четыре: первые два навыка являются *формирующими*. Они наполняют сознание музыканта-исполнителя информацией, на которой основываются представления. Поступает такая информация в результате прочтения нотного текста и тактиль-

ных ощущений. Следующие два навыка – *воспроизводящие*. В их основании лежит память – двигательная и слуховая (см. схему 3, там же).

4. Формирование навыков происходит с помощью игрового аппарата, который должен обладать высокой *чувствительностью, активностью, экономичностью*. Это позволит аппарату выполнять три важнейшие функции.

Первая из них – *информационно-познавательная*. Точности получаемой при извлечении звуков информации должна способствовать *чувствительность*. Чем выше чувствительность рук музыканта, тем тоньше манипуляции ими и выразительнее звук.

Вторая функция – *исполнительная* – связана с процессом извлечения реальных конкретных звуков, выразительность которых может быть обеспечена способностью дифференцировать усилия – *активностью*. Умение мгновенно менять физические параметры движений (в частности – усилий) будет способствовать выразительности динамики. Активность позволит исполнителю выйти на уровень превращения игрового движения, извлекающего звук, в «действие-переживание» (по К. Станиславскому).

Это наивысший уровень мастерства – это состояние творчества, наивысшее в любом виде искусства, особенно в театральном и музыкально-исполнительском.

При выполнении этой функции каждое изменение усилия адекватно музыкальному переживанию играющего. Например, состояние «нежности» или «грациозности». В звучании – *адекватно* отражают эмоциональное состояние музыканта-исполнителя, физически – дей-

ствуют без излишних усилий – экономично (схема 4 – качества игрового аппарата, там же).

Оперативные действия музыканта-исполнителя при извлечении звука, выражающего то или иное эмоциональное состояние (вызванное произведением), означает, что они приобрели статус «действия-переживания».

Это наивысшая степень *исполнительского мастерства* – творчества, к которому стремится каждый музыкант-исполнитель.

Данные условия возникают лишь при способе извлечения звука «взятием», при котором разум, чувство и игровые движения достигают необходимого единства (по Г. Песталоцци – единства «ума, сердца и рук»).

5. Осознавая, *что* он берёт, *где* берёт, *чем* и в *каком* порядке, музыкант в момент «взятия» звука регулирует параметры своих исполнительских действий.

Игровые движения – осмысленные, целенаправленные и целесообразные. Он знает, *что* он берёт, *где* берёт, *чем* и в *каком* порядке. Это те первичные представления, которые необходимы для извлечения звука из инструмента в соответствии с текстом.

Далее он должен представить, что необходимо предпринять физически, чтобы звучание стало выразительным и эмоциональным.

И так как при совершении физических действий эмоции проявляются в результате изменения усилий (Ч. Дарвин), то исполнителю необходимо «в уме» представлять *драматургию* исполнительских действий, направляя их на развитие музыкального образа и своих чувств. (Об однозначной связи усилий и

эмоций свидетельствует исследователь А. Запорожец.)

Это чрезвычайно важное для музыкального исполнительства обстоятельство, так как содержанием этого вида искусства являются эмоции. Исполнитель, берущий клавишу (струну) с тем или иным чувством, руководствуется звуковым смыслом, который определён ролью каждого извлеченного звука, драматургией произведения. Изменяя усилия, он действует в соответствии с собственным отношением к тому или иному извлекаемому им звуку, избранной им интерпретацией содержания произведения, что позволяет ему управлять физическими параметрами игры: силой, скоростью, ритмом и порядком движений. Это те параметры, от которых зависит выразительность динамики, темп, штрихи произведения, в синтезе дающие музыкальный образ.

Таким образом, создана модель музыкально-исполнительского мастерства, основанная на единстве разума, чувства и физических движений: «ума, сердца и руки» (по Г. Песталоцци). В исполнительском искусстве, в котором смысл раскрывается от звука к звуку, это состояние может быть обозначено как «действие-переживание». Это наивысшая степень *профессионализма* и *мастерства* в музыкально-исполнительском творчестве. И, как мы видим, наиболее эффективным способом достижения такого состояния в музыкальном исполнительстве является операция по извлечению звуков «взятием», при котором все умственные, эмоциональные и физические процессы сведены во времени в необходимое для *исполнительского творчества* единство (см. схему 5 – там же).

Примечания

1. *Анохин П. К.* Кибернетика и интегративная деятельность мозга // Вопросы психологии. 1966. № 3. С. 10–31.
2. *Блох О.* Психология и педагогика музыкального творчества : учебное пособие. Москва : МГУКИ, 2009.
3. *Гальперин П.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии : [сборник статей] / Академия наук СССР, Институт философии ; [отв. ред. Е. В. Шорохова]. Москва : Наука, 1966. С. 259–276.
4. *Джексон Х. Дж.* Некоторые замечания по поводу распада нервной системы // Нейропсихология : Тексты / [сост. Н. Ю. Ченцов и др.] ; под ред. Е. Д. Хомской. Москва : Изд-во МГУ, 1984. С. 21–23.
5. *Запорожец А. В.* Развитие произвольных движений // Избранные психологические труды : в 2 томах / под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко ; Академия педагогических наук СССР ; [сост.: Т. И. Гиневская, Я. З. Неверович]. Москва : Педагогика, 1986.
6. *Милка А.* Теоретические основы функциональности в музыке. Исследование. Москва : Музыка, 1982. 150 с.
7. *Нейгауз Г.* Об искусстве фортепианной игры : Записки педагога / [послел. Я. И. Мильштейна, с. 263–309]. 3-е издание. Москва : Музыка, 1967. 310 с.
8. Общая психология : [учебное пособие для педагогических институтов] / под ред. В. В. Богословского [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Просвещение, 1973. 351 с.
9. *Прасолов Е. Н.* Художественное воспитание исполнителя как проблема современного музыкального образования : учебное пособие. Тольятти : Тольяттинский институт искусств, 2003.
10. Психология музыкальной деятельности : Теория и практика : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030700 – Музыкальное образование / [Э. Б. Абдуллин и др.] ; под ред. Г. М. Цыпина. Москва : Academia, 2003. 368 с.
11. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание : О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / Академия наук СССР, Институт философии. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 328 с.
12. *Станиславский К.* Работа актера над собой. Дневник ученика, части I и II. Москва : Искусство, 1951. 666 с.
13. *Сухомлинский В.* Сердце віддаю дітям: Вибрані твори. Том 3. Киев : Радянська школа, 1977. 285 с.
14. *Степанов Н. И.* Концептуальные основы теории музыкального исполнительства (инструментального). Москва : МГУКИ, 2009.
15. *Сашинкова Р. П.* Развитие образного воображения студентов-вокалистов как творческий процесс // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 232–236.
16. *Сычугов А. М.* «Художественная техника» в теории исполнительства на духовых инструментах: искусствоведческий аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 260–265.
17. *Тимакин Е. М.* Воспитание пианиста. Методическое пособие. 2-е издание. Москва : Советский композитор, 1989. 144 с.
18. *Ушинский К. Д.* Избранные произведения / под ред. чл.-кор. Акад. пед. наук РСФСР В. Я. Струминского. Москва ; Ленинград : Академия педагогических наук РСФСР, 1946.

References

1. Anokhin P. K. Kibernetika i integrativnaya deyatel'nost' mozga [Cybernetics and integrative activity of a brain]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 1966, No. 3, pp. 10–31.
2. Blokh O. *Psikhologiya i pedagogika muzykal'nogo tvorchestva* [Psychology and pedagogy of musical creativity]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2009.
3. Galperin P. Psikhologiya myshleniya i ucheniye o poetapnom formirovanii umstvennykh deystviy [The Psychology of Thinking and the Teaching on the Gradual Formation of Mental Actions]. In: Shorokhov E. V., ed. *Research of thinking in Soviet psychology: collection of articles*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1966. Pp. 259–276.
4. Jackson J. H. Nekotorye zamechaniya po povodu raspada nervnoi sistemy [Some remarks concerning disintegration of nervous system]. In: Khomskaya E. D., ed. *Neiropsikhologiya. Teksty* [Neuropsychology. Texts]. Moscow, 1984, pp. 21–23.
5. Zaporozhets A. V. Razvitie proizvol'nykh dvizhenii [The development of voluntary movements]. *Izbrannyye psikhologicheskie trudy, v 2 tomakh* [Selected psychological works, in 2 vol.]. Moscow, Pedagogika Publ. [Pedagogy Publ.], 1986.
6. Milka A. *Teoreticheskiye osnovy funktsional'nosti v muzyke. Issledovaniye* [Theoretical foundations of functionality in music. Study]. Moscow, Publishing house "Music", 1982. 150 p.
7. Neygauz G. *Ob iskusstve fortepiannoy igry: Zapiski pedagoga* [On the art of piano playing: Notes of an educator]. 3rd edition. Moscow, Publishing house "Music", 1967. 310 p.
8. Bogoslovsky V. V., ed. *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. 2nd edition. Moscow, Publishing House "Prosveshchenie", 1973. 351 p.
9. Prasolov E. N. *Khudozhestvennoye vospitaniye ispolnitelya kak problema sovremennogo muzykal'nogo obrazovaniya* [Art education of the performer as a problem of modern music education]. Togliatti, Publishing house of Togliatti Institute of Arts, 2003.
10. Tsy-pin G. M., ed. *Psikhologiya muzykal'noy deyatel'nosti: Teoriya i praktika* [Psychology of musical activity: Theory and practice]. Moscow, Publishing house «Academia», 2003. 368 p.
11. Rubinshteyn S. L. *Bytiye i soznaniye: O meste psikhicheskogo vo vseobshchey vzaimosvyazi yavleniy material'nogo mira* [Being and Consciousness: The place of the psychic in the universal interconnection of the phenomena of the material world]. Moscow, 1957. 328 p.
12. Stanislavsky K. *Rabota aktera nad soboy. Dnevnik uchenika, chaste I i II* [The actor's work on himself. Diary of the student, parts I and II]. Moscow, Art Publishing House, 1951. 666 p.
13. Sukhomlinsky V. *Serdtse otdayu detyam. Izbrannyye proizvedeniya, tom 3* [I give my heart to children. Selected works. Volume 3]. Kiev, 1977. 285 p.
14. Stepanov N. I. *Kontseptual'nyye osnovy teorii muzykal'nogo ispolnitel'stva (instrumental'nogo)* [Conceptual foundations of the theory of musical performance (instrumental)]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2009.
15. Sashinkova R. P. The development of creative imagination students vocalists as a creative process. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 2 (64), pp. 232–236. (In Russian)
16. Sychugov A. M. "Art technique" in the theory of wind-instruments performance: the art aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 2 (64), pp. 260–265. (In Russian)
17. Timakin E. M. *Vospitaniye pianista. Metodicheskoye posobiye* [Education of a pianist. Toolkit]. 2nd edition. Moscow, Publishing house "Soviet composer", 1989. 144 p.
18. Ushinsky K. D. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Leningrad, 1946.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВОКАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 378.978

А. В. Клубукова

Московский государственный институт культуры

В статье рассматриваются некоторые педагогические условия формирования вокального мастерства у студентов вузов культуры. Дан краткий анализ истории джаза. В качестве методических примеров предлагаются фрагменты занятий по развитию навыков эстрадно-джазового пения из профессионально-исполнительского и педагогического опыта Л. А. Долиной. В статье частично раскрыто внутреннее содержание педагогического процесса в классе вокала кафедры эстрадного пения, методы и приёмы работы над техникой речи, вокала, сценическим мастерством. Сделана попытка раскрыть особенности вокальной эстрадно-джазовой подготовки в современном вузе культуры.

Ключевые слова: вокальное мастерство, особенности развития, эстрадное пение, джазовое пение, вокальная методика, блюз, джаз, эстрадное исполнительство.

A. V. Klubukova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Russia, Moscow region, Russian Federation

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF VOCAL ARTS IN THE MODERN UNIVERSITY CULTURE

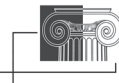
This article discusses pedagogical conditions of formation of vocal techniques, students of culture by means of jazz. Presents the methodological foundations of teaching jazz singing and vocal arts in General in modern high school culture. The article gives a brief analysis of jazz history and current state of this genre of music in higher education. As methodological recommendations are available at contemporary approaches to development skills of pop-jazz singing, borrowed from professionally performing and teaching experience of Larisa Dolina. The article partially disclosed the inner content of the pedagogical process in the vocal class of the Department of pop singing, principles of technique in speech, singing, stage skills of the students. In the present article an attempt is made to discover the peculiarities of vocal jazz training in modern university culture.

КЛУБУКОВА АВГУСТА ВИКТОРОВНА – кафедры педагогики и психологии факультета социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

KLUBUKOVA AUGUSTA VIKTOROVNA – doctoral student of the Department of Pedagogy and Psychology, Faculty of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: rogue-grim@mail.ru

© Клубукова А. В., 2017

Keywords: vocal skill, features of development, variety singing, jazz singing, vocal technique, blues, jazz, variety performance.

Для цитирования: Клабукова А. В. Педагогические условия формирования вокального мастерства в современном вузе культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 198–205.

Вокальное творчество занимает важное место в разнообразной жанровой структуре музыкального искусства. Достижение определённого уровня певческого искусства – это большой труд, требующий времени, сил и понимания деталей процесса вокальной подготовки. Вокал – искусство пения, мастерство владения певческим голосом [7].

Дисциплина «Вокальное мастерство» является неотъемлемой частью профессиональной подготовки как эстрадного певца, так и будущего преподавателя по классу эстрадного вокала [1, с. 4]. Вокальное мастерство педагога музыки в вузах определяется готовностью к профессиональной деятельности и имеет свою специфику, свою структуру. Из специальных исследований, освещающих теорию голосообразования, теорию и методику постановки речевого и вокального голоса – Л. Б. Дмитриева, Н. И. Жинкина, А. Г. Менабени, В. П. Морозова, Г. П. Стулова, Г. М. Ройзен, Э. М. Чарелли и других; теорию, физиологию, фониатрию, гигиену голоса – З. И. Аникеевой, Ю. С. Василенко, Л. Д. Работнова и других; вопросы музыкального образования в педагогическом вузе – Э. Б. Абдуллина, О. А. Апраксиной и других; вопросы профессионального и личностного становления учителя музыки – Л. Г. Арчажниковой, Е. М. Барвинской, Е. В. Николаевой и других; теорию и методику профессиональной подготовки к голосовой и вокально-педагогической деятельности

студентов, пути совершенствования профессионально-голосовой подготовки музыкально-педагогических факультетов – Е. А. Баженовой, В. В. Емельянова, А. Г. Менабени, О. Н. Пиксаевой, О. Е. Плехановой, А. Г. Сенцовой, Г. П. Стуловой, Е. А. Серебряковой, А. В. Филиппова и других, можно сделать вывод, что ведущими компонентами данной структуры выступают следующие:

- многоаспектность вокальной деятельности: исполнение вокальной музыки с использованием различных манер голосообразования (академической, народной и т.д.); коррекция вокальной деятельности с учётом исполнительских и педагогических задач;
- мобильность смены режимов работы голоса: владение умениями и навыками работы голоса в вокально-речевом и речевом режимах, анализ и коррекция голосовой деятельности во всех режимах работы голоса;
- педагогическая направленность вокальной деятельности: освоение теоретического, методического материала; владение вокально-педагогическими умениями;
- высокие голосовые нагрузки, требующие специальных знаний, умений, навыков, профессиональных компетенций, анализа голосовой деятельности и самостоятельной работы с голосом, способных обеспечить стабильность качественных характеристик и здорового состояния голоса [3].

Обучение сольному пению имеет свою специфику. Вокал – это психофизиологический процесс, в этом он коренным образом отличается от других видов исполнительской деятельности, для которой нужны музыкальные способности, слух, память и т.д. Как отмечает исследователь И. В. Уварова, систематизирующая информацию о наработке в практике знаний о педагогических условиях, оптимизирующих образовательный процесс по подготовке вокалистов, одним из основополагающих факторов для формирования профессиональной подготовки певца в вузе является наличие определённой физиологии голосового аппарата у студента (голосовые связки, гортань, нёбо и т.д.). Это то свойство, которое даёт природа человеку, и природа распределяет свои «дары» по-разному: одним она даёт много, другим меньше, а некоторым и вовсе ничего. Поэтому в этом виде деятельности наличие природных задатков является обязательным. Профессия вокалиста начинается с того – есть ли у него вокальный голос или его задатки, которые можно развивать. Для того чтобы научиться управлять своим организмом, физиологией, совершенно необходим и психологический фактор. Именно поэтому вокал – это сложный психологический процесс. Формирование вокальных навыков осуществляется при комплексном решении ряда задач, таких как единство технического и художественного развития, которое реализуется последовательно и параллельно, с учётом индивидуальных особенностей студента [7].

Что касается педагогических условий формирования вокального мастерства у студентов вузов культуры, то, полагаем, целесообразно вначале обратиться к кон-

цепциям исследователей, комментирующих данное понятие в масштабе общей педагогики. Наиболее приемлемой, на наш взгляд, является трактовка авторов издания «Педагогика. Большая современная энциклопедия» [6]. Так, под педагогическими условиями исследователи понимают субъективные и объективные требования и предпосылки, реализуя которые преподаватель добивается достижения цели в своей работе при наиболее рациональном использовании сил и средств. Взяв за основу содержание данного определения, мы бы отчасти подкорректировали его, уточнив, что речь идёт об организации на учебном занятии субъект-субъектных отношений; активном погружении студентов в деятельность; формировании у них познавательных способностей, интереса, умения анализировать, обобщать; умения культивировать свою самостоятельную позицию и отстаивать её; обязательном осуществлении обратной связи.

Педагогически целесообразный диалог между педагогом и студентами, между студентами – одно из важнейших условий, которое диктует нам сегодняшняя жизнь. Данное условие несёт в себе большой педагогический потенциал, подсказывает преподавателю, как ориентироваться в образовательных стандартах, как составлять рабочие программы, как готовиться к проведению учебного занятия и проводить его, как дидактически грамотно применять не только методы, но и технологии, особенно интерактивные, и, конечно, – как оценивать результат обучения, используя психолого-педагогические критерии.

Определённый интерес вызывает и общедидактическая трактовка понятия

«педагогические условия» исследователя В. И. Андреева, который отмечает, что педагогические условия – это результат целенаправленного отбора, констатирования и применения элементов содержания, методов (приёмов), а также организационных форм обучения для достижения дидактических целей [2, с. 608]. По существу, данное определение адекватно первому варианту условий, описанных выше.

Конечно, нам особенно импонируют определения педагогических условий и пути их реализации в профессиональной подготовке вокалистов. Так, в своём исследовании Е. М. Барвинская выделяет следующие педагогические условия и подчёркивает их роль в формировании вокального мастерства:

- освоение умений и навыков работы голоса: а) в вокальном режиме с использованием различных манер голосообразования; б) в вокально-речевом режиме, с использованием приёмов безопасной смены режимов работы голоса; в) в речевом режиме с использованием приёмов сценической речи;

- взаимодействие индивидуальных и групповых форм занятий и педагогическое руководство самостоятельной работой студентов;

- направленность подготовки на охрану голоса [3].

Более того, Е. М. Барвинская обращает внимание на показатели сформированности вокального мастерства, к которым она относит следующие:

- вокально-технические и вокально-исполнительские умения и навыки, осознанность исполнительской деятельности, навыки анализа и коррекции работы голоса;

- умения и навыки: работы голоса во всех голосовых режимах; охраны голоса; самоконтроля, самоанализа и коррекции работы голосового аппарата в зависимости от конкретных педагогических и исполнительских задач;

- физиологическая и психологическая готовность к профессионально-голосовой деятельности; функциональная стабильность и здоровье голосового аппарата [3].

Анализируя приведённые выше показатели, мы замечаем, что, во-первых, автор не отдаёт должного внимания самим теоретическим знаниям, а во-вторых, называя отдельные профессиональные компетенции в качестве показателей, автор не использует понятия «компетенция».

Между тем представленный выше перечень показателей, как мы полагаем, содержит основополагающие дидактические позиции, которые целесообразно использовать в опыте профессиональной подготовки вокалистов вузов культуры.

Обратим внимание на опыт работы педагогов вузов культуры по определению педагогических условий в процессе подготовки вокалистов.

Так, внимание педагога сосредоточено на главном – контроле деталей вокального исполнения произведения обучающимся. Преподаватель имеет возможность своевременно обнаруживать и исправлять технические ошибки и неровности в голосоведении, следить за правильностью певческой позиции студента и нахождением нужного положения гортани во время пения.

Дополнительное оборудование помогает увеличивать количество, сложность и музыкально-техническую оснащённость вокальных упражнений, при

минимальных затратах времени и даже сил, оставляя возможность акцентировать внимание на главных этапах в структуре занятия. Такой оптимальный, на наш взгляд, подход в работе мы можем наблюдать сегодня в современном вузе культуры, а именно – в Московском государственном институте культуры на кафедре эстрадно-джазового пения. Наше исследование проходило в рамках класса вокала Ларисы Александровны Долиной.

Вполне понятно, что описываемое нами педагогическое условие не является абсолютно новаторским, но оригинальность его применения в том, что при реализации данного условия сами методы, приёмы и средства, а также образовательные технологии наполняются, одухотворяются спецификой личности выдающегося профессионала, его совершенно необычного вокального мастерства.

Полагаем, есть необходимость обратиться к ещё одному педагогическому условию формирования вокального мастерства у будущего специалиста, которым выступает преобладание джаза. Джаз в структуре профессионального вокального образования не является абсолютным нововведением в системе обучения, тем более – обучения «эстрадно-джазовому вокалу», но процентное соотношение исполняемого обучающимися репертуара в эстрадном стиле и стиле джаз значительно увеличилось в сторону последнего. «В мировой музыкальной культуре джаз уже давно занял свою нишу и приобрёл огромное значение. Широкая популярность джазового исполнительства обусловила возможность и необходимость включения джазового репертуара и его стилистических элементов в процесс профессиональной подготовки

студентов-музыкантов в разных странах мира [3]». На данный момент элементы джаза всё больше проникают в структуру вокальной подготовки специалистов в вузе. Это отражается в характере исполнения не только зарубежных, но и российских композиций, которое изменилось за счёт преобладания синкопирования, присутствия полиметроритмической техники, что обусловлено приёмом «свингования».

Кроме того, по словам Л. Долиной, освоение понятия «блюз», овладение приёмами и формирование навыков пения в данном стиле являются залогом правильного джазового исполнительства. Ведь на основе блюзовых упражнений активно формируется чувство стиля и профессиональный музыкальный вкус вокалиста. Также особое внимание педагог уделяет на своих занятиях стилю музыки би-боп (стиль джаза, построенный на обыгрывании гармонии). По мнению Ларисы Долиной, получение навыка пения импровизаций в стиле би-боп и последующее доведение этого навыка до уровня профессионализма является одной из основных задач в классе эстрадно-джазового вокала. Такой уровень вокальной техники даёт вокалисту полноценную профессиональную подготовку и творческую свободу.

Далее считаем необходимым обратить внимание на четвёртое педагогическое условие развития вокального мастерства в современном вузе культуры – такое, как расширение количества критериев оценивания вокального исполнительства студентов в вузе. Отметим это можно на контрольно-оценочном этапе учебного процесса. В целях исследовательской деятельности нам была предо-

ставлена возможность присутствовать на экзамене по вокалу кафедры эстрадно-джазового пения Московского государственного института культуры. Воспитательный аспект данного мероприятия был освещён наиболее ярко, так как оценка выступления складывалась не только из привычных критериев, таких как сценический образ артиста; соответствие манеры исполнения выбранному материалу; чистота интонации; сценическое движение артиста; комплексное восприятие вокального мастерства и внешних характеристик певца. Уровень требований и критериев оценки был довольно высок, как если бы это был кастинг в какой-нибудь популярный коммерческий мюзикл. Здесь были применимы и такие критерии, как:

1. Соответствие репертуара певца природным характеристикам его голоса.

2. Цельность личности артиста как музыкальной единицы, имеющей перспективы для дальнейшего профессионального роста и развития в данной отрасли.

3. Соответствие манеры исполнения певца его внешним характеристикам.

Обязательным требованием явилось исполнение как минимум одной джазовой композиции, учитывая, что это контрольно-оценочный этап процесса обучения в рамках кафедры эстрадно-джазового пения.

Основное внимание было приковано к компетентности студента в выбранном музыкальном материале, манере, присутствующей каждой исполняемой композиции, к знанию авторов вокального материала, а также к умению донести до зрителя стиль, настроение, характерное для каждой композиции, исходя не только из

его смысловой нагрузки, передаваемой текстом, но и эмоционального подтекста музыкальной ткани произведения; к умению раскрыть исполняемую манеру во всей её красе и архаичности. Оценивание происходило публично, что тоже очень схоже с обстановкой на серьёзном кастинге, когда есть только один шанс и от исполнения зависит будущее как профессионального исполнителя. Это ли не развитие конкурентоспособной личности? Отметим, что не все обучающиеся оказались готовы к столь высокому уровню критичности оценивания, ведь большинство студентов не готовы к присутствию широкой аудитории, хотя это диктует сама специфика и природа выбранной ими профессиональной деятельности. Тем не менее все нововведения и современный подход к процессу воспитания и образования творческой личности профессионального исполнителя, вводимые на кафедре эстрадно-джазового пения, дают нам основания ожидать положительных изменений в уровне подготовки современных специалистов по вокалу.

Опираясь на мнение исследователей, можно заключить, что модернизация современного образовательного процесса возможна лишь при условии трансформации педагогических условий, когда обучение будет происходить в соответствии с нормами и требованиями современной системы образования, образовательных стандартов. Студент на занятиях по вокалу получает не только вокально-сценическое развитие, но и всестороннее развитие личности, первые навыки педагогического общения, перенимая и копируя стиль общения и поведения педагога.

От правильной подготовки к процессу фонации и разогрева нужных мышц

зависит качество звука на данном занятии и при пении в дальнейшем, а от этого – здоровье аппарата певца в целом и его профессиональный рост. Профессионализм в своей деятельности, знание специфики своего дела, подкреплённые знаниями дидактических категорий, а также следование алгоритму действий, придающих образовательному процессу научную форму и структуру, – всё это является залогом эффективной профессиональной подготовки в области музыкального искусства эрудированного и готового к профессионально-педагогической деятельности специалиста.

Примечания

1. Азарова Л. Г., Старовойтова Е. Е. Вокальное мастерство : методические рекомендации по дисциплине «Вокальное мастерство» для иностранных студентов-магистрантов специальности «Музыкальное искусство» специализации «Эстрадный вокал» / Луганский Национальный Университет имени Тараса Шевченко. Луганск, 2013. 62 с.
2. Андреев В. И. Педагогика : Учебный курс для творческого саморазвития. 2-е издание. Казань : Центр инновационных технологий, 2000. 608 с.
3. Барвинская Е. М. Педагогические условия формирования вокального мастерства учителя музыки : диссертация на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Барвинская Екатерина Михайловна ; Московский педагогический государственный университет. Москва, 2009. 208 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц : [в 2 томах]. Москва : Русский язык, 2000.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка : около 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. Москва : Русский язык, 1981. 816 с.
6. Педагогика. Большая современная энциклопедия / сост. Е. С. Рапацевич. Минск : Современное слово, 2005. 720 с.
7. Уварова И. В. Педагогические условия процесса формирования профессиональной подготовки вокалистов в вузе, будущих учителей сольного пения // Царскосельские чтения. 2010. Выпуск XIV. Том IV.

References

1. Azarova L. G., Starovoytova E. E. *Vokal'noye masterstvo: metodicheskiye rekomendatsii po distsipline "Vokal'noye masterstvo" dlya inostrannykh studentov-magistrantov spetsial'nosti "Muzykal'noye iskusstvo" spetsializatsii "Estradnyy vocal"* [Vocal skills: methodological recommendations on the discipline "Vocal Mastery" for foreign students-masters of the specialty "Musical Art" specialization "Variety Vocal"]. Lugansk, 2013. 62 p.
2. Andreev V. I. *Pedagogika: Uchebnyy kurs dlya tvorcheskogo samorazvitiya* [Pedagogy: Training

Приобретая певческие навыки и развивая технику, студент получает возможность более широко использовать в своём исполнении разнообразные средства музыкально-художественной выразительности относительно всего выбранного репертуара.

Такие исполнители, уверены мы, смогут адекватно оценить себя и окружающую действительность, на собственном опыте узнают, как вырастить не просто исполнителя, а конкурентоспособную, разносторонне развитую, компетентную в своём деле, ориентированную на успех личность.

course for creative self-development]. 2nd edition. Kazan, Published by Center for Innovative Technologies, 2000. 608 p.

3. Barvinskaya E. M. *Pedagogicheskiye usloviya formirovaniya vokal'nogo masterstva uchitel'ya muzyki. Diss. kand. ped. nauk* [Pedagogical conditions for the formation of vocal mastery of a music teacher. Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 2009. 208 p.

4. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy : svyshe 136 000 slovarnykh statey, okolo 250 000 semanticheskikh yedinit, v 2 tomakh* [New dictionary of the Russian language. Interpretative and word-building: over 136 000 entries, about 250 000 semantic units, in 2 volumes]. Moscow, Publishing house «Rech», 2000.

5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka : okolo 57 000 slov* [Dictionary of the Russian language: about 57 000 words]. 13th edition. Moscow, Publishing house "Rech", 1981. 816 p.

6. Rapatsevich E. S., comp. *Pedagogika. Bol'shaya sovremennaya entsiklopediya* [Pedagogy. The great modern encyclopedia]. Minsk, Publishing house "The modern word", 2005. 720 p.

7. Uvarova I. V. *Pedagogicheskiye usloviya protsessa formirovaniya professional'noy podgotovki vokalistov v vuze, budushchikh uchiteley sol'nogo peniya* [Pedagogical conditions of the formation process of vocational training of vocalists in the university, future teachers of solo singing]. *Tsarskosel'skiye chteniya* [The Tsarskoye Selo Readings]. 2010, issue 14, tom 4.

*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ТЕАТРАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

УДК 378:37.013

К. Р. Лосаберидзе

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена выявлению педагогических противоречий в процессе профессиональной подготовки студентов театральных специальностей. Рассматривая обозначенную проблему в русле общих проблем отечественного образования, автор анализирует возможности и положительные стороны педагогических противоречий в этом процессе, выделяя специфические особенности подготовки выпускников театральных специальностей как творческих личностей. Педагогические противоречия представлены автором в контексте положительной роли в формировании профессиональных компетенций студентов театральных специальностей. Выделяются и анализируются три группы противоречий. В статье предлагаются пути совершенствования учебно-творческого процесса в вузе на основе решения выявленных противоречий.

Ключевые слова: педагогические противоречия, реформирование образования, профессиональная подготовка, студенты театральных специальностей, творческая личность, качество образования, методы, формы, средства обучения в вузе.

K. R. Losaberidze

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Russia, Moscow region, Russian Federation

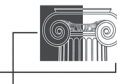
PEDAGOGICAL CONTRADICTIONS OF PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS OF ART

The article is devoted to pedagogical contradictions in the process of professional training of students of art. Considering the problem in line with the common challenges of Russian education, the author analyzes the possibilities and positive aspects of the pedagogical contradictions in this process, highlighting the specific features of preparation of graduates of art as creative individuals. Pedagogical contradictions presented by the author in the context of the positive role in formation of professional competence of students of art. The author distinguishes and analyzes three groups

ЛОСАБЕРИДЗЕ КРИСТИНА РАМАЗОВНА – аспирантка кафедры педагогики и психологии факультета социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры

LOSABERIDZE KRISTINA RAMAZOVNA – doctoral student of the Department of pedagogy and psychology, Faculty of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture

e-mail: florya.vera@mail.ru
© Лосаберидзе К. Р., 2017

of contradictions. The article suggests ways to improve the teaching and creative process in the University to address identified contradictions.

Keywords: pedagogical contradictions, reform the education training, students of art, creative personality, quality of education, methods, forms, means of education at the University.

Для цитирования: Лосаберидзе К.Р. Педагогические противоречия профессиональной подготовки студентов театральных специальностей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 206–213.

Профессиональная подготовка студентов театральных специальностей, с системной точки зрения, является звеном иерархической структуры высшего образования в Российской Федерации. Она отражает общие системные проблемы, тенденции и противоречия. Особенности профессиональной подготовки студентов театральных специальностей обусловлены специфическими целями профессиональной деятельности выпускников как творческих специалистов. При этом наблюдаются противоречия между требованиями компетентностного подхода и требованиями развития специалиста в области театрального искусства как творческой личности. В исследованиях В. И. Архангельского, Г. С. Батищева, А. А. Вербицкого, В. И. Войтулевич, Е. А. Климова, А. К. Марковой и других противоречия рассматриваются как необходимое качество всякого движения. Подчёркивается, что они протекают согласно свойственным им законам и проходят стадии зарождения, проявления и разрешения. Рассмотрим более подробно данный аспект исследования применительно к учебному процессу профессиональной подготовки студентов театральных специальностей.

В первую очередь следует отметить, что современная педагогическая наука творчески переосмысливает многовековой опыт по созданию теории и методи-

ки образования, воспитания и развития специалистов творческих специальностей. В этом контексте разработаны многообразные принципы, правила и требования, способствующие развитию личности выпускника как творческого специалиста. Концептуальные и методические аспекты профессиональной подготовки студентов театральных специальностей в учебных заведениях культуры рассматривались в научных исследованиях Э. Б. Абдуллина, Ю. П. Азарова, Н. К. Баклановой, Н. С. Белой, А. Г. Горюновой, А. Д. Жаркова, А. С. Жарковой, А. В. Зотовой, Л. С. Зориловой, А. Г. Казаковой, Л. С. Майковской, А. В. Наумовой, П. Ю. Тарасова, В. И. Флори, Т. В. Христидис, В. И. Черниченко и других авторов.

Но процесс профессионального обучения студентов театральных специальностей в русле компетентностного подхода – явление живое, протекающее в русле множества воздействий и влияния театральных традиций, общественных условий и современных тенденций развития театрального искусства. Следовательно, какое бы педагогическое явление ни изучалось, необходимо вскрывать противоречивые тенденции его развития на современном этапе. Прежде всего, отметим противоречие как движущую силу профессионального образования творческой личности, проявляющуюся на всех этапах становления будущего специалиста. Это

противоречие между возникающими у личности новыми когнитивными потребностями, притязаниями, устремлениями и достигнутым уровнем, необходимым для их удовлетворения. Динамика данного противоречия побуждает студента театральных специальностей к активности, направленной на усвоение форм учебно-творческой деятельности, необходимых для удовлетворения её актуальных потребностей. Для нас важно понимание того, что педагогические противоречия содействуют выявлению соответствующих закономерностей и педагогических условий развития студентов театральных специальностей как творческой, активной личности в образовательной среде вуза.

При этом следует отметить, что на учебно-творческий воспитательный процесс вуза оказывает влияние большое количество управляемых и неуправляемых факторов, что не может поколебать нашей уверенности в том, что общие законы диалектики, присущие учебному процессу в вузе, преломляются в нём в необычно тонких и сложных формах. Задача педагогики творчества заключается в том, чтобы раскрыть специфические закономерности учебного процесса, его внутренние силы и условия, в которых они проявляются, на основе теории способностей, разработанной в трудах Л. С. Выготского, В. П. Дружинина, Б. М. Теплова и других [см.: 2, 3, 5]. «Поскольку учебное творчество, – отмечает В. И. Андреев, – становление творческой личности учащегося противоречивы в своей основе, то теоретический анализ педагогических, диалектических противоречий в области педагогики творчества открывает путь к пониманию объективных причин са-

модвижения и саморазвития исследуемой системы [1]». Мы разделяем точку зрения автора и считаем, что, используя установившиеся законы диалектики, противоречия способствуют созданию и разрешению несоответствия между осознанными достижениями и необходимым уровнем профессионально-творческого развития студентов театральных специальностей, активизируя их личностное начало, их стремление к творческому саморазвитию и профессиональной самореализации на основе системы творческих способностей, отражающих их будущий профессионализм. В продолжение этой мысли отметим, что в процессе стандартизации образования в русле компетентного подхода необходимо учитывать особенности профессиональной подготовки выпускников творческих специальностей, которые не всегда поддаются жёсткой стандартизации. Одним из обязательных условий эффективной профессиональной подготовки специалистов в области театрального искусства является формирование его как творческой личности. В этом процессе особое место занимает проблема активизации и развития творческого воображения, прежде всего – художественно-образного мышления, так остро необходимого актёру и режиссёру для создания целостного сценического образа спектакля, передачи образа, рождённого в сознании драматурга.

Художественно-образное мышление в театральном искусстве – коренной вопрос в познании глубинных процессов художественного творчества, решение которого зависит от эрудированности, креативности, таланта, культуры человека. Все эти качества творческой личности формируются в процессе воспитания и

обучения в вузе. Профессиональная подготовка студентов театральных специальностей в вузе содержит противоречия, отражающие глубинную борьбу внешних (объективных, нормативных, стандартных, общественно значимых и признанных) требований с внутренними (субъективными, индивидуально значимыми для самореализации) потребностями, притязаниями, устремлениями, так как конфликт чисто внутренних побуждений особенно характерен для творческой личности, не желающей работать по стандарту, штампу. Для каждого актёра смысл профессиональной самореализации состоит в том, чтобы найти свой уникальный способ, свой стиль актёрской игры. Каждый режиссёр в течение всей жизни ищет новые идеи, средства выразительности, художественно-знаковые символы, образы, чтобы создать неповторимые спектакли. Это одно из важных условий театрального творчества. Это противоречие объясняет появление так называемых новых театральных течений, которые часто выглядят вульгарно, пошло, нарушают этику театральной деятельности. С одной стороны, это показатель незрелости режиссёра, с другой – это проявление протеста против стандартов и общепринятых норм.

Целесообразно выделить в отдельный блок противоречия, связанные с проблемами организации учебно-творческого процесса и выбором образовательных технологий. В учебном процессе противоречия действуют не автоматически. Чем осознаннее и целенаправленнее деятельность преподавателя и студента, тем успешнее разрешаются противоречия, а следовательно, тем интенсивнее происходит действительное движение обучения,

поэтому возникает необходимость в такой классификации противоречий, которая бы позволила педагогу не только понять своеобразие их природы и роли, но и уяснить основные этапы их становления и развития, а также специфику способов их разрешения.

Мы выделяем три группы противоречий, различающихся по своему происхождению и роли в формировании профессиональных компетенций студентов театральных специальностей:

1. Противоречия, вытекающие из сущности и основных целей учебно-творческого процесса, отражающих специфику подготовки будущих специалистов в области театрального искусства как творческих личностей.

2. Противоречия, отражающие выбор содержания, методов, организационных форм, способов и средств обучения студентов театральных специальностей.

3. Противоречия, носящие случайный характер и вызываемые субъективными факторами.

Противоречия *первой группы* находят воплощение в учебно-творческой деятельности студентов театральных специальностей.

Как показывает практика, студенты театральных специальностей чаще всего глубоко и целенаправленно изучают предметы профессионального цикла, формирующие профессиональные компетенции. Преподаватели отмечают, что у многих студентов театральных специальностей низкие способности к теоретическому обучению, отсутствует желание вникать в проблематику философии, культурологии, педагогики, психологии. С позиции студентов, педагоги перегружают информацией, дают сложные для

усвоения научные понятия и термины или большое количество концепций и теорий. Недостаточно чёткое определение профессиональных целей, слабое рефлексивное осмысление общекультурных компетенций приводят к тому, что студенты осознают только после окончания вуза, какие качества и знания необходимы для профессиональной самореализации. Между тем, по утверждению одного из ведущих учёных в области дидактики высшего профессионального образования А. Г. Казаковой, обучение в вузе должно строиться на основе таких принципов, как сознательность, активность и мотивированность, которые являются важным условием продвижения к вершинам мастерства, ориентируют студентов на собственные усилия в учебном процессе [4]. Данное противоречие порождает проблему соотношения широты и глубины обучения студентов театральных специальностей как свободных творческих специалистов.

Следующее противоречие – отсутствие научных исследований, инновационных подходов и технологий обучения студентов театральных специальностей, пересекается с обозначенным выше. Особенно важно отметить существующее несоответствие между требованиями к творческому развитию студентов театральных специальностей в учебно-воспитательном процессе и способами его стимулирования. Традиции отечественной театральной школы основаны на чёткой самоорганизации и требовательности, точности, коллективности, систематичности. Методам стимулирования (похвала, поощрение), как правило, преподаватели отводит наименьшее значение. Ни в моральном, ни в материальном отно-

шении не заметно поощрение одарённых студентов, которое помогает им успешно решать профессиональные задачи. Реализуя функцию управления, преподаватели не имеют желания отступить от привычной модели педагогических воздействий, что приводит к снижению интереса, ослаблению мотивации, к отсутствию активности и стремления совершенствовать своё профессиональное мастерство. В значительной степени к данной группе можно отнести противоречие между ориентацией системы образования преимущественно на мотивацию достижения (популярности, успеха, получить главные роли в отрывках, получить хорошую отметку, сдать экзамены и т.п.) и необходимостью развития познавательной мотивации. Познавательная мотивация, являясь основой развития склонностей человека, «запускает» процессы перестройки психических, внутриличностных процессов, в том числе процессов «самости», трансформируясь при благоприятных педагогических условиях в профессиональную мотивацию. В качестве характерного противоречия для студенческого возраста можно отметить рассогласование темпов развития мотивационной сферы в учебно-творческой деятельности студентов театральных специальностей. Часто бывает так, что мотивы творчества или деятельности, не имея основ профессионального мастерства, оказываются несостоятельными. Для успешного обучения студентов театральных специальностей, помимо внешних и физических данных, необходим довольно высокий уровень общего интеллектуального развития, в частности – восприятия, памяти, гибкости и ассоциативности мышления, внимания и эрудированности, широты

познавательных интересов и т.п. При несоответствии этого уровня возможна компенсация за счёт повышения мотивации или работоспособности, усидчивости в учебно-творческой деятельности, но существует предел такого снижения операциональных возможностей, при котором компенсаторные механизмы уже не помогают. Возможна и обратная ситуация: когда присутствует высокая работоспособность и потенциальные творческие возможности для профессионального становления, а мотивационная сфера незрелая или неадекватная.

Противоречия *второй группы* связаны с отбором содержания, выбором методов, организационных форм и способов обучения студентов театральных специальностей. Они порождаются непропорциональностью отдельных элементов или неадекватностью используемых педагогических средств и форм обучения в учебно-творческом процессе. К ним относятся:

- реализация динамического соотношения педагогического управления и самоуправления, что позволяет студентам (при наличии потребности, умений) повысить и автопедагогическую, и автодидактическую активность;

- устранение несоответствия между содержанием учебной и профессиональной деятельности посредством постоянного обновления содержания специальных гуманитарных дисциплин в вузе;

- усиление межпредметных связей с помощью методов, форм организации учебной деятельности театральных педагогов, и, имея определённую объективную основу, они не являются внутренне необходимым компонентом учебного процесса, а обусловлены сложностью,

динамичностью, нестандартностью учебно-творческого процесса обучения студентов театральных специальностей.

При организации учебно-творческого процесса обучения в вузе имеется ярко выраженное противоречие между традиционными формами работы, как правило, репродуктивными способами формирования личности, и необходимостью организации творчески ориентированного процесса обучения студентов театральных специальностей. В учебно-творческом процессе обучения необходимо создавать условия и атмосферу, формирующие рефлексивное, художественно-образное мышление. В этом случае студенты научатся анализировать и адекватно оценивать процесс становления в вузе и степень сформированности профессиональных компетенций.

Наконец, в учебно-творческом процессе мы встречаем противоречия *третьей группы*, вызываемые как объективными, так и субъективными факторами процесса формирования профессиональных компетенций студентов. Учебно-творческий процесс обучения студентов театральных специальностей начинается с постановки творческой задачи, которая лежит у истоков интерпретации сценария, драматургических текстов. Творческую задачу, как особый обучающий способ, инициирует преподаватель, который изначально закладывает её основные черты и особенности, даёт первую мысль, толчок к формированию и развёртыванию интерпретации, устанавливая общую цель и художественно-образную содержательность театральной пьесы или театрализованного представления. В силу специфики проблемной ситуации творческая задача в процессе обучения

студентов театральных специальностей приобретает своё специфическое содержание и организационную форму в учебно-творческом процессе. Поэтому в основании формирования творческой задачи содержится противоречие между необходимостью и свободой: условиями, заданными содержанием театральной пьесы или театрализованного представления, и творческой самостоятельностью актёра, режиссёра в осмыслении сценария или драматургии. Специфика творческой задачи как способа обучения студентов театральных специальностей будет определяться установлением соответствия между стремлением к поискам себя, привнесением собственного отношения и степенью овладения художественно-выразительными средствами театрального искусства. Знание структуры, языка художественно-знаковых систем помогут актёру, режиссёру найти зерно образа, стилистическую интерпретацию отрывка или пьесы, над которой работают студенты-театралы в учебно-творческом процессе вуза. Это противоречие определяет основную проблемную исследовательскую ситуацию, обуславливающую специфику формирования профессиональных компетенций у студентов театральных специальностей средствами художественно-знаковых систем. Данное противоречие ведёт к образованию частных противоречий:

- во-первых, между представленными отечественными специалистами в области профессионального образования педагогическими исследованиями по проблемам совершенствования системы и улучшения показателей профессиональной подготовки студентов театральных специальностей в театральных вузах, а

также в вузах культуры и искусств, и её недостаточной научно-методической разработанностью;

- во-вторых, между реальной и острой потребностью современного отечественного общества в креативных, конкурентоспособных, компетентных, а также самодостаточных специалистах и тем, что на сегодняшний день в профессиональной подготовке студентов театральных специальностей нет определённых образовательных методик по освоению, анализу и применению различных видов знаков и знаковых систем в процессе профильного обучения и последующей творческой работы;

- в-третьих, не определены педагогические условия, необходимые для эффективного формирования культуры знака в процессе обучения и самообучения, отсутствует разъяснение сущности и основных компонентов семиотических знаний актёра, режиссёра, которые способствовали бы выявлению критериев и механизма развития художественно-знаковой культуры.

Без всякого сомнения, формирование профессиональной компетентности выпускников театральных специальностей необходимо начинать с освоения художественно-образного языка театрального искусства. Язык любого вида искусства своеобразен и уникален. Поэтому его необходимо знать – для понимания всего многообразия метафор, символики и художественно-образного языка различных видов и жанров искусства любой культуры. Художественно-символический язык театра синтетичен, многообразен. Театр – «внутренний синтез эпохи» (В. Мейерхольд). Это – вид искусства, который отражает содержание клас-

сических и современных эстетических принципов, различных традиций и театральных школ. Театр находит своё конкретное воплощение с помощью различных выразительных средств, символов, иконических знаков. Понимание худо-

жественно-образного языка театрального искусства немыслимо вне драматургии, сценографии, музыки, пластики, костюмов, декорации, грима, мимики, жеста, иронии, семантической игры слова и других.

Примечания

1. Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. Основы педагогики творчества. Казань : Издательство Казанского университета, 1988. 238 с.
2. Выготский Л. С. Психология развития человека. Москва : Смысл : Эксмо, 2003. 1134 с.
3. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. Москва : Лантерна : Вита, 1995. 150 с.
4. Казакова А. Г. Кафедры и их роль в методическом обеспечении образовательного процесса в вузе // Вестник Московского государственного университета культуры. 2016. № 6 (74). С. 151–159.
5. Казакова А. Г. Высшее профессиональное и послевузовское научное образование: (аспирантура, докторантура) : монография : учебное пособие для аспирантов и соискателей по научно-педагогическим специальностям. Москва, 2010. 547 с.
6. Теплов Б. М. Избранные труды : в 2 томах. Москва : Педагогика, 1985. Том 1. 328 с.
7. Христидис Т. В. Артпедагогика как область научно-практического знания // Вестник Московского государственного университета культуры. 2016. № 6 (74). С. 140–145.

References

1. Andreyev V. I. *Dialektika vospitaniya i samovospitaniya tvorcheskoy lichnosti. Osnovy pedagogiki tvorchestva [Dialectics of upbringing and self-education of a creative personality. Fundamentals of pedagogy of creativity]*. Kazan, Publishing house of Kazan State University, 1988. 238 p.
2. Vygotsky L. S. *Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of Human Development]*. Moscow, Publishing House "Smysl", Publishing House "Eksmo", 2003. 1134 p.
3. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostey [Psychology of General Abilities]*. Moscow, 1995. 150 p.
4. Kazakova A. G. Chairs and their role in methodical securing educational process in institute of higher education. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 6 (74), pp. 151–159. (In Russian)
5. Kazakova A. G. *Vyssbeye professional'noye i poslevuzovskoye nauchnoye obrazovaniye: (aspirantura, doktorantura) [Higher professional and postgraduate education: (post-graduate, doctoral)]*. Moscow, 2010. 547 p.
6. Teplov B. M. *Izbrannyye trudy, v 2 tomakh. Tom 1 [Selection works, in 2 volumes. Vol. 1]*. Moscow, Publishing House "Pedagogy", 1985. 328 p.
7. Khristidis T. V. The pedagogic as a field of scientific knowledge. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 6 (74), pp. 140–145. (In Russian)

*

М ОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ В РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ: НА ПРИМЕРЕ МГИК

УДК 37.037.1:378.14

Ю. И. Дудкина, О. М. Мирзоев

Московский государственный институт культуры

В статье приводятся результаты мониторинга состояния здоровья (функционального состояния) студентов 1–3 курсов Московского государственного института культуры, представлен характер (диагноз) заболеваемости студенческой молодёжи. Приводится алгоритм формирования медицинских групп – основной, подготовительной и специальной – для занятий по физической культуре, особенности планирования средств, обеспечивающих рост физической подготовленности и направленных на профилактику заболеваемости. Отдельное внимание уделено роли физической культуры на современном этапе развития общества, в том числе в формировании конкурентоспособности выпускника на рынке труда.

Ключевые слова: студенты, физическая культура, программа, здоровье, медицинские группы, заболевания, физические упражнения.

Y. I. Dudkina, O. M. Mirzoev

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Russia, Moscow region, Russian Federation

MONITORING OF THE STATE OF HEALTH IN THE DEVELOPMENT OF PROGRAMS FOR THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE OF STUDENTS: THE EXAMPLE OF MSIC

The article presents results of monitoring of the health status (functional state) of students of 1–3 courses of the Moscow State Institute of Culture, given the nature (diagnosis) of the incidence of

ДУДКИНА ЮЛИЯ ИВАНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой физической культуры и безопасности жизнедеятельности Московского государственного института культуры

DUDKINA YULIYA IVANOVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Head of the Department of Physical Education and Safety, Moscow State Institute of Culture

МИРЗОЕВ ОКТАЙ МИРЗА ОГЛЫ – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и безопасности жизнедеятельности Московского государственного института культуры, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

MIRZOYEV OKTAY MIRZA OGLY – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Physical Education and Safety, Moscow State Institute of Culture, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

e-mail: fizkaf@mguki.ru

© Дудкина Ю. И., Мирзоев О. М., 2017

student youth. Given the algorithm of formation of medical groups – basic, preparatory and special for physical culture classes, features planning tools for the growth of physical fitness and prophylactic morbidity. Special attention is paid to the role of physical culture at the modern stage of society development, including taking into account the competitiveness on the labor market.

Keywords: students, physical culture, programmer, health, medical group, disease, bodily exercises.

Для цитирования: Дудкина Ю.И., Мирзоев О.М. Мониторинг состояния здоровья в разработке программ развития физической культуры студентов: на примере МГИК // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 214–219.

Здоровье всегда было важнейшей ценностью всего человечества, мероприятия по сохранению здоровья на современном этапе развития нашего общества особенно актуальны. Увеличение продолжительности жизни людей становится первостепенной задачей в Российской Федерации. Ведь благополучие страны, её национальная безопасность и многое другое взаимосвязаны со здоровьем нации.

В этом контексте самое пристальное внимание следует уделять детям дошкольного и школьного возраста и, конечно, студенческой молодёжи, что позволит улучшить функциональное состояние подрастающих поколений.

Такое требование актуализирует проблему развития физической культуры в высшем учебном заведении, решение которой повлечёт за собой повышение физической подготовленности как источника улучшения работоспособности для эффективной профессиональной деятельности, а следовательно, и повышения конкурентоспособности будущих специалистов.

Учитывая актуальность и потенциальную значимость реализации государственной политики в области физической культуры (здесь уместно напомнить о

повсеместном ведении, к примеру, Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО)), а также существенную взаимосвязь между конкурентоспособностью выпускаемых специалистов и их физическим развитием, можно утверждать, что совершенствование системы физической подготовки специалистов из задачи сугубо педагогической переходит в круг задач развития самой системы профессионального образования, обеспечения общества качественными трудовыми ресурсами. Конкурентоспособность специалистов имеет не только общественную, но и личную значимость, поскольку обеспечивает работникам более высокий профессиональный статус, рейтинговую позицию на рынке труда, устойчивый спрос на их услуги – востребованность [6].

Физическая культура – часть общей культуры общества и личности, может не только влиять на процесс физического развития и подготовленность, но и активно воздействовать на формирование культуры сбережения здоровья, что создаст благоприятные условия для ведения здорового образа жизни на годы.

Проблемы сохранения здоровья студентов в основном определяются образом жизни, связанным с такими компо-

нентами, как несвоевременный приём пищи, систематическое недосыпание, малое пребывание на свежем воздухе, недостаточная двигательная активность, отсутствие закаливающих процедур, выполнение самостоятельной учебной работы во время, предназначенное для сна, вредные привычки и многое другое. Так, на сон приходится 24–30% времени, на питание – 10–16%, на двигательную активность – 15–30%.

Коллектив кафедры физической культуры и безопасности жизнедеятельности Московского государственного института культуры осуществляет ежегодный мониторинг состояния здоровья (функционального состояния) студентов. Выстроен чёткий алгоритм действий, позволяющий избежать неверного подхода к разработке программы для обучающихся студентов МГИК, зачётных требований и т. д. [5].

При формировании программ подготовки по физической культуре в МГИК главное внимание уделяется фактору, определяющему принадлежность студента (студентки) к одной из трёх медицинских групп – основной, подготовительной и специальной.

Распределение студентов по группам проходит согласно медицинской справке (одна из них – форма № 086у, утверждена Министерством здравоохранения Российской Федерации в 2014 году), которую абитуриент обязан представить при сдаче документов в приёмную комиссию института.

На основании данного документа медицинская комиссия МГИК, осуществляющая свою деятельность до начала нового учебного года (в третьей декаде августа) на базе кафедры физической

культуры и безопасности жизнедеятельности, проводит встречу с каждым вновь поступившим студентом и определяет его в ту или иную группу. Уже в процессе обучения студенты могут быть переведены из одной группы в другую, также на основании выданного документа медицинским учреждением.

Мониторинг состояния здоровья позволяет эффективно формировать программу по физической подготовке для всех групп занимающихся, в особенности – со студентами специальной медицинской группы.

Характер заболевания у студентов (студенток) различен. На основании этого качественно выстраивается вся цепочка взаимоотношений обучающегося с преподавателем.

Так, к примеру, по итогам 2016/2017 учебного года у студентов МГИК были выявлены следующие заболевания:

- проблемы с органами зрения имеют 38% студентов. Это, прежде всего, миопия (от 3,5 до 6 диоптрий), дальновидность и другие;
- нарушение опорно-двигательного аппарата было зафиксировано у 18% обучающихся в институте;
- 17% студентов имеют отклонения в сердечно-сосудистой системе (вегетососудистая дистония, пролапс митрального клапана и другие);
- заболевания органов дыхания обнаружено у 8,6% студентов, у которых диагностирована бронхиальная астма, риниты и другие;
- травмы различного рода наблюдаются у 8,4% студентов;
- нарушения обмена веществ (желудочно-кишечные заболевания) зафиксированы у 6,9%;

• самый низкий процент заболеваемости – пиелонефрит (болезнь, связанная с нарушением работы почек) отмечается у 3,1% занимающихся.

На основании полученной информации все студенты (студентки) распределяются по соответствующим медицинским группам. Так, по итогам мониторинга функционального состояния 73% студентов были направлены в основную (без отклонений в состоянии здоровья, а также имеющие незначительные отклонения при достаточном физическом развитии) и подготовительную (без отклонений в состоянии здоровья при недостаточном физическом развитии, а также с незначительными отклонениями в состоянии здоровья) группы. Занятия в специальной медицинской группе (с отклонениями в состоянии здоровья постоянного или временного характера, требующими ограниченных физических нагрузок или определённых противопоказаний в применяемых средствах физической культуры) были рекомендованы 27%. Необходимо отметить, что по мере улучшения состояния здоровья перевод студентов из специальной в другие группы также осуществляется на основании заключения врача.

Занятия и в основной, и в подготовительной группе проводятся с учётом профессиональной деятельности студентов – специализации и уровня физической подготовленности. В специальной медицинской группе – в зависимости от заболевания, а также уровня физической подготовленности.

В преддверии практических занятий для студентов проводятся курсы лекций (в начале каждого учебного семестра), одна из которых посвящена аспектам здорового образа жизни и его отраже-

нию в профессиональной деятельности специалистов в области культуры и искусства [4].

Практические занятия включают физические упражнения, направленные на развитие таких качеств, как выносливость, сила, гибкость и ловкость. Отдельные занятия посвящены улучшению мышц брюшного пресса, спины, нижних конечностей. Учебные занятия проводятся на стадионе и в спортивном зале МГИК.

Для улучшения общей выносливости используется преимущественно бег аэробной направленности (осень, весна), ходьба (бег) на лыжах (зимой) и скандинавская ходьба (зима); для повышения силовых качеств – упражнения с отягощением; для совершенствования гибкости, ловкости и укрепления опорно-двигательного и мышечного аппарата – наряду с общепринятыми средствами, применяются и упражнения нового поколения.

Для предотвращения профессиональных заболеваний студенты осваивают специальные упражнения для коррекции зрения (гимнастика для мышц глаз), предотвращения плоскостопия (укрепление внутреннего и внешнего свода стопы), остеохондроза (удержание правильного положения спины при ходьбе, сидя, стоя, лежа, укрепление мышечного корсета); для предупреждения и уменьшения варикозного расширения вен (упражнения для ног, выполняемые лежа с горизонтальным и приподнятым положением ног, упражнения с резиновыми лентами) и другие.

Для оздоровительного эффекта студентам предлагается, к примеру, гимнастика по методике А. Н. Стрельниковой,

куда входят упражнения, использование которых рекомендуется при бронхиальной астме, хроническом бронхите и рините (насморке), аритмии, болезнях голосового аппарата, потере голоса. Эта гимнастика предусматривает ускоренное развитие мышц, помогающих дыханию, что достигается обратной согласованностью движений с дыханием. Гимнастику можно выполнять стоя, сидя и лёжа.

Оздоровительное значение физических упражнений особенно повышается, учитывая огромную нервно-психическую нагрузку, провоцирующую развитие профессиональных заболеваний и т.д. [1]

Укреплять своё психофизическое здоровье, противодействовать вредным привычкам, предотвращать профессиональные заболевания, восстанавливать умственные и физические силы, а также утраченные функции организма, в том числе и на фоне экологических про-

блем, следует посредством планомерных, целенаправленных и эффективных занятий по физической культуре. Отсюда возникает насущная потребность и необходимость усвоения физкультурно-образовательных знаний, умений и навыков в профессиональной подготовке специалистов [4; 5].

В целом физкультурно-спортивная деятельность, в которую вовлекаются студенты МГИК, в особенности за последние годы, становится одним из резервов слияния общественного и личного интересов. Она способствует усвоению учебного материала, помогает стать востребованным в обществе. Как показали наши ранние исследования, одним из путей, направленных на модернизацию занятий по физической культуре в МГИК, является ведение полноценной пропаганды здорового образа жизни (на постоянной основе) в институте [2; 3].

Примечания

1. Бакланова Н. К., Дудкина Ю. И. Профессионально-прикладная физическая культура студентов музыкальных специализаций вузов культуры и искусств : учебное пособие для студентов вузов культуры и искусств, преподавателей физической культуры, музыкантов, аспирантов, научных работников. Москва : МГУКИ, 2008. 128 с.
2. Дудкина Ю. И., Мирзоев О. М. Мониторинг отношения студентов к физкультурно-спортивной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 219–225.
3. Дудкина Ю. И., Мирзоев О. М. Перспективы совершенствования учебного процесса по физическому воспитанию в Московском государственном институте // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 213–217.
4. Дудкина Ю. И. Физическая культура : курс лекций. Москва : МГУКИ, 2014. 55 с.
5. Физическая культура : учебная рабочая программа / сост. Ю. И. Дудкина, О. М. Мирзоев. Москва : МГУКИ, 2014. 72 с.
6. Чермянин А. А., Шершнев Н. П., Герасимов Р. Р. Влияние приобретаемой культуры здорового образа жизни и физической активности студентов на профессиональную востребованность выпускников // Спорт и физическая культура: интеграция научных исследований и практики : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 21 апреля 2017 года / [ред. коллегия: И. А. Струнин (отв. ред.), Б. А. Савиных, В. П. Романов]. Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2017. С. 36–37.

References

1. Baklanova N. K., Dudkina Yu. I. *Professional'no-prikladnaya fizicheskaya kul'tura studentov muzykal'nykh spetsializatsiy vuzov kul'tury i iskusstv* [The professionally applied physical culture of students of musical specializations of universities of culture and arts]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2008. 128 p.
2. Dudkina Yu. I., Mirzoev O. M. Monitoring of the relation of students to sports and sports activity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 2 (64), pp. 219–225. (In Russian)
3. Dudkina Yu. I., Mirzoev O. M. Prospects of improvement of educational process on physical education in Moscow State Institute of Culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 6 (68), pp. 213–217. (In Russian)
4. Dudkina Yu. I. *Fizicheskaya kul'tura: kurs lektsiy* [Physical culture: a course of lectures]. Moscow, Publishing house of Moscow State Institute of Culture, 2014. 55 p.
5. Dudkina Yu. I., Mirzoev O. M., comp. *Fizicheskaya kul'tura: uchebnaya rabochaya programma* [Physical culture: training work program]. Moscow, Publishing house of Moscow State Institute of Culture, 2014. 72 p.
6. Chermyanin A. A., Shershnev N. P., Gerasimov R. R. Vliyaniye priobretayemoy kul'tury zdorovogo obraza zhizni i fizicheskoy aktivnosti studentov na professional'nuyu vostrebovannost' vypusknikov [Influence of acquired culture of a healthy lifestyle and physical activity of students on the professional demand of graduates]. In: Strunin I. A., ed. *Sport i fizicheskaya kul'tura: integratsiya nauchnykh issledovaniy i praktiki. Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, 21 aprelya 2017 goda* [Sport and physical culture: the integration of research and practice: materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, April 21, 2017]. Kurgan, Publishing house of Kurgan State University, 2017. Pp. 36–37.

*

О РГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ЗАНЯТИЙ ПО МЕТОДИКЕ «ШКОЛА ДВИЖЕНИЙ» НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ В СЛОЖНОКООРДИНАЦИОННЫХ ВИДАХ СПОРТА

УДК 37.037.1:796.4

И. В. Гинкевич

Московский государственный институт культуры

В статье проведен анализ применения хореографических методов в спорте на начальном этапе подготовки спортсменов в целях их качественной подготовки к соревнованиям и быстрой адаптации после соревнований. Приведены примеры упражнений методики организации и проведения занятий «школа движений», основанной на хореографических методах, адаптированных к спорту, на начальном этапе спортивной подготовки в сложнокоординационных видах спорта, таких как фигурное катание, синхронное плавание, художественная гимнастика, спортивная гимнастика и т.д.

Ключевые слова: хореография, хореограф, грация, спорт, тренер, школа движений, сложнокоординационные виды спорта, спортивное соревнование, педагогика, упражнение.

I. V. Ginkevich

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Russia, Moscow region, Russian Federation

ORGANIZING AND CONDUCTING TRAINING BY THE METHOD “SCHOOL OF MOVEMENT” AT THE INITIAL STAGE OF SPORT TRAINING IN COMPLEX COORDINATION SPORTS

In the article the analysis of application of choreographic methods is conducted in sport on the initial stage of preparation of sportsmen for their quality preparation to the competitions and rapid adaptation after competitions. Examples of exercises of methodology of organization and

ГИНКЕВИЧ ИННА ВЛАДИМИРОВНА – соискатель кафедры педагогики и психологии факультета социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, заслуженная артистка России, главный хореограф Москомспорта, директор ГБУ «Спортивная школа олимпийского резерва № 25» Департамента спорта и туризма Москомспорта

GINKEVICH INNA VLADIMIROVNA – doctoral student of the Department of pedagogy and psychology, Faculty of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture, Honored artist of the Russian Federation, chief choreographer of the Moscow sports Committee, Director of GBU “Sports school of Olympic reserve № 25” of the Department of sport and tourism, Moscow sports Committee

e-mail: ginkevichi@mail.ru
© Гинкевич И. В., 2017

realization of employments are made “School of motions”, based on the choreographic methods adapted to sport, on the initial stage of sporting preparation in the difficult-coordinating types of sport, such as a figure-skating, synchronous swimming, calisthenics, sporting gymnastics and other

Keywords: choreography, choreographer, grace, sport, trainer, school of motions, difficult-coordinating types of sport, sporting competition, pedagogic, exercise.

Для цитирования: Гинкевич И. В. Организация и проведение занятий по методике «Школа движений» на начальном этапе спортивной подготовки в сложнокоординационных видах спорта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 220–226.

Одной из современных тенденций развития сложнокоординационных видов спорта, таких, например, как фигурное катание, спортивный рок-н-ролл, синхронное плавание, художественная гимнастика, спортивная акробатика, спортивная гимнастика и другие, является повышение уровня сложности соревновательных элементов. Это существенно влияет на изменение параметров нагрузки в тренировочном процессе и обуславливает внедрение в практику занятий на основе современных методик технической подготовки. Одной из таких методик является так называемая «школа движений» [см.: 1–4], в которой приведены комплексы сложнокоординационных упражнений, основанных на хореографических упражнениях и направленных на повышение эластичности мышц и связок, увеличение общей и специальной гибкости у спортсменов, предложены комплексы упражнений для мышц туловища, пояса, верхних и нижних конечностей и т.д., а также предложены методы организации и проведения занятий по освоению обучающимися этих упражнений.

Сама методика «школа движений» состоит из трёх частей:

- в первой части приведён комплекс упражнений, направленных на подготовку спортсменов в сложнокоординацион-

ных видах спорта на начальном этапе их спортивного обучения, а также представлены методы организации и проведения занятий по освоению этих упражнений;

- во второй части приведён комплекс упражнений, направленных на подготовку спортсменов в сложнокоординационных видах спорта в тренировочном процессе, представлены методы организации и проведения занятий по освоению этих упражнений;

- в третьей части приведён комплекс упражнений, направленных на совершенствование мастерства спортсменов в сложнокоординационных видах спорта, представлены методы организации и проведения занятий по освоению этих упражнений.

В данной статье анализируется первая часть методики «школа движений».

Важнейшим критерием, от которого зависит эффективность освоения техники сложнокоординационных упражнений, является готовность занимающихся к их изучению. Тренеру (тренеру-хореографу), владеющему методикой «школы движений», очень важно обеспечить у занимающихся как физическую, так и психическую готовность, выбрать для них упражнения, соответствующие возрасту, полу и уровню подготовленности обучающихся. Можно отметить, что системное

использование данной методики позволит не только повысить у спортсменов гибкость, но и эффективно воспитывать координационные способности.

Основная цель тренера-хореографа при работе с будущими спортсменами – научить обучающегося сознательно распоряжаться своим телом, привить музыкальность, которая теснейшим образом связана со смыслом программы и набором спортивных элементов. Тренер-хореограф должен:

- научить обучающегося видеть и прорабатывать образный строй программы;
- понимать логику движений;
- понимать движения в их простейших элементах и в сложной их координации.

Тренер-хореограф должен работать над естественностью и грацией обучающегося при выполнении той или иной спортивной программы. В данном случае можно позаимствовать определение грации у великого А. П. Чехова: «Когда на какое-нибудь определённое действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация [5]».

Именно эргономичность, естественность и красота движений, пластичность и музыкальность, владение «школой движений» и базой определённых навыков, а также психологический настрой помогут спортсменам в достижении высоких результатов.

Преподаватель должен уметь видеть проблемные зоны развития будущего спортсмена, определять стратегические направления его становления и облегчать спортсмену процесс постоянного самосовершенствования в повседневной практике.

Понятием «школа движений» обозначается в сложнокоординационных

видах спорта чётко выработанная система движений, в которой нет и не может быть ничего лишнего и случайного. Эта система движений призвана сделать тело дисциплинированным, подвижным, красивым.

Связь хореографии и спорта известна давно. Ещё в древности во время проведения первых мероприятий спортивного характера обязательно присутствовал танец, выполнявший не только ритуально-символические, но и разминочные, мобилизующие, организующие задачи.

Классическая хореография – непрерывная работа различных мышечных групп в строгой последовательности и чёткой координации. Большинство специфических терминов и названий в хореографии определяет характер обозначаемых ими движений, связанных с работой мышц. Например, упражнение «батман тандю» («натянутые батманы») разрабатывает натянутость ног, а упражнение «батман жэтэ» («батманы с броском») – подвижность и лёгкость ног и т.д. Другими словами, в самой хореографической терминологии заложены суть и цели того или иного упражнения, смысл его выполнения.

В хореографической педагогике появились новые направления, имеющие больше отношение к спорту, нежели непосредственно к классическому балету в традиционном его виде.

Вместе с тем спорт давно уже преодолел формальные рамки. Развиваются сложнокоординационные виды спорта, в которых подача, пластика, образность и музыкальность спортсмена оцениваются наряду со специфическими навыками и умениями. Фигурное катание, спортивный рок-н-ролл, синхронное плавание,

художественная гимнастика, спортивная акробатика, спортивная гимнастика давно уже стали одними из самых зрелищных видов спорта. Именно здесь от спортсменов требуются навыки и умения хореографического и даже артистического плана. Спортсмены должны уметь творчески выполнять свои задачи в строгих рамках «спортивной партитуры»: понимать и выражать определённый образный строй, заданный авторами программы, приближать спорт к искусству, одухотворять его, что является важнейшей гуманитарной задачей.

Для решения этой задачи была разработана методика организации и проведения занятий «школа движений» на начальном этапе спортивной подготовки в сложнокоординационных видах спорта [1], представляющая собой систему специальных упражнений и методов организации и проведения занятий по освоению обучающимися этих упражнений.

Понятно, что сформировавшемуся спортсмену достаточно сложно освоить незнакомые для него хореографические методы, хотя и адаптированные к спорту. Поэтому данная методика в большей степени рассчитана на юных спортсменов, готовящихся в будущем покорять достаточно серьёзные спортивные вершины в сложнокоординационных видах спорта, но, в принципе, может применяться для подготовки спортсменов любого возраста, а также спортсменов-любителей.

В рамках данной статьи невозможно описать всю методику. Достаточно привести два примера.

Первый пример – изучение пор де бра (port de bras) – движение рук.

Изучение пор де бра лежит в основе «науки рук» классического танца и слу-

жит основой для других видов танцевального искусства и видов спорта, в которых есть элементы хореографии. Только правильные позиции рук завершают художественный облик танцовщика (танцовщицы) или спортсмена (спортсменки), дают понимание полной гармонии движений.

Эту гармонию окончательно дополняет правильная работа головы, которая придаёт красоту всему рисунку. Завершает всё это взгляд. Поворот головы, направление взгляда играют решающую роль в облике каждого движения и позы.

Умение управлять руками сразу обнаруживает грамотную хореографическую подготовку. В дальнейшем движения у тех, кто изучает пор де бра, становятся более артистичными и имеют завершённый характер. Кисть начинает «играть».

Очень важно приучить руки двигаться независимо от движений ног. Это очень важный этап развития в общем воспитании как танцовщицы, танцовщика, так и спортсмена, который занимается сложнокоординационным видом спорта.

У детей, только начинающих занятия, рука всегда стремится подражать движениям ног и участвовать в работе. Когда же ученику удаётся дифференцировать движения рук и ног и при напряжённой работе ноги, достигнув требуемого движения, – оставлять руки спокойными и не вовлечёнными в движение, то это – огромный шаг вперёд.

При изучении пор де бра кисть вводится в движение и даёт ему всю окраску. Тут же начинается обучение правильной постановки головы, так как от положения головы зависят оттенки и характер движений. Например, подготовительное пор де бра (port de bras):

- исходное положение ног: пятая позиция, правая нога впереди;

- на счёт «раз и два»: руки, приоткрываясь из подготовительной позиции, поднимаются в положение первой позиции, голова слегка наклоняется к левому плечу, взгляд направлен на кисти рук;

- на счёт «три и четыре»: руки при раскрытых и опущенных плечах раскрываются на вторую позицию, голова поворачивается направо, взгляд следует за кистью правой руки;

- на счёт «пять и шесть» положение сохраняется;

- на счёт «семь и восемь»: кисти рук, сохраняя уровень второй позиции, раскрываясь, поворачиваются ладонями вниз, локти слегка смягчаются и руки постепенно опускаются в подготовительное положение, голова сохраняет поворот направо.

Выполняется это упражнение от двух и более раз, после чего всё упражнение повторяется с другой ноги.

Второй пример – постановка корпуса. Для развития устойчивости (апломба) очень важен правильно поставленный корпус (туловище).

Постановку корпуса вырабатывают стоя лицом к палке, затем держась за палку одной рукой, затем в упражнениях на середине.

Правильная постановка корпуса обеспечивает не только устойчивость, она облегчает развитие выворотности ног, гибкости и выразительности корпуса.

Начиная вырабатывать правильную постановку корпуса, надо стать лицом к станку, положив на палку руки, слегка согнутые и опущенные в локтях; кисти рук свободно положены на палку (не обхватывая её) напротив середины корпуса.

Расстояние между кистями соответствует где-то трём сжатым кулакам кисти.

Ноги в первой позиции. Колени сильно вытянуты, плечи свободно раскрыты и опущены. Мышцы таза подтянуты вверх настолько, чтобы корпус стал прямым, лёгким и стройным.

Положение сохраняется до конца музыкальной фразы. И выполняется от 16 счётов и более.

Привычка держать корпус подтянутым должна стать одним из исполнительских навыков спортсмена. Умение ученика – будущего спортсмена – удерживать корпус подтянутым помогает развитию устойчивости. Позвоночник позволяет удерживать равновесие тела при выполнении любых положений и движений, принятых в хореографии и художественной гимнастике. Центр тяжести тела должен всегда находиться на опорной ноге, что является законом устойчивого равновесия.

Для осанки имеет большое значение положение корпуса относительно ног: таз должен быть в центре, на средней линии, не наклоняться ни вперёд, ни назад. Позвоночник – вытянут так, чтобы появилось ощущение стремления тела вверх, а талия при этом должна быть напряжена. Голова должна спокойно, непринуждённо держаться прямо, подбородок не должен быть опущен или поднят вверх. Шея не должна быть напряжённой.

Необходимо отметить, что данное упражнение наиболее полезно для спортсменов, занимающихся художественной гимнастикой, а также тот факт, что в последнее время всё большую популярность в мире набирает мужская художественная гимнастика, зародившаяся в Японии в 50-х годах прошлого века и имею-

щая там огромное количество поклонников, которых привлекает динамичность и акробатизм, рождённые мускульной силой и скоростью спортсменов.

Приведённые примеры показывают особенность разработанной методики [1] – большинство приведённых в ней упражнений применимы как к спортсменкам, так и к спортсменам, занимающимся совершенно различными сложнокоординационными видами спорта.

В разработанной методике, основанной на хореографических методах [1], приведено более сотни упражнений, позволяющих спортсмену качественно и

быстро подготовиться к конкретному соревнованию и достаточно быстро восстановиться после соревнования, особенно если соревнования проводятся в течение достаточно короткого промежутка времени (как, например, в художественной гимнастике).

Освоение будущими педагогами-хореографами методики «школа движений» позволит им расширить их профессиональные возможности, а применение ими этой методики в спорте повысит конкурентоспособность страны на международной спортивной арене в сложнокоординационных видах спорта.

Примечания

1. Гинкевич И. В. Методика организации и проведения занятий по формированию «школы движений» на начальном этапе спортивной подготовки в сложно-координационных видах спорта. Москва : Национальный книжный центр, 2015. 208 с.
2. Гинкевич И. В. Методика проведения занятий с усложненными элементами по формированию «школы движений» на тренировочном этапе спортивной подготовки для сложно-координационных видов спорта. Часть 3. Книга 1. Москва : Национальный книжный центр, 2015. 280 с.
3. Гинкевич И. В. Методика проведения занятий с усложненными элементами по формированию «школы движений» на тренировочном этапе спортивной подготовки для сложно-координационных видов спорта. Часть 3. Книга 2. Москва : Национальный книжный центр, 2015. 216 с.
4. Гинкевич И. В. Методика проведения занятий на середине зала с усложненными элементами по формированию «школы движений» в сложно-координационных видах спорта на всех этапах подготовки. Часть 4. Москва : Национальный книжный центр, 2016. 304 с.
5. Письмо А. П. Чехова М. Горькому от 3 января 1899 года [Электронный ресурс]. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/letters/letter-43.htm>

References

1. Ginkevich I. V. *Metodika organizatsii i provedeniya zanyatiy po formirovaniyu "shkoly dvizheniy" na nachal'nom etape sportivnoy podgotovki v slozhno-koordinatsionnykh vidakh sporta* [Methods of organizing and conducting classes on the formation of a "school of movements" at the initial stage of sports training in complex coordination sports]. Moscow, Publishing house "National Book Center", 2015. 208 p.
2. Ginkevich I. V. *Metodika provedeniya zanyatiy s uslozhnennymi elementami po formirovaniyu "shkoly dvizheniy" na trenirovochnom etape sportivnoy podgotovki dlya slozhno-koordinatsionnykh vidov sporta. Chast' 3. Kniga 1* [The technique of conducting classes with complicated elements for the formation of a "school of movements" at the training stage of sports training for complex coordination sports. Part 3. Book 1]. Moscow, Publishing house "National Book Center", 2015. 280 p.
3. Ginkevich I. V. *Metodika provedeniya zanyatiy s uslozhnennymi elementami po formirovaniyu "shkoly dvizheniy" na trenirovochnom etape sportivnoy podgotovki dlya slozhno-koordinatsion-*

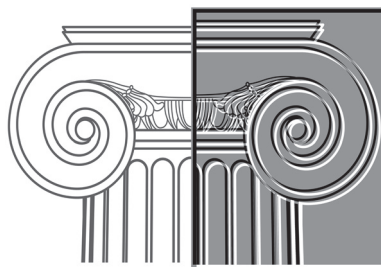

nykh vidov sporta. Chast' 3. Kniga 2 [The technique of conducting classes with complicated elements for the formation of a "school of movements" at the training stage of sports training for complex coordination sports. Part 3. Book 2]. Moscow, Publishing house "National Book Center", 2015. 216 p.

4. Ginkevich I. V. *Metodika provedeniya zanyatiy na seredine zala s uslozhnennymi elementami po formirovaniyu "shkoly dvizheniy" v slozhno-koordinatsionnykh vidakh sporta na vsekh etapakh podgotovki. Chast' 4 [The technique of conducting classes in the middle of the hall with complicated elements to form a "school of movements" in complex coordination sports at all stages of preparation. Part 4].* Moscow, Publishing house "National Book Center", 2016. 304 p.

5. *Pis'mo A. P. Chekhova M. Gor'komu ot 3 yanvarya 1899 goda [Letter of Anton Chekhov to Maksim Gorky from January 3, 1899].* Available at: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/letters/letter-43.htm>

*

НОВЫЕ КНИГИ

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК В. А. РЕМИЗОВА И В. С. САДОВСКОЙ «КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

УДК 008

И. И. Ирхен

Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой

Рецензия на книгу: *Ремизов В. А., Садовская В. С.* Культурная антропология : учебное пособие. Москва : МГИК, 2017. 188 с.

Ключевые слова: культурология, личность, культурная практика, культурно-антропологические координаты, цивилизация.

I. I. Irkhen

Vaganova Ballet Academy, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Zodchego Rossi str., 2, 191023, Saint Petersburg, Russian Federation

REVIEW OF THE BOOK BY V. A. REMIZOV AND V. S. SADOVSKAYA “CULTURAL ANTHROPOLOGY”

Review of the edition: Remizov V. A., Sadovskaya V. S. *Cultural anthropology*: a textbook. Moscow, Publishing house of Moscow State Institute of Culture, 2017. 188 p.

Keywords: cultural science, personality, cultural practice, cultural and anthropological coordinates, civilization.

Для цитирования: Ирхен И. И. Рецензия на учебник В. А. Ремизова и В. С. Садовской «Культурная антропология» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3(77). С. 228–230.

В современном научном культурологическом мире происходит, как представляется, некая перезагрузка основных направлений. Сегодня можно отметить обилие самых общих культурологических

работ – учебников и учебных пособий, объединенных одним названием – «Культурология». Можно отметить и вторую доминанту – разработку культурологического пространства вглубь. Среди авто-

ИРХЕН ИРИНА ИГОРЕВНА – доктор культурологии, профессор кафедры философии, истории и теории искусств Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой

IRKHEN IRINA IGOREVNA – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of Department of philosophy, history and theory of the arts, Vaganova Ballet Academy

e-mail: yulianairk@mail.ru
© Ирхен И. И., 2017

ров этого направления можно отметить труды А. С. Запесоцкого, А. Я. Флиера, В. М. Межуева, П. С. Гуревича, С. Н. Артановского и других.

Однако работ, прокладывающих дороги в новом для отечественной культурологии направлении, можно пересчитать, как говорят, по пальцам. Среди таких работ можно отметить и рецензируемый труд авторов, уже известных по ранее вышедшим в свет учебникам: «Основы коммуникативной культуры» (Москва: Владос, 2011; Юрайт, 2016), «Психология общения» (Москва: Юрайт, 2016); «Эдагогика» (Москва: Московский государственный университет культуры и искусств, 2014), а также монографиями: «Культура научного творчества: О чём не пишут в учебниках» (Москва: Наука, 2012); «Социальная экология культуры личности» (В. А. Ремизов), «Лабиринты культуры быта» (В. С. Садовская) и др. Эти работы получили признание профессионального сообщества, их авторы стали лауреатами Всероссийского конкурса «Лучшая научная книга года», проводимого Фондом развития отечественного образования.

Следует отметить нацеленность авторов на новизну исследовательского ракурса, на разработку вопросов, тесно связанных с культурной практикой.

Структурно рецензируемая книга «Культурная антропология» состоит из трёх глав и заключения в виде эссе.

Первая глава посвящена культур-антропологическим характеристикам человека как природного существа, как социокультурного феномена и как духовного по своей сущности создания.

Вторая глава исследует проблему «человек и общество». Здесь материал

строится на культурантропологическом измерении человека культурного как базового ресурса общества; рассмотрена медиакультурная среда как среда обитания личности в современном мире; исследуются риски антрополого-культурных процессов в обществе.

Третья глава посвящена культур-антропологическому анализу жизнедеятельности человека и цивилизационной реальности в современной России. Здесь на основе конкретных социологических данных определяются культурантропологические маркеры бытования человека; обыденная культура и цивилизационная реальность в культурно-антропологических координатах.

Таким образом, уже краткое описание содержания рецензируемого труда

убеждает в актуальности и оригинальности научной работы авторов. Вместе с этим следует отметить, что авторы начинают свой труд с представления культурной антропологии как объекта науки и как учебной дисциплины. Это тоже необходимо, ибо внимание культурологов к личности, к человеческой практике, к его непосредственному бытию в современной учебной литературе недостаточно представлено. Однако это важно и необходимо в сегодняшней реальности России, движение которой вперед связано и с «духовными скрепами», и с «чувством патриотизма» каждого, и со сплоченностью, согласием людей, этносов, и с «цивилизационным менталитетом» россиян.

Новая работа В. А. Ремизова и В. С. Садовской отвечает потребностям сферы образования. Вопросы культурной

антропологии изучаются студентами гуманитарных и культурологических направлений подготовки специалистов. Эти вопросы находятся в поле внимания также аспирантов и магистрантов. К культурантропологическим аспектам проявляют интерес практические работники: менеджеры, экономисты, провайдеры, психологи.

Подводя итоги, следует отметить, что рецензируемая работа вносит определённый вклад в разработку инновационных направлений в отечественной культурологии. Вышесказанное позволяет рассматривать учебник «Культурная антропология» В. А. Ремизова и В. С. Садовской актуальным, востребованным, необходимым, который заслуживает введения в вузовский образовательный процесс, издания в научной печати.

*

Положение о порядке рецензирования рукописей, представленных для публикации в журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств»

Рецензирования осуществляется в два этапа:

Первый этап – первичного рецензирования. Все научные статьи, поступающие в журнал, перед публикацией подлежат проверке на соответствие требованиям, установленным редакционной коллегией, в ходе которой определяется соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению, наличие необходимых компонентов (аннотация, ключевые слова, сведения об авторе с адресом электронной почты на русском и английском языках). Первичное рецензирование осуществляется ответственным редактором редакции и заместителем главного редактора.

Второй этап – научное рецензирование. При соблюдении формальных требований статья направляется на обязательное рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук (ведущему рубрики, члену редакционной коллегии или привлеченному специалисту, имеющему наиболее близкую к теме научную специализацию). Рецензенты информируются о том, что на присланные им для экспертизы рукописи распространяются нормы авторского права, копии неопубликованных материалов не делаются, и содержание статей не подлежит разглашению.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи:

- не соответствующие профилю журнала;
- получившие отрицательные мнения рецензентов;
- оформленные с нарушением правил;
- не имеющие необходимых компонентов (аннотация, ключевые слова, сведения об авторе с адресом электронной почты на русском и английском языках);
- содержащие грубые ошибки и неточности в библиографическом описании в списке литературы;
- опубликованные в других изданиях, включая интернет-СМИ, в том же объеме и с тем же названием;
- содержащие некорректные заимствования (плагиат).

Авторы, не имеющие ученой степени, аспиранты, соискатели, стажеры предоставляют заключение или заверенную рецензию своего научного руководителя (консультанта).

Сроки рецензирования, как правило, не могут превышать более восьми недель. В отдельных случаях допускается увеличение срока рецензирования в связи с необходимостью привлечения экспертов по проблематике статьи. В рецензии должно быть указано:

- соответствует ли содержание статьи её названию;
- отвечает ли она современным достижениям в рассматриваемой области науки (с учетом ее актуальности и научной новизны), а также аргументированный вывод о возможности публикации.

Рецензент дает рекомендации по доработке и относительно ее публикации в журнале, рекомендует рубрику.

Авторам отклоненных статей направляется мотивированный отказ без указания фамилии рецензента. В дальнейшую переписку с этими авторами редакция не вступает.

Статья, нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента или члена редакционной коллегии. Авторы должны учесть все замечания, сделанные в процессе рецензирования и редактирования статьи, ответить на каждое из замечаний и указать место в тексте, где сделаны изменения. Сделанные автором изменения необходимо внести в электронный вариант текста и вернуть в редакцию в указанные сроки.

После доработки статья повторно проходит рецензирование, по результатам которого редакция принимает решение о возможности публикации.

Не допускается многократная доработка статей: если после доработки статьи автором не удалось устранить замечания, то данная статья снимается с рассмотрения и отклоняется в установленном порядке.

Окончательное решение о публикации статьи принимается главным редактором, а при необходимости редакционным советом.

Рецензии на поступившие материалы хранятся в редакции не менее 5 лет вместе с редакту-рой рукописей.

Отказы на публикацию предоставляются по запросам авторов в форме официального мотивированного отказа. Копии рецензий направляются в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
